А.А. Киселев

Очерки этнической истории Кольского Севера

МУРМАНСК
2009

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Киселев

Очерки этнической истории Кольского Севера

МУРМАНСК
2009

УДК 94(470.21)
ББК 63.529(2Рос-4Мур)
К44

Печатается по решению редакционно-издательского совета Мурманского государственного педагогического университета

Автор: А.А. Киселев, д-р ист. наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории исторического регионоведения МГПУ

Рецензенты: Ю.П. Бардилева, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории МГПУ;
О.Ю. Климов, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ;
А.К. Порцель, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социологии МГТУ

Киселев А.А.

Очерки этнической истории Кольского Севера. – Мурманск: МГПУ, 2009. – 145 с.

В книге доктора исторических наук, профессора А.А. Киселева рассмотрена эволюция этно-демографической ситуации на Кольском Севере от дореволюционного состояния до современности. Автор книги подробно характеризует положение основных этнических групп, живущих в крае: саамов, ненцев, карелов, финнов, норвежцев, татар, китайцев, поляков, немцев.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-88476-928-1

© А.А. Киселев, 2009
© Мурманский государственный педагогический университет (МГПУ), 2009

Предисловие

Когда впервые появились люди в Заполярье, сказать трудно, так же как каждый может верить или не верить легендам о гиперборейцах. Но большинство археологов утверждают, что заселение Кольской земли началось задолго до нашей эры. Потоки охотников и рыболовов шли, сменяя друг друга, то с юго-запада, то с юга, то с юго-востока. Где-то в конце второго тысячелетия до нашей эры на Кольском полуострове обосновались лопари, предки нынешних саамов (некоторые археологи и краеведы называют их протолопарями). Численность этого племени никогда не превышала двух тысяч человек.

Кольская энциклопедия утверждает, что «если в начале XVII в. на Кольском полуострове проживало около тысячи саамов, то в 1782 г. – 1 359, в 1850 г. – 1 695, в 1897 г. – 1 724 (в стране в целом – 1 812). Более быстрому росту численности саамов мешали как тяжелые условия жизни, так и болезни: так, после эпидемии тифа 1858 г. численность их сократилась на 12%, а в 1884 г. – на 20%, составив лишь 1 398 человек...

Вслед за саамами на Кольский Север с XIV–XV вв. стали приходить первые русские поселенцы – в основном выходцы из древнего Новгорода, рыбаки и зверопромышленники, оседавшие преимущественно на Терском берегу. «Московская» волна русской колонизации с XVI в. способствовала их появлению на Мурманском берегу (Трифоно-Печенгский монастырь, Кола). Одновременно на Кольском полуострове появились и тесно связанные с русскими представители карельского этноса».

В 1858 г. в Кольском уезде насчитывалось 5 200 человек постоянного населения, в т.ч. в саамских погостах – 1 494; на Терском и Кандалакшском берегах – 3 192; на Мурманском берегу – 514.

С 1860-х гг. (особенно после 1868 г., когда было принято положение о льготах колонистам) начинается следующий поток колонизации – по преимуществу с запада, приведший к появлению на северо-западе Кольского полуострова значительной группы норвежцев и финнов. Наконец, в 1887 г. из Печорского уезда Архангельской губернии в центральную часть полуострова переселились несколько семей коми-ижемцев и ненцев.

В результате сложилось специфическое этногеографическое распределение населения. Из населявших в 1895 г. Кольский полуостров 8 690 человек было 5 720 русских и карелов (65,8% населения), они занимали Терский и Кандалакшский берега, побережье Кольского залива и Восточный Мурман; 810 финнов (9%), 220 норвежцев и фильманов (2,5%) – на Западном Мурмане; 1 840 саамов (21,2%), 76 коми и 24 ненца (1,1%) – в центральной части полуострова.

Во 2-й половине XIX в. рост населения Мурмана ускорился. С 1858 по 1907 гг. численность постоянного населения увеличилась почти в 2 раза и составила 10 316 человек. Пополнение происходило как в результате ес-

тественного прироста, так и вследствие миграционных процессов; последние, однако, играли ведущую роль, давая $^2/_3$ прироста.

Переход к более интенсивному освоению территории края, выразившийся в строительстве Мурманской железной дороги и основании г. Романова-на-Мурмане, способствовал притоку сюда людей. Ко времени установления Советской власти в крае проживало уже около 30 тыс. человек. Однако если колонисты приезжали в основном на постоянное место жительства, то большая часть прибывавших в годы Первой мировой войны рассматривала этот край как место временного пребывания. Поэтому события Гражданской войны, заметно ухудшившие и без того весьма сложные условия жизни здесь, привели к сокращению численности населения до 14 тыс. человек в 1920 г.

Далее численность населения Кольского Севера менялась следующим образом (в тыс. человек): 1932 г. – 32, 1940 г. – 318,4, 1950 г. – 314,7, 1960 г. – 585,1, 1970 г. – 799,5, 1980 г. – 987,1.

Анализируя этот демографический процесс, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН И.А. Разумова писала: «Сравнительно медленный рост населения в первой половине 1920-х (1920 – 14 тыс., 1926 – 23 тыс.) сменился очередным всплеском, вызванным активным освоением природных ресурсов края и открытием новых предприятий в условиях индустриализации конца 1920–1930-х гг. Рост шел, в первую очередь, за счет притока в край значительного числа (направленных и привлеченных) специалистов из разных областей и республик СССР, а также высылки сюда на поселение раскулаченных крестьян-спецпереселенцев (более 30 тыс. человек). В результате в 1930-е гг. среднегодовой прирост населения составлял 28,6 тыс. человек, и в 1939 г. его численность выросла до 318,4 тыс. (в 22,7 раза, по сравнению с 1920 г.).

Эвакуация граждан, призыв северян на фронт и гибель местных жителей в годы Великой Отечественной войны привели к новому падению численности населения, но уже к 1951 г. она вновь достигла предвоенного уровня.

Ставя перед собой задачу ускоренного освоения природных богатств Севера, но уже не имея возможности использовать исключительно административные меры, государство в послевоенный период начало привлекать сюда население с помощью различных льгот и повышенного уровня оплаты труда, что обеспечило сохранение быстрых темпов роста населения за счет миграции на Кольский полуостров вплоть до 1970 г. (ежегодный прирост в этот период составлял 24 тыс. человек). Наибольший удельный вес в структуре прибывших – около 30% – составляли мигранты из северо-западных регионов Европейской части РСФСР: Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областей, республик Карелия и Коми. В целом мигранты из РСФСР составляли $^2/_3$ от общего числа

прибывших в область (из Азиатской части РСФСР – около 4%). Значительна доля выходцев с Украины и из Белоруссии...

В 1970–1980-е гг. миграционный источник стал играть меньшую роль в формировании населения, на первый план вышел естественный прирост населения, в результате чего произошло снижение темпов его роста. Достигнув своего пика в 1991 г., численность населения Мурманской области начинает снижаться. За 1992–2006 гг. она уменьшилась на 312,4 тыс. человек».

Но вернемся к 70-м гг. прошлого столетия. В 1972 г. СССР торжественно отметил 50-летие своего создания, и идеологи КПСС громко заявили, что на $^1/_6$ части земной поверхности национальный вопрос решен полностью и навсегда.

Однако последующие за перестройкой события показали, что это не так. Не отрицая наличие положительных моментов в национальной политике коммунистов, не отбрасывая в сторону, как ненужный хлам, элементы дружбы народов СССР, тем не менее следует сказать, что командно-административная система СССР не обратила должного внимания на тлеющие угольки традиционного национализма и шовинизма внутри страны и на все усиливавшееся давление западной «демократии».

И в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. во многих регионах СССР начались волнения на национальной почве. Внутри «великого советского народа» появились националистические течения и движения, закончившиеся развалом СССР.

У нас, на Кольском полуострове, слава богу, националистическое движение не приобрело тех форм, что на других окраинах России. Но обстановка заставила политологов, социологов, этнографов обратить на этот вопрос более пристальное и более объективное внимание. Надо было более капитально разобраться с «этим багажом», официально зарегистрированным как «кольский этнос».

В 1989 г. я опубликовал три статьи на эту тему в «Полярной правде»: «Как росло население Мурмана» (7.01.1989), «Финны на Мурмане» (11 и 12.03.1989) и «Норвежцы на Мурмане» (23, 25, 26.07.1989).

В 1993 г. в газетах появилось еще 5 моих публикаций на тему о мурманском этносе: «"Шанхай" на сопках Мурманска» («Полярная правда», 9, 10, 11.02); «Кольские саамы выбирают будущее» («Советский Мурман», 7.07); «Немцы на Мурмане» («Полярка», 24, 25, 28.09); «Поляки на Русском Севере» («Полярка», 12, 13, 14, 15.10) и «Карелы на Кольском Севере» («Полярка», 14, 15, 17 и 21.12).

В 1994 г. в «Полярной правде» и «Ловозерской правде» появился большой очерк «Мурманские коми» («Полярная правда», 15, 19 и 20.07 и «Ловозерская правда», 5, 8, 12, 19, 29.08). В том же году была напечатана статья «Ненцы на Мурмане» («Полярная правда», 20.08).

И наконец, в 1996 г. в казанском журнале «Татарстан» (№ 5, с. 53–57) был напечатан большой очерк «Татары на Севере».

Почти все эти очерки появились в средствах массовой информации Норвегии, Финляндии, Польши, Карелии и Коми Республики. Указание на эти издания можно найти в биобиблиографическом указателе «Алексей Алексеевич Киселев» 1996 г. изд. (позиции 403, 422, 443, 543, 607, 644 и др.).

Но впервые собрать этот материал вместе, под одной обложкой удалось только сейчас, спустя 15–20 лет.

Чем это вызвано, ради чего это сделано? Что автор хотел этим сказать?

Во-первых, чтобы понять сегодняшние проблемы той или иной диаспоры, надо знать историю ее возникновения и основные этапы ее развития. При этом мы исходили и исходим из положения, что есть «только два главных критерия для отнесения того или иного индивидуума к известной национальности: его собственное показание (мнение) и родной (материнский) язык...»[1].

Во-вторых, чтобы избежать такого рода конфликтов, как случился не так давно в карельской Кондопоге, надо внимательно следить за миграционными процессами.

В-третьих, решение национальных проблем – дело сложное и долгое. Даже с такой маленькой диаспорой, как кольские саамы. И тут важны проблемы не только языка, культуры, традиций, обычаев, экономики и производства (оленеводства, рыболовства, охоты), но и взаимоотношений с людьми других национальностей, с «дальними родственниками» – саамами Финляндии, Швеции, Норвегии. Вот поэтому-то мы и уделили саамской проблеме здесь такое внимание. Что же касается славян (великороссов, украинцев, белорусов), то мы не стали их включать в наше повествование об этносах, так как в общей литературе о Мурмане все эти проблемы освещены достаточно полно. Правда, тут есть один нюанс – история кольских поморов. Как-никак это особая этническая группа Кольского Севера. Но в данном случае мы отошлем читателей к трудам этнографа из Санкт-Петербурга Татьяны Александровны Бернштам и группы ученых из Кольского научного центра во главе с И.А. Разумовой.

Этот сборник очерков об этносах Кольского Севера поможет краеведам полнее представить картину заселения заполярного края, те проблемы, с какими сталкивались национальные диаспоры в последние века второго тысячелетия нашей эры. Книга рассчитана на внимание студентов гуманитарных факультетов, учителей обществоведения и истории, на социологов, этнографов и всех тех, кому интересны события, происходящие в Заполярье в прошлом и в новейшее время.

---

[1] Птуха М.В. Очерки по статистике населения. – М., 1960. – С. 241–242. Однако в этнографии эти принципы выглядят иначе.

Этно-демографические процессы на Кольском Севере: история и современность

Вначале два общих, можно сказать, вступительных замечания.

Первое – по поводу самого названия этого опуса. Вдумываясь в это определение – этно-демографические, я чувствую определенный повтор. Ведь что такое «этнос»? В переводе с греческого это слово обозначает «народ». Отсюда и название отрасли исторической науки – этнологии (или этнографии), изучающей состав, происхождение, расселение, культурно-исторические взаимоотношения, материальную и духовную культуру, быт и обычаи людей.

А что такое «демос»? Тоже, в переводе с иностранного, народ. А демография – наука о народонаселении, его составе, изменениях, численности, миграциях, географии распределения, процессах воспроизводства, включая рождаемость, смертность, продолжительность жизни, а также зависимость всех этих факторов от социально-экономической обстановки.

В то же время следует не забывать, что в древнегреческом языке термины «демос» и «этнос» выражают разные понятия, поэтому демография и этнография говорят о разных аспектах изучения общества. «Демос» в древнегреческом языке – народ в смысле всей совокупности населения страны, а также люди простого происхождения. Этнос же – народ в смысле его национальной принадлежности, т.е. русские, татары, англичане, саами и т.д.

В русском языке оба древнегреческих термина выражаются одним словом – «народ», хотя оно у нас имеет именно эти два смысла: 1 – совокупность жителей, граждан страны; 2 – этническая общность с ее особенностями происхождения, единством языка, культуры, психического склада и т.п.

Как видим, в самом названии этой публикации есть словосочетание типа «масло масляное», но мне придется избегать кажущихся повторов и дать сугубо фактический материал.

Второе замечание больше хронологического порядка. Ввиду того что профессор И.Ф. Ушаков, в честь которого регулярно проводятся конференции, подробно осветил этно-демографические процессы до начала XX в. в своих трудах, в первую очередь в «Кольской земле», то нам можно сосредоточиться на событиях последнего столетия.

Историография вышеобозначенной проблемы достаточно разработана и многим известна. Ни одно сочинение по истории Кольского полуострова не обходится без данных о его жителях, времени заселения саамов, поморов, колонистов, о миграциях и иных процессах. Есть и специальные работы о населении Кольского Севера, о тех изменениях, что происходили на протяжении веков. Немалый вклад в разработку проблемы сделали ученые Кольского научного центра Академии наук СССР и РФ. Накоплен, в конце концов, определенный статистический материал. И тем не менее

многие детали этно-демографического процесса (процесс – это продвижение, ход явления, последовательная смена состояний, стадий развития) на Кольском полуострове еще не до конца ясны и четко обоснованы.

По этому поводу я недавно получил подтверждение от двух ученых (один – Дэвид Андерсон из университета г. Абердин (Шотландия), другой – К.Б. Клоков из Санкт-Петербурга), занимающихся изучением итогов Приполярной переписи населения 1926/27 гг. В обращении ко мне они писали: «Приполярная перепись 1926/27 гг. была уникальной не только и не столько статистическим, сколько комплексным научным проектом в истории циркумполярной Арктики. Ни до, ни после этого не было других собранных по унифицированной методике материалов, которые бы описали такое количество поселений и кочевых групп коренного населения Севера на огромной территории с такой полнотой и детальностью. Первичные материалы Приполярной переписи (похозяйственные карточки, поселенные бланки, а также другие формы документации – фотографии, дневники и т.д.) представляют собой уникальное по полноте систематизированное описание жизни сельского и промыслово-оленеводческого населения труднодоступных северных территорий, многие из которых до этого были практически не исследованы с этнографической и хозяйственно-статистической точки зрения. Эти богатые материалы практически не были обработаны в свое время. Сегодня они представляют важные сведения о жизни коренных малочисленных народов, и также сельского русского населения, в период до коллективизации и в начале промышленного освоения этих районов».

«Целью нашей работы, – писали они далее, – является восстановление архива материалов Приполярной переписи с тем, чтобы сделать их доступными для большинства исследователей, изучающих хозяйственную историю Севера, этническую демографию и традиционное природопользование коренных северных народов».

И таких недостаточно проработанных тем в истории Кольского Севера немало. А в то же время исторических источников для разработки такого рода проблем вполне достаточно. Это в первую очередь архивные фонды (и не только по материалам переписей населения), статистические выкладки и отчеты, специальные сборники статей (последний из них – «Этнокультурные процессы на Кольском Севере» вышел в Апатитах в 2004 г.).

Вот, опираясь на такого рода источники, я и подготовил данный материал, в котором хочу осветить три вопроса:

1. Каковы закономерности этно-демографических процессов на Кольском Севере?
2. Каковы главные составляющие этих процессов (основные критерии пути развития народонаселения)?
3. В чем особенности этно-демографических процессов Кольского Заполярья в прошлом и сегодня?

Начнем с некоторых закономерностей.

Во-первых, этно-демографические процессы на Кольском Севере тесно связаны и часто даже обусловлены социально-экономическим развитием Заполярья. Приведем несколько примеров. В 1915 г. началось сооружение Мурманской железной дороги, торгового порта в Кольском заливе, военно-морских баз на побережье Баренцева моря. На Кольский полуостров были брошены тысячи вербованных крестьян центральной России, солдаты железнодорожных батальонов, военнопленные и привезенные из Харбина китайцы. Население края увеличилось почти сразу вдвое, вслед за экономическим оживлением последовали демографические перемены: была заселена полоса вдоль Мурманской железной дороги, появился новый город Романов-на-Мурмане, оживились поморские села и лопарские погосты.

Второй факт связан с индустриализацией Мурманского округа, начавшейся в конце 20-х гг. XX в. Превращение кустарных рыбных промыслов в мощную государственную промышленность, создание береговой базы рыбообработки и судоремонтных заводов изменили состав населения прибрежной части Мурмана. И тут возникли рабочие поселки: Сайда-Губа, Торос-Остров, Ура-Губа, Порт-Владимир, Териберка и др.

Помимо рыбной промышленности, на Баренцевом море в годы индустриализации в крае возникли новые отрасли экономики и в других районах полуострова: горно-химическая в Хибинах, медно-никелевая в Монче-тундре, лесопильная в Кандалакше и Зашейке; энергетика на реках Нива и Тулома. И весь этот экономический бум сопровождался ростом рабочего класса, увеличением инженерно-технических работников и служащих, членов их семей. Часть из них приезжала добровольно (в основном, по вербовке), другие посылались в порядке партийно-комсомольских мобилизаций, третьи были доставлены на Кольский полуостров принудительно (раскулаченные, сосланные и заключенные). Но в общем котле социалистической стройки весь этот контингент нивелировался, «выправлялся» и делал то дело, ради которого их и собрали на Севере: строили заводы и фабрики, рудники и дороги, электростанции и линии передач.

Третий пример тесного взаимодействия социально-экономического развития Мурманской области и этно-демографических процессов можно взять из послевоенной истории. Когда встала задача восстановления разрушенного в войну хозяйства, когда не хватало ни механизмов, ни стройматериалов, вновь был брошен лозунг: «Человек – главная производительная сила!». И люди, где числом, а где уменьем, взялись за дело и за два-три года восстановили довоенный уровень производства Заполярья.

Но есть примеры и отрицательного свойства взаимосвязи социально-экономического развития и этно-демографических процессов. Это 90-е гг., самый конец XX в., когда был развален Советский Союз, был провозглашен отказ от многого, что было накоплено за годы Советской власти. Политическая дестабилизация привела к кризису экономики, который захватил все регионы России, в т.ч. и Мурманскую область. В 1995 г. я писал:

«Тяжелые времена переживает в данный момент и Мурманская область. Выпуск промышленной продукции в 1992 г. упал, по сравнению с 1991 г., на 16%. Весь мощный горно-сырьевой и обогатительный комплекс области (рудники АО "Апатит", Оленегорского и Ковдорского железорудных предприятий, Ловозерский ГОК, комбинаты "Североникель", "Печенганикель", "Ковдорслюда" и др.), создаваемый десятилетиями и имевший до перестройки хорошо отлаженные связи с потребителями, оказался в кризисе. Суперфосфатные заводы Украины и Средней Азии стали отказываться от апатитового концентрата, металлургические заводы из-за перебоев с коксом не брали железный концентрат. Некуда и некому стало продавать слюду, редкоземельные элементы...

Тяжелое положение сложилось в рыбной промышленности Мурманской области. Все меньше рыбы доставлялось в порт, на предприятия рыбокомбината. Все больше рыбной продукции продавалось за рубежом – флоты стали зарабатывать себе валюту. На мурманских прилавках не стало дешевых трески, палтуса, сельди, других традиционных видов северной рыбы. Цена мойвы, которую раньше и за рыбу-то не считали и которая стоила копейки, выросла до 40–60 рублей за 1 кг. В рыболовецкий флот стало поступать все меньше кораблей так называемого "новостроя", траулеры эксплуатировались сверх положенных сроков без ремонта.

Ситуация во всех добывающих отраслях промышленности Мурманской области была сверхсложной. Рост цен на энергоносители, в т.ч. на нефтепродукты, электроэнергию и уголь, поставил предприятия на грань банкротства. Рыбаки вынуждены были либо сокращать объемы лова и продавать суда, либо просить государственную дотацию. На выплату части зарплаты в валюте в конце 1992 г. уходила почти вся вылавливаемая по квотам треска (ее продавали за границу)...

Фактически вполсилы работал строительный комплекс области. У строителей не было бетона, кирпича, арматуры, столярных изделий, участились перебои с топливом и транспортом. Если в "застойные" времена строители Мурманской области сдавали в год по 400 тыс. м^2 жилья, то в годы "перестройки" темпы упали: в 1991 г. было построено лишь 230 тыс. м^2, а в 1992 г. – еще меньше, около 170 тыс. м^2...

Инфляционные процессы, экономический кризис, политическая нестабильность, отсутствие авторитетной и сильной власти разделили общество на множество социальных групп. В Мурманской области появились миллионеры (в большинстве подпольные, пока анонимные), бизнесмены, предприниматели, деловые люди всех направлений (биржи, совместные сообщества, различные ассоциации, фирмы и т.д.). На них (или в их организациях) работали тысячи наемных рабочих и различного рода служащих. Рабочий класс на крупных предприятиях (производственные объединения "Североникель", "Апатит", "Печенганикель", горно-обогатительные комбинаты – Оленегорский, Ковдорский, Ловозерский, заводы в Мур-

манске и Кандалакше) стал тоже иным, чем раньше. Интересы своего предприятия ему теперь были ближе, чем интересы государства и области. Групповой эгоизм, подпитываемый высокой зарплатой и систематическими подачками в виде премий и материальной помощи, победил существовавший когда-то лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

В 1992 г. как-то сразу выделилась и обособилась группа бюджетных работников, особенно после введения 18-разрядной сетки оплаты труда. С одной стороны, они сильнее, чем раньше, почувствовали свою зависимость от правительства, государства, от его бюджета. С другой стороны, они увидели возможность объединения в борьбе за свои права и повышение зарплаты.

По-прежнему в тяжелом положении находятся пенсионеры Мурманской области. Тем из них, кто еще имеет возможность трудиться, живется немного лучше. Тем же, кто не работает и полностью зависит от пенсии, не позавидуешь.

Начался отток населения с Кольского полуострова. Многие из тех, у кого есть жилье на юге (кооперативные квартиры, индивидуальные дома в сельской местности), "ударились в бега". И такая миграция поощрялась властями – на освободившиеся квартиры было много желающих.

За 1992 г. население Мурманской области уменьшилось на 60 тыс. человек. Такой ситуации не было на полуострове со времен Второй мировой войны. Эти негативные демографические процессы усугубляются растущей безработицей».

Это было написано 14 лет назад. Сейчас, вроде бы, экономическое развитие области улучшается, но последуют ли за этим рост населения и улучшение демографических показателей – сказать трудно.

Вторая закономерность этно-демографических процессов на Кольском Севере более позитивна. Какие бы сложности ни переживало наше общество в целом, какие бы катаклизмы ни возникали в процессе развития, тенденция к росту и воспроизводству населения на протяжении прошлого века прослеживается довольно четко. Вот цифры об этносе Кольского Севера по переписям населения (в тыс. человек):

1897 г. – 9,1;
1920 г. – 14,0;
1926 г. – 23,0 (без Кандалакши);
1939 г. – 291,2;
1959 г. – 567,7;
1970 г. – 799,5;
1979 г. – 965,0;
1989 г. – 1 146,6.

Да, и в этом процессе воспроизводства были «ямы» (после Гражданской и Великой Отечественной войн), были периоды бурного, т.н. «компенсационного», роста и определенного снижения рождаемости, но тем не

менее население Кольского Севера постоянно росло (как в целом и население земного шара, ныне превысившее цифру в 6 млрд. человек). Но и тут в конце XX в. история сыграла с нами злую шутку (и с Россией в целом, и с Мурманской областью, в частности). 27 февраля 2007 г. «Вечерний Мурманск» в официальном заявлении партии «Справедливая Россия» сообщал: «Россия находится в состоянии огромного демографического кризиса, который ведет к вымиранию целых территорий. За последние 12 лет чистые потери россиян достигли 10 млн. человек. И каждый год мы продолжаем терять около 700 тыс. Если подобная ужасающая тенденция сохранится, то к 2075 г. в нашей с вами стране останется менее... 100 млн. жителей.

Говорят, факты – упрямая вещь. Но когда в их качестве выступают цифры, картина прорисовывается убедительной настолько, что дальше просто некуда. Средний ежегодный темп уменьшения собственно "славного племени" северян увеличился более чем в 3 раза и составляет в среднем 1,7%. За последнее десятилетие численность детского населения Кольского Заполярья сократилась на 29%. Более того, по сравнению с темпами снижения общей численности населения Мурманской области, темпы снижения численности детского населения в несколько раз выше. Так, если в конце 90-х гг. темп снижения общей численности северян составил 1,7%, то в отношении детей этот показатель – 7,8%. Одновременно все больше становится в Кольском Заполярье людей в возрасте 40–49 лет (на 56,6%), а также тех, кто старше 60 лет (на 69,7%)».

А официальные цифры о численности населения Мурманской области, по последней переписи 2002 г., таковы: на Кольском Севере постоянно проживало 892 тыс. человек, т.е. на 250 тыс. меньше, чем в 1989 г. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Третьей закономерностью этно-демографических процессов на Кольском Севере является то, что наш этнос преимущественно русский. Как ни пытались «власть предержащие» разбавить его колонистами (финнами, норвежцами, карелами), вербованными белорусами, татарами и украинцами, сосланными поляками, немцами и евреями, ядро населения Кольского Севера продолжает оставаться великороссским. Почти на протяжении всего XX в. русские в составе кольского этноса составляли 85%. Правда, это не мешало существованию и других диаспор: по последней переписи населения, в Мурманской области проживали (кроме украинцев и белорусов) 4 614 азербайджанцев, 1 954 армян, 2 177 коми-ижемцев. Не исчезла и не ассимилировалась полностью и народность саамов. Аборигены Кольского полуострова продолжают жить бок о бок с русскими, украинцами, белорусами и людьми еще более чем 100 национальностей. По переписи населения 1989 г., в области насчитывалось 1 615 саамов (0,14% от всего населения Мурмана), по последней переписи (январь 2002 г.) их было 1 789, в т.ч. 814 мужчин и 955 женщин. Можно, конечно, сомневаться в доподлинной

точности этих цифр, но иных официальных цифр у нас нет, и мы оперируем тем фактическим материалом, что имеем.

И есть еще одна закономерность этно-демографических процессов на Кольском Севере: наш этнос почти весь век был преимущественно городским, урбанизированным. Со времен социалистической индустриализации, рождения новых городов и рабочих поселков основной приток населения шел туда, на новые промышленные предприятия, в городские инфраструктуры. Начиная с конца 30-х гг. XX в. более 90% населения Мурмана жили в городских поселениях – область всегда была одной из самых урбанизированных (городских) в России.

Если же, кроме вышеобозначенных общих закономерностей, рассмотреть некоторые составляющие детали этно-демографических процессов, то выяснятся не только позитивные, но и негативные стороны развития Кольского этноса.

Начнем с рождаемости – одного из главных факторов воспроизводства населения. Первые тревожные нотки по этому поводу появились сразу после Второй мировой войны. Если в 1941 г. в Мурманской области родился 41 человек на 1 000 населения, то в 1980 г. – лишь 16. Демографы пытались успокоить общественное мнение: «Это общечеловеческий факт, все цивилизованные страны Европы переживают такой период». Но дальше – не больше, а хуже: в 2000 г. в области родилось только 8 человек на 1 000 населения. Все поняли – это демографический кризис: и особенно стало печально, когда сравнили рождаемость в нашей области и в северных районах соседних стран: она составляет в Северной Финляндии – 13,5 человек, в Северной Норвегии – 14,4 человек на 1 000 человек населения. Трудно сказать, как отразятся на рождаемости в России и в Мурманской области последние мероприятия Президента и Правительства, какую отдачу в этом направлении принесет т.н. «материнский капитал», но хочется надеяться на здравый смысл и оптимизм россиян.

Ситуация с рождаемостью на Кольском Севере усугубляется еще одним фактором воспроизводства населения – показателем смертности. Если в 1970 г. в Мурманской области умирали 4,9 чел. (на ту же 1 000 душ), то в 2000 г. – 11 чел., а в 2005 г. – еще больше (11,7 чел. на 1 000 человек населения). Многие умирают в «цветущем» возрасте, и не только от неизлечимых болезней, но и от алкоголя, передозировки наркотиками, суицида и т.д.

Сочетание этих двух показателей (рождаемость и смертность населения) и дали печальный результат: если в 1940 г. естественный прирост в области составлял 17,8 человек, а в 1987 г. – 10,1 (на 1 000 человек), то в 2001 г. естественный прирост как таковой исчез: в балансе был минусовой результат: –2,5–3,2 человек (на 1 000 человек).

Вдумываясь в эти цифры, анализируя их истоки, мы видим два изъяна в этно-демографическом развитии Мурманской области (и не только).

Первый касается браков, второй – семьи. В XX в. были нарушены постулаты церкви и традиции нации по вопросам заключения союза между мужчиной и женщиной, желающих создать семью. Свобода браков, легкость разводов и абортов привели к хаосу в области семейных отношений. Приведем только цифры последнего десятилетия: в 1995 г. на Кольском Севере было заключено 8,1 тыс. браков, а разводов было 6,8 тыс.; в 2000 г. – 6,5 тыс. браков и 5,9 тыс. разводов; в 2005 г. соответственно 7,3 и 5,6 тыс. А где же высокие слова: «Браки заключаются на небесах», где же торжественные напутствия в загсах, где клятвенные обещания молодоженов – любить друг друга вечно?

Ну а дальше начинается настоящая чехарда: рушатся семьи, появляются матери-одиночки, безотцовщина, беспризорщина, нежелание платить алименты и т.д. А ведь великий В.И. Даль писал в свое время в «Толковом словаре»: «Семейный горшок всегда кипит», «Семейное согласие всегда дороже», «В семье и каша гуще». Потеря чувства семьи как совокупности близких родственников ведет ко многим другим бедам.

Вот поэтому-то борьбу за улучшение этно-демографических показателей нам надо начинать «ob ovo»: с детства, юношества, с брака, семьи, с воспитания самих родителей.

Многие из тех проблем, которых мы касались выше, носят общероссийский характер, они в той или иной мере повторяются и в соседних регионах – Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской областях и в Карелии.

Однако этно-демографические процессы Мурманской области обладают какими-то своими особенностями, и их не мало, но мы перечислили лишь главные.

Прежде всего, мурманский этнос сравнительно молодой, он в XX в. только стал складываться. Если на Вологодчине и в Архангельском Поморье люди живут столетьями, то на Мурмане процесс заселения начался по-настоящему лет 70–80 назад. Мои студенты первого курса, изучая историческое краеведение, пишут сочинение на тему «Моя родословная», и почти все говорят лишь о трех – от силы четырех поколениях, дальнейшей судьбы предков никто не помнит, ибо она уходит за пределы Кольского Севера.

Вот так и появились те цифры в переписи 1989 г.: в Мурманской области учтено 436,6 тыс. местных уроженцев и 722,8 тыс. приезжих, т.н. мигрантов. Правда, первая цифра продолжает расти, но, тем не менее, и среди постоянных мурманчан ясно просматриваются ряды вологодских, архангельских, карельских и иных регионов.

Вторая особенность народонаселения Кольского Севера – его разнообразие по социальному признаку. Кого только не было среди мурманчан: в 20-е гг. XX в. – лопари, поморы, колонисты, сезонные рыбаки и строители: в 30-е гг. – массы завербованных, командированных, ссыльных и заключенных ГУЛАГа; в 40-е гг. – тысячи сначала мобилизированных, а по-

том демобилизированных из армии и флота, а также вернувшихся из эвакуации; в 50-е гг. – на Кольском полуострове новые наборы комсомольцев-добровольцев. И весь этот поток мигрантов сливался с тем слоем населения, что прибыл раньше, и все это перемешивалось в общем котле этноса.

На этно-демографические процессы, происходящие на Кольском Севере, во многом влияет приграничное положение Мурманской области. Начиная с 30-х гг. XX в., когда началась милитаризация Кольского полуострова (создавался Северный военно-морской флот, два укрепрайона, усиливались пограничные войска, противовоздушная оборона, в городах разместились части 14-й армии), в составе населения всегда было много военных (моряков, летчиков, артиллеристов, пехотинцев). Без участия военных не решалась ни одна проблема экономического, социального и культурного плана. К тому же многие военнослужащие, уходя в запас или в отставку, продолжали работу в гражданском секторе.

И есть еще один аспект, связанный с приграничным положением Мурманской области: значительная часть населения поддерживает контакты с зарубежьем. Недавно управление ФСБ по Мурманской области опубликовало данные: за 2006 г. государственную границу РФ (через КПП Борисоглебский, Лотта, Салла, в аэропорту и торговом порту) пересекло около 350 тыс. человек (т.е. ежедневно 1 000 граждан). Этот фактор тоже надо учитывать при анализе этно-демографических процессов.

Четвертой особенностью народонаселения Мурманской области следует считать преобладание среди мурманчан женской половины рода человеческого. Так пошло с послевоенных лет (следствие войны), так обстоят дела и сейчас: в 2006 г. женщины составляли 52% всего населения области. Но самое главное в этих показателях полового характера то, что женщин в 1,6 раза больше, чем мужчин, среди населения в возрасте 50 лет и старше.

К числу особенностей этно-демографического свойства следует отнести также: а) большое количество в области разнородных браков (русская жена, а муж еврей или армянин; русский муж, а жена украинка, белоруска и т.д.) – они составляют 25% всех семейных; б) небольшие по составу семьи (2–4 человека).

К сожалению, негативной особенностью этно-демографического плана является показатель продолжительности жизни мурманчан. Она ниже, чем в среднем по Российской Федерации: в 2005 г. в РФ она составляла 65 лет у женщин и 63 – у мужчин. А о Мурманской области облстат сообщал так: «На 1 января 2006 года средний возраст населения области составлял 35,9 года, в т.ч. мужчин 33,1 года, женщин 38,5 года. Ожидаемая продолжительность жизни населения области при рождении составила в 2005 году 63,8 года, в т.ч. мужчин – 57,7 года, женщин – 70,3 года».

Одной из положительных характеристик народонаселения Кольского Севера в настоящее время является тот факт, что число трудоспособных в составе жителей области выше, чем в среднем по России: у нас – 70%, а в

РФ – 63%. Но и в этой бочке меда есть ложка дегтя – число безработных: их (официально зарегистрированных в органах государственной службы занятости) в 2004 г. было 22,4 тыс., а в 2005 г. – 19,5 тыс. Но на самом деле их, по-видимому, значительно больше.

Есть, конечно, и другие особенности этно-демографических процессов на Кольском Севере (низкая плотность населения – всего 6 человек на км^2; такие психологические черты характера, как открытость, доброта, желание помочь и т.д.), но мы остановились за неимением времени и книжной площади на том, что сказали.

...Трудно говорить о перспективах этно-демографических процессов в Мурманской области, да и не наша эта задача. И все же хочется надеяться на лучшее будущее. А оно будет зависеть от стабилизации общества, от экономических успехов России, от осуществления тех национальных проектов, которые начаты в 2006 г. Если будет продолжаться улучшение благосостояния общества (рост зарплат, пенсий и пособий), то улучшится и рождаемость, снизится смертность, организованнее и целенаправленнее станет миграция. И тогда мы вылезем из той демографической ямы, в которой оказались на рубеже XX и XXI вв.

О прошлом и настоящем кольских аборигенов

Более тридцати лет (с 1977 г., когда увидела свет наша книга «Советские саамы: история, экономика, культура»), занимаясь проблемами коренного населения Кольского полуострова, наблюдаю неослабевающий интерес к малочисленному саамскому народу, его истории, культуре, социологии. С одной стороны, вижу, что меняется в этой диаспоре к лучшему, а что остается в числе нерешенных задач.

И то, что я размышляю об этом в общий для всех саамов Норвегии, Швеции, Финляндии и России праздник (6 февраля – Международный день саамов), говорит об очень важном факторе – интеграции скандинавских, финских и русских саамов, восстановлении когда-то нарушенных связей, объединении каких-то элементов общественно-культурной жизни, взаимном приспособлении, несмотря на наличие государственных границ и вековые традиции самостоятельного развития.

В свое время мы кичились, что советские саамы[1] идут «своим путем» и этот путь – самый правильный. Но жизнь показала, что опыт развития норвежских саамов (так же, как шведских и финских) нельзя игнорировать, и общие проблемы оленеводов (использование все уменьшающихся площадей ягельников, борьба с болезнями оленей, сбыт продукции, повышение рентабельности оленеводства, сохранение рыболовных угодий, народных промыслов, проблемы самоуправления и т.д.) лучше решать, оглядываясь друг на друга, перенимая соседский опыт.

Если оценить тысячелетнюю историю саамов Кольского Заполярья, то ее можно разделить на 3 периода: до начала XX в., с 1917 г. до 90-х гг. и постсоветские годы.

В первый период главной объективной целью саамской общины Кольского полуострова была борьба за существование, стремление выжить в тяжелейших условиях Крайнего Севера, приспособиться к русской и иной, в т.ч. коми-ненецкой, финской, норвежской колонизации.

Во втором, советском периоде своей истории лопари-саамы вроде бы получили государственную поддержку. Но катаклизмы той эпохи (Гражданская война, коллективизация оленеводческих хозяйств, борьба с «врагами народа», Вторая мировая война, ликвидация мелких погостов при Н.С. Хрущеве, создание совхозов) не давали самим саамам возможности решить тундровые вопросы по-своему, наиболее рациональным путем. Поголовье оленей не могло превысить 70–80 тыс. голов, на пастбищах гос-

---

[1] В русском языке и литературе существуют два вида написания этого слова: склоняемое «саамы» и несклоняемое «саами». До начала 30-х гг. XX в. этот этнос Кольского полуострова называли лопарями (от слова «лопь» – народ, живущий на краю земли. Отсюда понятия «Лапландия» и «лапландцы»).

подствовали анархия и бесхозяйственность, доходы оленеводов не росли, а падали.

И все же в советское время немало делалось в интересах саамского населения, особенно в сфере медицины, социального обеспечения, школьного обучения, культуры. Было несколько попыток внедрить саамскую письменность, охватить всех детей школьным образованием, вырастить собственную саамскую интеллигенцию. Кое-что из всего этого задуманного удалось реализовать.

Что можно квалифицировать как положительное в истории кольских саамов в советский период?

Во-первых, было ликвидировано имущественное неравенство, когда одни лопари имели 2–3 оленей (а то и вообще ни одного), а другие владели тысячными стадами, и как следствие исчезла неприкрытая и грубая эксплуатация человека.

Во-вторых, в Кольской тундре была организована реформа землеустройства, осуществленная в 30-е гг. прошлого века.

В-третьих, саамам-оленеводам оказывалась зоотехническая и ветеринарная помощь, была создана опытная оленеводческая станция, нацеленная на разработку прогрессивных способов оленеводства.

В-четвертых, предпринимались попытки решить проблему перевода оленеводов на оседлый образ жизни (выдавались кредиты на строительство индивидуальных жилых домов, строились целые поселки).

В-пятых, помимо оленеводства и рыболовства, в тундре появились другие сферы занятий коренного населения: молочное животноводство, свинофермы, овцеводство, строительство, транспорт и связь, пошивочные мастерские и т.д.

В-шестых, саамам оказывалась бесплатная медицинская помощь, во всех крупных населенных пунктах открылись здравпункты.

В-седьмых, самые весомые положительные сдвиги произошли в культурно-общественной жизни кольских саамов. Советская власть предоставляла им право участвовать во всех сферах власти, осуществляла большое школьное строительство, обязывала родителей обучать детей в школах (для этого создавались во всех погостах начальные школы, а для учеников постарше – интернаты в крупных селах). В Ленинграде (в пединституте) и в Мурманске (в педтехникуме) обучались будущие саамские учителя. Была осуществлена новая попытка разработать и внедрить саамскую письменность, появились первые книги на саамском языке.

В 1927 г. в Ловозере появилось радио, во всех крупных погостах были созданы клубы и библиотеки. Оленеводы узнали, что такое телефон и газеты, впервые увидели трактор и автомобиль.

Но цивилизация и советская действительность привнесли в жизнь коренного населения Кольского полуострова и немало негативного. Мы не будем повторяться и говорить о таких явлениях и событиях, как коллекти-

визация и политические репрессии 30-х гг., ущерб от войны и последующие неудачные попытки реформ сверху, а скажем о том, что объективно мешало кольским саамам сделать свою жизнь благополучнее и богаче.

Во-первых, тотальное обобществление оленеводческих хозяйств, бездумное, а порой безжалостное отношение к зажиточным оленеводам. Разжигание вражды между бедными и богатыми, пастухами и хозяевами, между лопарями и коми-ижемцами ничего хорошего Кольской тундре не дали. Так называемая классовая борьба в погостах привела к сокращению оленьего поголовья, уходу части населения в города. Колхозы как организационная форма оленеводства себя плохо оправдали. Именно поэтому в 60-е гг. они были преобразованы в совхозы.

Во-вторых, кольские саамы и в XX в. продолжали оставаться самой пассивной частью населения тундры. Их доброта и терпимость использовались властями как молчаливое согласие. На агрессивную политику центра, Мурманска и Ловозерского райкома ВКП(б) они никак не реагировали и замыкались в себе, чаще всего уходили в тундру, к оленям, или на рыболовные тони.

В-третьих, среди саамов с каждым десятилетием возрастало число людей, злоупотреблявших алкоголем. Пьянство становилось социальным бедствием; в советскую эпоху среди саамов появились пьющие женщины и даже дети. Доступность и относительная дешевизна водки и других «горячительных» напитков, привившаяся традиция отмечать любые значительные события со стаканом водки в руке вели к деградации коренного населения. Возросло число суицидов и преступлений, совершенных в пьяном состоянии. Из десятилетия в десятилетие сокращалась продолжительность жизни (особенно мужчин). А вот как выглядели рождаемость и смертность саамов Ловозерского района в конце XX в.: в 1990 г. родились 27 человек, умерли – 15; в 1995 г. появилось на свет 20 детей, а умер за год 21 человек. Как видим, негатив налицо.

В-четвертых, усиливались ассимиляционные процессы в тундровых селениях. С одной стороны, часть саамов уходила в близлежащие промышленные центры (Ревда, Оленегорск, Мончегорск, Кировск, Мурманск), с другой – саамские девушки и женщины выходили замуж за представителей других народов: за русских, украинцев, белорусов. Согласно статистическим данным, в Ловозерском районе за последние 18 лет XX в. саамы оформили в загсе 243 брака, из них 209 – смешанных. И теперь уже по фамилии трудно определить, кто саам, а кто коми.

В начале века у саамов было всего около 50 родовых имен, а ныне все перемешалось. И дело даже не в этих, во многом естественных процессах. В смешанных браках теряются саамский разговорный язык, вековые традиции, обычаи, национальный фольклор, одежда. И хотя в последнее время все чаще мы видим саамов в национальных одеяниях, все это больше для парада.

Есть еще один фактор отрицательного свойства. В пору борьбы с «религиозным дурманом» (в 30–50-е гг. XX в.) коммунистическая идеология нанесла удар не по церквям и часовням, не по попам и христианской религии, а по психологии и верованиям саамов. Хотя лопарей и считали всегда православными христианами, но в душе они оставались язычниками. Они верили в сейдов и другие свои божества, знали колдунов – нойд и шаманов. И когда начали уничтожаться их идолы, они в душе возмущались деятельностью безбожников и атеистов и не одобряли действия властей.

Что принес кольским саамам конец XX в.? Прежде всего, надо говорить не о материальной стороне бытия, которая почти не изменилась и иногда даже ухудшилась, а о духовно-общественном развитии саамов. Неоспорим тот факт, что выросло самосознание саамской диаспоры. Многие оленеводы стали понимать (может быть, интуитивно) свое предназначение, свое место в обществе, стали больше гордиться своей историей, предками, умением понимать тундру. Дети меньше стали стесняться своего происхождения, охотнее стали изучать родной язык, молодежь все чаще появляется на праздниках в национальной одежде. Все громче стали раздаваться голоса о представительстве в органах власти, о необходимости решения проблемы природопользования на Кольском полуострове, о доверии тем или иным общественным организациям.

Директор ловозерского музея Галина Кулиниченко, выступая в 2002 г. на научно-практической конференции, говорила: «Рост общественной активности способствовал объединению саамов. В 1989 году была создана Ассоциация кольских саамов с несколькими региональными отделениями в городах и поселках Мурманской области, а в 1992 году они вошли в Союз саамов, неправительственную организацию, объединяющую саамские общественные организации Финляндии, Швеции, Норвегии, России (создан в 1956 году). Таким образом, представители кольских саамов получили возможность участвовать в деятельности различных организаций скандинавских саамов – в съездах, конференциях, форумах. В 1998 году была создана общественная организация саамов Мурманской области. С 2000 года она также входит в Союз саамов».

Этот фактор, установление и укрепление прочных связей кольских саамов со своими зарубежными сородичами является важным элементом истории Кольского Заполярья конца XX в. Вот только несколько фактов.

С 1990 г. ловозерское профессионально-техническое училище сотрудничает с Саамским профессиональным центром обучения в Инари и Ивало (Финляндия). В 1991 г. были установлены побратимские связи между коммуной Карашйок (Норвегия) и селом Ловозеро. С этого времени выпускники ловозерских школ и учащиеся ПТУ учились в народной школе и гимназии Карашйока.

Многие ловозерцы окончили курсы по изучению северо-саамского языка, которые проводили преподаватели Карашйока в Ловозере. В рамках

программы Баренц-региона действует проект по созданию медицинского центра помощи коренным народностям Кольского полуострова. В Карашйоке побывали ловозерские коллективы художественной самодеятельности «Луяввьр» и «Ойяр». А ловозерцы познакомились с саамским театром «Байваш», с саамскими певцами Карашйока. Такие поездки стали традиционными. Традиционным стало и совместное участие в саамских праздниках.

Начатый еще в советскую эпоху процесс возрождения саамской культуры продолжался и в 90-е гг. В саамской диаспоре появились новые художники и писатели, поэты и мастера народных промыслов. Саамский язык преподавался в начальных классах Ловозерской школы-интерната, а с 1996 г. и в детском саду села Ловозеро, начались радиопередачи на саамском языке.

В годы перестройки вышли в свет сборники стихов для детей на саамском языке Э. Галкиной – «Солнечный день» и И. Виноградовой – «Мои друзья». В последующие годы поток саамской литературы ширился. В 1994 г. вышла книга Е. Коркиной «Чурриа-Урриа», в 1996 г. – повесть А. Баженова «Белый олень», в 1997-м г. – сборник стихов А. Антоновой «Моя боль». В середине и конце 90-х гг. выходят несколько книг саамской писательницы Н. Большаковой: «Подарок чайки» (сказки о Лапландии), «Октябрина» (о жизни и творчестве О. Вороновой), «Чем ты притягиваешь, Родина?», в 2000 г. – «Тиррв по-саамски – здравствуй» (рассказы о ловозерском детстве). В 1999 г. появились сборник стихов «Праздник медведя» и сказка «Красивая Настя», автором которых была С. Якимович.

Несколько книг саамских авторов были изданы в Финляндии и Норвегии при содействии Союза саамов.

Как писала в своей статье «Кольские саамы: история и современность» Г.А. Кулиниченко, «по предложению саамской интеллигенции администрация Ловозерского района открыла Национальный культурный центр в селе Ловозере. Целью его создания и деятельности являются возрождение и сохранение традиций, обычаев северных народностей, пропаганда и развитие песенно-танцевального и декоративно-прикладного искусства. Центр стал местом отдыха ловозерцев и их гостей. Здесь приятно посидеть за праздничным столом, угостить друг друга национальными блюдами, сплясать саамскую кадриль, обсудить новости. Открыты курсы по национальным промыслам, изучению саамского языка, молодежный детский клуб, клубы мастеров, проходят репетиции фольклорных ансамблей, совещания общественных национальных организаций.

Национальный культурный центр активно сотрудничает с общественными, научными, культурными организациями Канады, Норвегии, Швеции, Финляндии».

Особо надо сказать о выходе в свет в 1996 г. на кильдинском диалекте небольшой книжечки А.А. Антоновой «Детская библия» (выпущена

шведско-финским издательством) и буклета Е. Яковлевой «Кольские саамы». И хотя в опусе Елены Яковлевой много разночтений, начиная от численности саамов и заканчивая их диалектами, сам факт обращения саамской женщины к вопросам родовой истории надо всячески приветствовать.

Все же всего этого для духовного возрождения саамского народа и родного языка мало.

По утверждению директора Национального культурного центра в Ловозере Ларисы Авдеевой, дочери известного в нашей области борца за сохранность саамской культуры, школьного учителя Павла Юрьева, «в настоящее время на саамском языке говорят все люди старшего поколения, примерно половина среднего поколения и совсем не говорит молодежь. Но, как и в былые времена, хранителями языка являются оленеводы, и родной язык сохраняется в тундре».

Можно говорить о возрождении культуры прикладного искусства, о традиционных ремеслах – плетение из корней деревьев, резьба по кости и рогу, шитье национальной одежды и обуви; о сохранении и развитии музыкального творчества саамов (театр танца «Танцующие саамы» под руководством Галины Яковлевой, Эльвиры Галкиной и Якова Яковлева).

И все же экономические и социальные проблемы саамской диаспоры не исчезли. Вот как говорится в сборнике докладов третьей международной научно-практической конференции о судьбе коренных народов: «Согласно статистическим данным, численность населения саамов за последние десятилетия остается примерно на одном и том же уровне.

Коренное население не имеет на территории области государственных или других национально-территориальных образований. Основная часть саамов проживает в Ловозерском районе, главным образом в селах Ловозеро и Краснощелье. Небольшие группы саамов живут в других поселках и городах Мурманской области: в Мурманске, Апатитах, Ене, Гремихе, Лопарской, Пушном, Никеле, Пулозере, Каневке, Сосновке.

Из 1 615 саамов, живущих в настоящее время в пределах Кольского полуострова, 1 100 составляют сельское население, 13% которого работают в традиционной для саамов отрасли – оленеводстве. Остальные заняты в молочном животноводстве, полеводстве, строительстве, в сферах обслуживания, культуры».

Не исчезли и такие проблемы, как безработица, пьянство, низкие доходы, бедность. И это заметно не только в Ловозере, где проживает половина всех саамов Кольского полуострова, но и в других местах.

Вот что писал о другом пункте расселения саамов директор Ревдинского музея Иван Вдовин: «...Село Краснощелье сильно изменилось. Сейчас вы не увидите домашней, почти стерильной чистоты во дворах и на улицах. В оленеводческом совхозе “Память Ильича” дела идут, очевидно, кое-как. Товарищи из товарищества шутят: “Видно, плохая была память у Ильича”: зарплаты люди не видели с сентября 1995 года».

Наличными деньги не выдают, вместо них на каждого заведен свой счет в совхозном магазине, где можно получить продукты питания в очень небольшом ассортименте и по ценам значительно большим, чем даже в коммерческих точках села…

Кстати, набор этих продуктов я видел: у каждого из плотников был свой большой мешок с сухарями, немного сахара, заварки, сигареты «Прима». Считается, что все остальное: мясо, рыбу – они добудут сами. Аналогично питаются рыбаки. Общая инертность краснощельцев поражает: здесь никогда не будет забастовок, народ стерпит любое унижение.

Из-за большой удаленности и отсутствия дорог мясо, шкуры и рыба порой не довозятся до потребителя, а зачастую пропадают в Краснощелье или попадают к потребителю низкосортными, что, естественно, не может сказаться на отпускной цене. Подсобное хозяйство также приходит в упадок. В этом году половину коров забили, часть раздали в личное пользование жителям села. Половина коровника заколочена. Если говорить о сохранении села, то в первую очередь необходимо решить кадровый вопрос: нынешнее руководство проворовалось и, по большому счету, не способно руководить коллективом.

В Краснощелье, более чем в Ловозере, необходимо решать вопрос о строительстве перерабатывающих линий. Возможность делать колбасы, коптить рыбу, мясо позволит частично снять проблему сохранения продукта. Ягоды в настоящее время скупаются у жителей села коммерсантами и летчиками местных авиалиний по мизерным ценам. Здесь также необходимо решить вопрос о переработке закупленной у населения ягоды. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что работа в этом направлении, с одной стороны, позволит создать в Краснощелье определенное количество рабочих мест, значительно улучшит экономическое положение села, с другой – повысит рейтинг села в области, а главное – жители поймут, что сами способны решать свои проблемы.

Обещанная манна небесная от продажи реки Поной в аренду иностранным рыбакам оказалась очень гигроскопичной и растворяется где- то, не доплывая до жителей Краснощелья и Каневки. Вопросы об этом вызывают в лучшем случае ироническую улыбку. Основными денежными единицами стали хвост семги и бутылка водки. Вместе с тем, несмотря на общее падение уровня жизни в Краснощелье, народ успевает приспосабливаться, и вся система находится как бы в устойчивом равновесии с окружающей природой и внутренним мироощущением жителей. На упорные слухи о том, что скоро всех будут выселять на побережье в Гремиху, никто не реагирует и переезжать из своих домов не собирается. Глядя на все это со стороны, у меня сложилось впечатление, что кто-то «наверху», закручивая очередной кран подачи кислорода в Краснощелье, с удивлением и восхищением думает: «Ну, лопари, ну, народ! Живут-таки!»

...В 1998 г. саамы все-таки начали борьбу за оленьи пастбища с международной фирмой «Воронья-минералс», в 2000 г. состоялась конференция по проблемам развития саамского языка, в 2001 г. были подведены итоги российско-канадского проекта, вышла в свет книга «Саамская картошка, или жизнь среди оленей во время перестройки» с картами важнейших территорий природопользования саамов.

В июне 2001 г. Ловозерский районный совет принял решение об освоении территории традиционного природопользования коренного малочисленного народа саами «Сейдъявр».

Борьба за существование, за место под солнцем продолжается. И трудностей у саамов и оленеводов не становится меньше, как об этом свидетельствуют забойные кампании последних лет.

И все же самые последние сообщения о жизни саамской диаспоры Мурмана вроде обнадеживающие. В 2007 г. создана Национальная культурная автономия (НКА), объединившая две региональные организации: Ассоциацию кольских саамов и Объединение саамов Мурманской области. Как заявил один из организаторов автономии А.В. Белозеров (а его предки были из саамского рода Бархатовых), «мы объединились, чтобы сохранить язык, ремесла, помочь саамам, и в первую очередь молодежи, быстрее адаптироваться к нынешней жизни. Перед всеми народами России (национальность значения не имеет) сейчас стоят одни и те же задачи: образование, работа, доступное жилье».

В Мончегорске в бывшем музее цветного камня расположился небольшой музей саамского быта: стоят кувакса, нарты, висят карты расселения саамов по Кольскому полуострову; за стеклянными витринами – вышитые национальные одежды и головные уборы. Часть экспонатов подарили мончегорцы, другую – организаторы привезли из Ловозера. Здесь же и компьютерный класс, где с января дважды в неделю проходят занятия бесплатного народного университета для детей и взрослых.

Журналистка Людмила Карху писала: «Саамы Мончегорска, объединившись, делают большие дела, способствуя толерантности многонационального муниципального образования».

А бывшие жители деревень Варзино и Дроздовка стали каждое лето выезжать в родные места. Татьяна Абрамова 9 августа 2008 г. рассказывала: «“Нам каждую ночь снится наша деревня. Земля тянет. Мы вросли в нее пуповиной!” – говорили мне участники недавней экспедиции в бывшие становища Варзино и Дроздовка. Для саами это не простые слова. В них глубокий и даже сакральный мысл. После появления на свет ребенка женщины саами зарывали у внешнего угла дома пуповину и послед. Этим ритуалом они связывали новорожденного с его землей. Вот и тянет бывших варзинцев в деревню. И хоть нет сейчас этого поселения, но почти каждый год сюда приезжают саами, чтобы посетить исконные места».

Мурманские коми

Коми – название двух близкородственных народов: собственно коми (в прошлом их звали зырянами) и коми-пермяков.

Предки коми с древнейших времен жили в бассейне среднего и верхнего течения реки Камы. Затем часть их переселилась из верхнего Прикамья в бассейн Вычегды, где они смешались с местными финно-угорскими племенами. Так образовались два племенных объединения: пермь вычегодская (предки собственно коми) и пермь великая (предки коми-пермяков).

Племена коми вошли в состав Русского государства в XV в. (1478 г.), но как народность сформировались позже – в XVIII в.

В справочнике «Народонаселение СССР», вышедшем в свет в 1969 г., указано, что центром расселения коми являются Коми АССР и Пермская область, из них 245 тыс. жили в своей национальной республике, а 136 тыс. коми-пермяков жили в Пермской области, небольшие группы коми жили в Архангельской, Кировской и Мурманской областях.

Наши, мурманские коми, живущие уже более 100 лет на Кольском полуострове, – выходцы особой этнической группы – коми-ижемцев, которые отличаются и в бытовом, и в социально-культурном плане от основной массы населения коми и поселились севернее их.

В настоящее время коми-ижемцы, кроме Мурманской области, живут в Ненецком автономном округе Архангельской области, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах Тюменской области. Всего их насчитывается около 15 тыс., причем примерно половина занимается оленеводством.

Критерии, взятые для выделения коренных или малочисленных народов Севера, включают в себя: постоянное проживание на территории своих предков, в основном в сельской местности; сохранение ими традиционной системы жизнеобеспечения путем ведения промыслового хозяйства (оленеводство, рыболовство, охота); небольшую численность этнической группы. Эти критерии целиком подходят и для кольских коми.

Столетняя история существования этнической группы коми в Мурманском крае состоит из целого ряда периодов-этапов. Этап «вживания» занял конец XIX в., этап привыкания и полной акклиматизации продолжался до Первой мировой войны. Затем следовали военные годы и нэп. Трудными для мурманских коми были 30-е гг. и Великая Отечественная война. Но жизнестойкость, терпеливость и упрямство и тут помогли коми: они все вынесли и выдержали.

Во второй половине XX в. мурманские коми продолжали дело, начатое их дедами и отцами; не давали захиреть оленеводству, развивали на Кольском полуострове молочное животноводство и земледелие; растили детей, приучали их к труду.

Хозяйственная сметка, расчетливость и предприимчивость коми помогали устоять колхозам и совхозам в трудные годы тоталитаризма и кри-

зисов. Коми давали пополнение кадров местным органам власти, молодежь не чуралась комсомола и партии большевиков.

Однако ради восстановления исторической справедливости следует сказать, что и власти, и мы, рядовые мурманчане, не всегда были справедливы к коми в плане оценки их прошлого и настоящего. Запутавшись в нюансах поисков истины при решении национального вопроса, социологи и политики сосредоточили внимание вокруг саамов как аборигенов края и совершенно игнорировали все другие национальные меньшинства Мурмана: финнов, карелов, норвежцев, коми, ненцев.

Вполне естественно, что коми чувствовали определенную дискриминацию со стороны Советской власти при проведении тех или иных политических или экономических мероприятий.

Если шли выборы в местные органы власти, то туда в первую очередь продвигали саамов. Когда приходилось выдвигать кандидатов для присвоения звания Героя Социалистического Труда или для награждения орденами и медалями, то опять пальма первенства отдавалась аборигенам тундры – саамам.

Да и историю развития тундрового хозяйства на Кольском полуострове мы описывали чохом, отдавая предпочтение саамам. И обычно все оленеводы шли кучей: и саамы, и ненцы, и русские, и коми.

Сейчас же, мне кажется, пришло время отдельно и внимательно описать эту этническую группу, называемую мурманские, или кольские, коми; проследить ее столетнюю историю, проанализировать ее вклад в развитие оленеводческого хозяйства Заполярья, оценить демографические, культурные и прочие изменения.

Как и откуда пришли коми-ижемцы?

Впервые появились на Кольском полуострове представители народа коми в 80-е годы позапрошлого века. Тогда в их оленьих стадах на Печоре свирепствовали эпизоотии – много оленей гибло от болезней: копытки и сибирской язвы. И вот несколько богатых оленеводческих семей Мохченской волости Печорского уезда послали гонцов искать по Северу места, где есть ягельники и нет болезней. Эти «разведчики» добрались до Кольского полуострова и увидели то, что искали: богатые пастбища, охотничьи угодья, рыболовные реки и озера. А больше всего их обрадовало, что тут мало людей: ведь тогда на каждого жителя Кольского уезда приходилось по 15 квадратных верст необжитой территории.

Первые четыре семьи коми, возглавляемые Федором Васильевичем Каневым, Поликарпом Ивановичем Рочевым, Иваном Наумовичем Терентьевым и Степаном Яковлевичем Филипповым, покинули родные места и двинулись на запад: с детьми и домашним скарбом, со стадами оленей и ненцами-пастухами.

«Великое переселение» продолжалось много месяцев. Вслед за первой группой семей отправилась вторая. Немало оленей погибло по пути, много денег ушло на текущие расходы. Надо было улаживать дела с царскими чиновниками и местными властями. Ни мезеньские, ни кандалакшские, ни терские поморы не пожелали принять «непрошеных гостей» в свои общества. Оставалось надеяться только на ловозерских оленеводов. Все дело заключалось в том, что у коми не было документов для поселения в Кольском уезде, и потому они стали подкупать местное начальство и «угощать» саамов – членов сельских сходов. Коми не скупились на обещания: обеспечить мукой и охотничьими припасами, заплатить задолженность по налогам, дать деньги на церковь.

В общем, так или иначе, но в 1887 г. четыре семьи обосновались на землях Ловозерского погоста, а еще две (Мартына Семеновича Терентьева и его брата Ивана) осели на территории Воронинского погоста.

В книге «Кольская земля» И.Ф. Ушаков писал о тех первых коми-переселенцах: «Это были энергичные и предприимчивые люди. Покинуть Большеземельскую тундру их заставили трудности в прокормлении скота – многие пастбища были заражены возбудителями копытки и других болезней, от которых страдали и гибли олени...

В Ловозерской тундре для разведения оленей имелись несравненно лучшие условия, и коми ревностно принялись за дело. Они вели хозяйство коммерчески и на более высоком, чем саамы, культурном уровне: применяли круглогодовой выпас животных под присмотром специалистов-пастухов, производили отбор и правильный забой скота, выделывали из шкур замшу, изготавливали различные предметы одежды и обуви для продажи, сбывали продукты оленеводства непосредственно на главные русские и иностранные рынки (в Петербург, Москву, Улеаборг, в Норвегию)».

Но уже в первый год прихода коми на Кольский полуостров саамы стали жаловаться, что «стада ижемцев выбивают ягель и что ижемцы убивают лопарских оленей или уводят их в свои стада».

Кольский уездный исправник решил вмешаться и выселить коми-ижемцев с полуострова. Но это оказалось делом сложным и длинным. С одной стороны, коми жаловались губернатору в Архангельск и правительству в Петербург, а с другой – «уламывали» саамскую верхушку.

Как сообщалось в одном документе конца 1889 г., было тогда в общине коми «до 76 человек, четыре чума находятся в 30 верстах к юго-западу от Ловозерского погоста и чум Мартына Терентьева – в 25 верстах к югу от Воронинского погоста».

Впоследствии на Кольский полуостров прибывали коми и из других мест Ижемского края: по подсчетам этнолога О.В. Котова, таких сел и деревень было около 20. Это переселение ярче высветило такие черты национального характера ижемцев, как энергичность, предприимчивость, стремление к новому, коллективизм и умение обходить препятствия. В

связи с этим уместно вспомнить, что первый дом Ивана Терентьева был записан на имя саама – бедняка М.И. Данилова. Коми тогда отличало, как писал тот же О.В. Котов, стремление «к контактам и готовность идти на контакты с людьми иной национальности в деловой, производственной сфере и в сфере неформального общения – в быту, в семейном, дружеском окружении, а также в общении по интересам и т.д.».

На стыке веков

Последнее десятилетие XIX в. для коми, поселившихся на Кольском полуострове, было и трудным, и решающим. Трудным, потому что на новом месте их никто не ждал с распростертыми объятиями и горячими пирогами. Нужно было обустраиваться в дикой тундре: построить жилища, обеспечить семьи питанием, не растерять стада оленей. А решающим потому, что в эти годы коми оформились юридически, началась их приписка к обществам, отпал вопрос об их выселении с Кольского полуострова. Упрямство коми победило, трудолюбие и предприимчивость получили признание как у русских, так и у саамов.

Кольский лесничий – один из сторонников переселения коми на Мурман – писал: «Поселившиеся зыряне (коми) продукты оленьего хозяйства, как-то: мясо, задки и языки – сбывают на петербургском рынке, а передние части продают местному населению в г. Коле, на Мурманском и Терском берегах. Из шкур они выделывают малицу (шубы), шапки, пимы, делают замшу, которую также выгодно сбывают в Петербурге».

Саамы тоже признавали, что коми любят и берегут оленей, что у них хорошо налажена охрана стад, что они удачно скрестили своих оленей с кольской породой и построили хорошие загоны для оленей.

Поголовье оленей у коми росло быстро. В 1895 г. у П.И. Рочева и И.Н. Терентьева было по 2 500 голов, у М.С. Терентьева и С.Я. Филиппова – по 1 500.

Все эти семьи обзавелись хорошими домами, построили хлева для коров и овец, амбары для хранения съестных запасов и снаряжения. Появились первые бани. Рождались дети: в семье Поликарпа Рочева в 1895 г. было 17 человек, в семье Ивана Терентьева – 16, у Мартына Терентьева – 13.

Авторитет коми, основанный на трудолюбии и предприимчивости, склонял чашу весов ловозерского общества в пользу признания законности их проживания в Кольском Заполярье. К тому же позиции коми укрепил случай, произошедший в 1896 г.

Тогда в Ловозере сгорела церковь, в одночасье и дотла. И коми-ижемцы взялись ее восстанавливать. П.И. Рочев пожертвовал 630 рублей (это стоимость 100 оленей), И.Н. Терентьев заготовил и доставил более 400 бревен. Эта благотворительная акция повлияла на приписку коми к обществу лучше, чем многолетние переговоры (правда, приписали тогда еще не всех).

К концу XIX в. община коми на Кольском полуострове получила подкрепление. Вслед за первыми семьями коми в Ловозерские тундры пришли еще несколько семей: семья В.А. Вокуева и трех Каневых – Гаврилы, Павла и Сергея.

Когда состоялась Всероссийская перепись населения, в 1897 г., в Кольском уезде числилось 117 коми, в 1900 г. в Ловозерском приходе зарегистрировано 126 коми (11 чумов).

Однако после того как положение коми на Кольском полуострове окрепло в имущественном (в 1902 г. у них было 18 тыс. оленей, а в 1909 г. уже 30 тыс.), общественно-политическом и юридическом отношениях, поведение некоторых «новоселов» резко изменилось. Может быть, они не могли позабыть притеснения 1888–1895 гг., может быть, их возмущала бесхозяйственность в тундре, а может быть, повлияли обыкновенная жадность и возможность поживиться и получить дополнительный капитал.

Иван Федорович Ушаков писал: «Коми захватили лучшие пастбища и экономически подчинили себе саамов-оленеводов. Они опутали их долгами и по дешевке скупали для перепродажи всю их продукцию.

Между старожилами – саамами и пришельцами коми – возникли резкие социальные и национальные противоречия. При существовавшем у саамов вольном выпасе оленей много животных бесследно пропадало, некоторые присоединялись к стадам коми. Саамы и русские крестьяне постоянно обвиняли коми в том, что "они крадут оленей и вытаптывают чужие ягельники"».

И, тем не менее, как свидетельствовал И.Ф. Ушаков в другой книге («Ловозеро»), ссоры из-за оленей не доходили, однако, до острых конфликтов и улаживались почти всегда без судебного вмешательства. Но неприязнь саамов и русских к «хитрым ижемцам» существовала.

Коми топонимы

По подсчетам Василия Георгиевича Мужикова, на карте Мурманской области более 60 географических названий имеют происхождение коми. Вот как он объясняет некоторые из них: «В пяти километрах на северо-восток от автодороги Ловозеро – Оленегорск (на 30-м километре от Ловозера) находится гора Наумваньиз, что переводится как "камень" Ивана Наумовича. Названа она по собственному имени коми Ивана Наумовича Терентьева, в числе первых поселившегося в Ловозерском погосте. В этих местах выпасалось его оленье стадо...

Километрах в десяти на восток от северного конца озера Ловозеро расположена гора Сарай-Мусюр (сарай – "сеновал, поветь", мусюр – "гора, возвышенность, водораздел"), что можно перевести как "сеновал на горе", т.е. на горе хорошее кормовое угодье для оленей.

Место с подобным названием, Магазин-мусюр, находится к северо-востоку от села Краснощелье, между реками Иоканга и ее притоком Выхчйок. "Магазин" в коми-языке – то же, что и в русском, "мусюр" – рассмотрено выше. В образном понимании это возвышенность, где всего вдоволь: кормов для оленей, лечебных трав, грибов и ягод. Приходи и пользуйся. Это оазис среди полупустынной тундры...

В нескольких километрах от восточного берега Серебрянского водохранилища находится гора Охмыльк-тундра. Это тоже коми-название. В нем сочетается междометие "ох" со словом "мыльк" – "холм, бугор, возвышенность". Происхождение этого названия народная молва связывает с коми Каневым Григорием Николаевичем, который, поднявшись на эту гору, порядком устав, сказал: "Ох, мыльк!".

Еще одна возвышенность с подобным названием – Клеши-мыльк – находится в районе озера Няльмозеро, через которое протекает река Харловка в верхнем течении. Около этой горы часто прогоняли свои стада коми-оленеводы, называя ее "Леший мыльк". В своей повседневной жизни мыльками коми называли и другие небольшие сопки и возвышенности...»

Далее В.Г. Мужиков продолжал: «Название коми гидронимов легко выделяются из общей массы топонимов по географическому термину: "ю – река, речка, шор – озеро".

Значительная группа коми гидронимов "сосредоточена" в верховье реки Иоканги. Например, река Жалькъю впадает в реку Выхчйок, правый приток реки Иоканги на 76 км от устья. В этом названии выражено понятие: желанная, чем-то привлекающая река; оно связано с добрыми воспоминаниями от первого удачного посещения этой реки.

Река Жалюкъю сохраняет параллельную форму названия – Тундра, которое гидрологами ставится на второе место. Вытекает она из озера Юрты (Вершинное озеро). Справа в реку Выхчйок впадает ручей Селашор.

Ручей Воргашор – правый приток реки Ровы, падающей в озеро Кальмозеро, через которое протекает река Иоканга. Название ручья происходит от слова вэрга "зимняя оленья дорога", то есть это ручей, по которому зимой ездили на оленях. Таких вэрг было много: и на Воронью, и на Ивановку, и на Краснощелье и т.д. На таких вэргах, как говорил мне старый коми, для непутевых ставили вешки-тройники. Не исключено, что появлению названия способствовала аналогия в Коми АССР. Там ручей стал известным по названию поселка Ворга-Шор, в 30 км от г. Воркуты и шахты "Воргашорская". Ручей Воргашор сохраняет и основную саамскую форму названия – Кальмйок.

В верхнем течении в реку Иоканга, слева, впадает ручей Няшавань (длина 10 км), то есть это Иванова няша. "Няша" же в коми языке – это "ил, тина, мокрое, заболоченное место", где можно провалиться. Возможно, с каким-то Иваном такая беда приключилась. Вот и назвали ручей по этой местности. А справа, в среднем течении, в реку Иокангу впадает река

Сесью, название которой, возможно, происходит от сись – "гнилой", то есть – Гнилая речка.

Относительно много водных объектов с коми названиями находится в бассейне реки Восточной Лицы. Сама река протекает через озера Гыркаты и Спасительныты. Ручей Лудковошор (название дано по фамилии) протекает через озера Луд-ковоты и Леноозеро и впадает в реку Пину, которая, в свою очередь, протекает через ряд озер, в том числе через озеро Василийты (Васильево озеро).

В бассейнах других рек зафиксированы единичные коми названия. Так, река Некью (от нек – "молоки"), то есть река, где ловили рыбу во время нереста, впадает в реку Харловку справа, в 36 км от устья, а в ее верховье, в озеро Лявозеро, впадает ручей Митрийяков (Ручей Якова Дмитриевича), а в озеро Контозеро, выше по течению реки, сток из озера Кыкаты (от кык – "два").

В бассейне нижнего течения реки Рынды находится озеро Енозеро, в верхнем течении, выше озера Чилиявр, она носит название Егорвась, то есть река Василия Егоровича. Она протекает через озеро Пименпавелты (озеро Павла Пименовича).

В реку Пятчему, левый приток Поноя, в верхнем течении, впадают реки Никалайъю (Николаева река) и ручей Ошманюкшор.

В первые годы пребывания на Кольском Севере коми использовали старые названия – саамские и русские, лишь иногда переиначивая их на свой лад. В тех же случаях, когда озеро или река, гора или ущелье были безымянными, коми сначала робко, а потом все смелее стали называть их по-своему. Так появились возвышенности Пищальмыльк, Кирилловмыльк, Какпомольмыльк, Макармыльк, Иванлукьямыльк (гора Лукьяна Ивановича), Рочевмыльк (предположительно, в честь Поликарпа Рочева)».

Рассуждая о коми топонимах, никак не избавлюсь от мысли, что они появились в течение короткого отрезка времени (25–30 лет) неспроста. Коми-стадники (так тогда звали оленеводов) хотели закрепить за собой территории ягельников и рыболовных тоней восточной части Кольского полуострова. И они делали все для того, чтобы коми названия попали на карты и в блокноты исследователей края. Вот так и получилось, что карелы оставили всего 12 топонимов, а коми в 5 раз больше.

В войну, революцию и интервенцию

Первая мировая война принесла и кольским коми новые заботы, хлопоты, расходы и потери. Парни были призваны в армию, мужики постарше были мобилизованы (вместе с оленями) на строительство железной дороги, на переброску грузов из Кольского залива в Улеаборг (в Финляндию). Хотя богатым семьям кое-что удалось подработать на военных поставках, все сжирала инфляция: мука, сахар, соль стали столь дорогими, что пришлось

ограничивать семейные потребности.

Но даже в военные годы коми община в Александровском уезде продолжала расти и крепнуть. По данным, опубликованным в монографии «Этнографические исследования Северо-Запада СССР», в 1915 г. в Ловозере проживали 493 коми. Их стало в 3 раза больше, чем саамов (167 человек). Коми семьи продолжали расселяться по остальной части полуострова.

Так, в 1917 г. в одной из излучин самой большой реки Мурмана – Поной, на высоком каменистом берегу было основано новое селение. Как писал В.Г. Мужиков, «место было удобное, никем не занятое, если не считать, что стояла здесь одна нежилая вежа, да было кладбище саамов Каменского погоста. С возвышенности открывался хороший вид на болотистую пойму реки Поной, его плесы и дальние леса. Недаром это место называлось у саамов Чальмваррэ – "глаз на лесной горе", то есть удобное смотровое место для охоты на диких оленей».

Первыми жителями и основателями села стала семья Артиевых, отец и сын: Иван Григорьевич и Иван Иванович. В их честь село назвали Ивановкой.

Семья Артиевых и подселившиеся к ним позже коми построили хорошие дома, завели скот, вскопали огороды, чистили луга-сенокосы, пасли оленей, ловили рыбу, растили детей и внуков. Революцию семнадцатого года встретили настороженно: «Как же будем жить без царя-батюшки?». Но их мало заботили события, происходившие в столице. Больше беспокоило, что будет в тундре: как будет с ягельниками, водными угодьями, можно ли будет торговать.

Когда стали избираться новые органы власти (их назвали туземными Советами), коми не остались в стороне. В первый тундровый Совет Ловозера вошли Ф.А. Рочев и М.Ф. Терентьев. Председателем Совета избрали Семена Макаровича Рочева. Только-только коми разобрались, что к чему, Советы разогнали – пришли интервенты. Их союзники белогвардейцы пытались ввести земство, но никто из коми не знал, что это такое, и эта затея осталась на бумаге.

В общем, в пору белогвардейской власти и иностранной интервенции (1918–1920 гг.) кольские коми жили по-старому: каждый сам по себе. Только старались без нужды «не высовываться из тундры», а то можно было и в тюрьму угодить, и шальную пулю схлопотать.

Но коми внимательно следили за развитием событий, и как только белогвардейская власть пала, они тут же заявили о себе. В Мурманск отправилась делегация в составе Михаила Ануфриева, Василия Канева, Михаила Распутина и Петра Терентьева с просьбой организовать самостоятельную лопарскую власть с центром в селе Ловозеро. И эта просьба была удовлетворена (на принципах «социалистического и федеративного устройства»).

Для кольских коми началась новая жизнь...

Коми в годы нэпа

Провозглашенная после Гражданской войны новая экономическая политика Советской России была по душе коми. Нэп поощряла предприимчивость, торговлю, деловые контакты, разрешала держать батраков, не ограничивала число оленей и величину прибыли.

Коми продолжали интенсивно осваивать не только центральную, но и юго-восточную часть Кольского полуострова. Один из исследователей той поры, этнограф Владимир Владимирович Чарнолуский в книге «В краю летучего камня» писал: «Вскоре после своего переселения основатели Ивановки, коми-ижемцы, восстановили свое хозяйство. Стадо их умножилось настолько, что пришлось его разделить. Два стада требовали большего числа пастухов. Брать в пастухи саамов не было смысла, потому что все они на лето расходились по озерам, где занимались рыбной ловлей. К тому же саамы, подряжаясь на любые работы по найму у богатых ижемцев, не шли к ним в пастухи.

Семьи крупных стадчиков выписывали себе батраков с Печоры. Большей частью это бывали молодые люди из числа так называемых хороших людей, иначе говоря, сыновья и племянники "хорошей" родни, которым было выгодно помочь. Эта родовитая молодежь приезжала в Лапландию без оленей, уверенная в том, что она быстро поправит свои дела за счет оленей, свободно пасущихся в тундре, т.е. оленей саамов и русских с Терского берега. Эти гости – батраки и племянники – очень быстро обрастали стадами. Сколотив стадо, правдой или неправдой, числом 200–300 голов, молодой хозяин отделялся от покровителя и начинал самостоятельную жизнь».

В первые годы нэпа на Поное возникло еще одно поселение. Как утверждает история, его основателями были коми Петр Иванович Терентьев, Федор Ефимович Филиппов и ненец Митрофан Максимович Выучейский (Выучей). Якобы, по предложению последнего село назвали Красная Щель (позднее – Краснощелье). Эти люди не только основали новое поселение, но и принесли с собой память своих родных мест. На юго-восточном берегу Белого моря, да и в других местах поморского Севера немало подобных названий: Долгощелье, Палещелье, Тимощелье и т.д.

По-разному трактуется основание третьего коми поселения – Каневки. Вот как писал об этом В.Г. Мужиков: «Восьмилетним мальчиком приехал на Кольский Север в самом начале века Василий Федорович Канев. В 1922 г. семья его собрала нехитрые пожитки в Ловозере и двинулась в необжитые места. На левом берегу Поноя, там, где в него впадает речка Югонька. поставили куваксу, и задымил здесь очаг постоянного жилища. Так возникло село Каневка, а его основатель до конца дней своих остался верен созданному детищу».

Авторы книги «Ловозеро» И.Ф. Ушаков и С.Н. Дащинский утверждали, что Каневка образовалась в 1924 г. Ее, мол, основали братья Каневы: Василий, Алексей, Афанасий, Егор, Сергей и их сестра Харитина.

А вот по нашим данным, коми основали Каневку в 1923 г. (так, во всяком случае, писали газеты и говорили мои респонденты).

И в старых местах расселения коми (Ловозеро, Воронье), и в новых (Ивановка, Краснощелье, Каневка, Оксино) шли сложные процессы развития оленеводческого и рыболовецкого хозяйства. Об этом говорил член губисполкома В.К. Алымов на IV Мурманском губернском съезде Советов в октябре 1923 г. Он утверждал, что между саамами и «пришлыми колонистами тундры – ижемцами – происходит жестокая борьба за существование: экономически более сильный ижемец стал теснить лопаря, выгонять со старых пастбищ, с насиженных мест около озер, отнимать рыбные ловли».

Сплошь и рядом коми стали ловить рыбу в саамских угодьях. Так, они захватили у лопарей озера Гурнач и Вулияр, а также множество мелких речек. По свидетельству этнографа Д.А. Золотарева, особенно притеснял саамов Поликарп Рочев. Молодых же коми, наживающихся на простоте и доброте лопарей, В.В. Чарнолуский называл «калистратами».

Коми прибрали к рукам местную кооперацию. В газете «Полярная правда» сообщалось, что кооператив в Ловозере долго возглавляла «духовная каолиция: поп, псаломщик и сестра попа» (тамошний поп – батюшка Михаил – был по национальности коми).

Далее в заметке говорилось: «В Ловозерском кооперативе служил поп гладко и хозяйственно. Никак, бывало, не отличишь его личного хозяйства от кооперативного. И умел этот поп со всеми ладить. Он не пропускал ни одного митинга, ни одного собрания, чтобы не забросить слово за коммунистов. Он громче всех пел "Интернационал", ходил с демонстрацией по селению».

Трудно определить, насколько права газета, но Михаила Распутина из правления кооперации вскоре «вышибли» (это тоже из жаргона журналиста) и во главе кооперации поставили комсомольца.

В общем, жизнь в Кольской тундре шла своим путем, и коми нашли в этой жизни свое место. Это заметили их сородичи в Коми автономной области. В выходившем там журнале «Коми-му-Зырянский край» в 1926 г. читаем: «На Кольском полуострове оленеводы-зыряне уже занимают первенствующее положение по количеству оленей среди других национальностей, и, по-видимому, свои более культурные способы оленеводства успели передать и местным жителям-лопарям».

К середине 20-х гг. у коми семей Ловозерской волости было более двух третей оленьего поголовья. В 1927 г. эта картина выглядела так: у коми – 7 500 оленей, у лопарей – 3 200. Если на одно коми хозяйство приходилось по 161 оленю, то на одно лопарское – только по 111.

В годы нэпа 40–45 семей ловозерских коми регулярно занимались извозом: перевозили грузы к железной дороге и от нее, вывозили заготовленный лес. Доставляли геологов и ученых (летом на лодках, зимой – на оленях) в дальние точки полуострова.

Созданный стараниями коми замшевый завод в Ловозере в 1925 г. обработал 2 500 оленьих шкур, а в 1928 г. – вдвое больше.

Прочное экономическое положение коми общины сказывалось и на демографических показателях. По данным губернской комиссии РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции), в 1926 г. в Ловозере проживало 430 коми и 189 лопарей. В 1927 г. в семьях коми было в среднем по 5,8 душ, а у саамов только по 4,5.

В книге о Ловозере С.Н. Дащинский утверждал, что в 1926/27 хозяйственном году коми составляли почти половину населения Ловозерской волости. В Ловозере их было 436 человек, в Ивановке – 75, в Краснощелье – 62, в Воронинском погосте – 35. Кроме того, коми жили в Понойской волости (42 человека) и по несколько человек – в Коле, Териберке и Умбе.

Вполне естественно, что коми община, состоящая в годы нэпа из двух слоев – активной богатой верхушки и спокойной части, т.н. середняков, активно участвовала и в политической жизни. Когда в 1927 г. возник Ловозерский район (раньше была волость) и была избрана местная власть – райисполком, его председателем стал коми – Михаил Филиппович Терентьев. Членами исполкома стали П.В. Канев, В.В. Терентьев и др.

В годы нэпа еще более окрепло благосостояние кольских коми. Большинство семей жили в избах-домах русского северного типа, имели бани и скотные дворы с полом и водогрейкой, держали скот, птицу и огороды. Во многих семьях были швейные машинки, самовары, хорошая посуда, новая одежда и обувь.

Врач Ф.Г. Иванов-Дятлов после посещения Ловозера в 1927 г. писал: «Ижемская сторона Ловозера представляет другую, более отрадную картину, чем лопарская. Дома у ижемцев тоже разбросаны в беспорядке, но величина и чистота их резко бросаются в глаза. Большая часть домов новые, с большими окнами и, в противоположность лопарским, с "хорошей крышей"». 14 апреля 1927 г. в «Полярной правде» сообщалось: «Вражды явной и острой между ними нет (речь идет о коми и саамах. – *А.К.*), но обособленность полная. Никогда ни один ижемец без крайней надобности не перейдет на лопарскую сторону и наоборот. Молодежь гуляет врозь, ни одного лопаря не видели с ижемкой»...

И тем не менее в феврале 1929 г. в Ловозерском загсе был зарегистрирован первый смешанный брак: 23-летний саам женился на 18-летней ижемке.

Коми были культурнее и грамотнее своих сограждан по тундре из саамов и ненцев: в 1927 г. их грамотность составляла 45%, тогда как у ненцев она не превышала 29%, а у саамов – всего 3%.

Как отмечали ученые из Сыктывкара, «среди коми, проживающих в отрыве от материнского этноса, происходит процесс языковой переориентации с коми языка на русский», причем коми находили выход даже в тех случаях, когда не было ни школ, ни учителей. Так, 23 июля 1921 г. в «Полярной правде» писали: «В погост Каменка приезжает матрос – первая ласточка, принесшая зачатки грамоты. Стал учить детей и взрослых, организовал школу, для которой сам сделал парты, доску, деревянные кубики – азбуку». Это был коми Иван Иванович Артиев, 1880 года рождения, отслуживший на Балтике действительную службу, участник Кронштадтского восстания 1905 г. Он видел многое в жизни: был в тюрьме, много занимался и в воскресных школах, и самообразованием, пользовался уважением у сородичей. Память о нем хорошо сохранилась в тундре. Это о нем писал В.В. Чарнолуский: «Один из коми держал учеников для обучения грамоте». Позже он будет председателем сельсовета, будет воспитывать пятерых детей. Но об этом мы расскажем в другом месте.

В тридцатые годы

Ренессанс, т.е. возрождение и расцвет коми общины на Кольском полуострове, закончился в конце 20-х гг., когда новая экономическая политика была свернута и в стране началась коллективизация сельского хозяйства.

В 1929–1930 гг. в тундре стали организовываться колхозы. Сначала коми организовали свою артель, но начальство запретило создание колхозов по национальному признаку. Тогда в каждом более или менее крупном погосте возник свой колхоз: в Ловозере – «Тундра», в Краснощелье – «Красная тундра», в Поное – «Север».

Коми составляли большинство в созданном в начале 1930 г. ловозерском колхозе: здесь их было 46 хозяйств из 58. Первыми колхозниками стали И.С. Рочев и братья Терентьевы. Приблизительно такая же картина была в Краснощелье, где коми составляли 80% населения, а также в Каневке и Ивановке.

Одновременно шло раскулачивание богатых семей коми, их оленей экспроприировали и передавали в колхозные и совхозные стада. Так поступили с Рочевым, Терентьевым, Каневым, имевшими стада из более 500 оленей. Кое-кто из богатых коми пытался сопротивляться, угонял стада далеко в тундру, забивая часть оленей, чтобы продать мясо. Но все было бесполезно. В тундру была послана милиция, и сопротивлявшихся стали арестовывать и судить.

В общем, в начале 1932 г. в понойском колхозе «Север» работали 4 коми семьи, в сосновском колхозе «Путь оленя» – одна. В 1933 г. в краснощельский колхоз входили 13 коми семей (из 17). Председателем этого колхоза избрали одного из основателей села Петра Ивановича Терентьева (он возглавлял колхоз 15 лет и оставил о себе хорошую память).

Коми, вступившие в колхоз, мало-помалу привыкали к коллективным формам работы. Потихоньку восстанавливалось оленье поголовье, наводился порядок в бригадах пастухов, осваивались новые маршруты кочевий оленей к морю. Да и в селах видны были перемены: строились новые дома, к Ловозеру проложили дорогу, менялся в лучшую сторону быт коми семей. В течение зимы 1935–1936 гг. на курортах страны побывали 4 колхозника «Тундры»: Ф.С. Канев (член правления), И.Г. Артиев (бригадир), Я.П. Филиппов и М.М. Канева. В дом отдыха ездил рабочий замшевого завода И.М. Распутин (сын ловозерского священника).

Молодежь из коми семей стала осваивать технику, появившуюся в погостах: автомобили, трактора, кинопередвижки; многие получили специальности, которых раньше не знали (моторист, шофер, электрослесарь). Активно участвовала коми молодежь в культурной и общественной жизни тундры. Николай Филиппов и Костя Терентьев были участниками спортивного пробега на оленях по маршруту Мурманск – Ленинград, который был организован весной 1936 г.

...Но в жизни коми так же, как у саамов, ненцев, да и русских, проживающих в тундре, в 30-е гг. была масса трудностей. Оленеводство топталось на месте. У коми не было заинтересованности в улучшении результатов своего труда. В колхозах то и дело менялись председатели и бригадиры. Не понравился высокому начальству председатель колхоза в Ловозере из коми – «он своих защищает», и в октябре 1936 г. его сняли (речь идет о Ф.С. Каневе). Два последующих председателя из русских – Иванов и Трусов – продержались недолго, их тоже пришлось снимать. Председателем колхоза «Тундра» в канун войны был Иван Семенович Рочев.

Но все эти сложности бытия были ничто, по сравнению с трагедией, обрушившейся в те месяцы на многие семьи. Органы НКВД обнаружили в тундре несколько «заговоров», и начались аресты. Одного за другим забрали Канева Якова Николаевича (1891 г. рождения), Чупрова Федора Васильевича (1885 г. рождения), Рочева Ивана Пегасьевича (1882 г. рождения), Филиппова Серапиона Степановича (1898 г. рождения). В Саамском районе был арестован (и при этом жестоко избит) Василий Васильевич Филиппов.

По делу т.н. «саамской националистической повстанческой диверсионно-вредительской организации» весной 1938 г. были арестованы братья Артиевы, а также Григорий Гаврилович и Егор Васильевич Каневы.

К семье Артиевых районное начальство относилось с ревностью и подозрением: слишком самостоятельны и независимы, не смирились с коллективизацией, враждебно настроены к Советской власти. Главным заговорщиком органы НКВД считали Ивана Ивановича Артиева, 56-летнего ижемца, одного из самых культурных хозяев Ловозерской тундры. «Ваньвань» – так звали его и коми, и лопари – был связан с Мурманским Комитетом Севера, выписывал газеты и журналы, не боялся честно высказывать

свое мнение и потому был ненавистен местным властям. К заговорщикам, кроме старшего Артиева, отнесли его братьев: Александра Ивановича (припомнили ему, что он до колхоза имел 500 оленей), в момент ареста ему было 52 года, работал возчиком в Краснощелье; Викентия Ивановича, 50-летнего мужика, в прошлом тоже «кулака», так и не пожелавшего вступить в колхоз, и Федора.

По этому же делу привлекались Егор Васильевич Канев (1887 г. рождения) из Ивановки и единоличник Григорий Гаврилович Канев (1899 г. рождения). Все эти оленеводы пострадали за то, что вслух высказывали недовольство политикой коллективизации, нехваткой продуктов и предметов обихода. Попутно им приписали и вредительство: падеж оленей в стадах, лесные пожары, вытаптывание ягельников и даже заражение оленей копыткой. Кроме того, в обвинительном заключении по делу Г.Г. Канева говорилось, что он грозился убить первого секретаря райкома ВКП(б).

Все это, конечно, было чистой ерундой, но людей посадили, и все они погибли. Только в 1957 г. истина была восстановлена, и их реабилитировали.

В войну и после

Перед самой войной жизнь кольских коми стала вроде бы налаживаться. Колхозы несколько окрепли, хоть не намного, но выросло поголовье оленей, появились дополнительные доходы от молочного животноводства, овцеводства, грузовых перевозок. Дружнее стали жить коми с саамами, активнее стала общественная жизнь в погостах.

И тут вдруг – война. Всю молодежь призывного возраста забрали в армию в конце июня 1941 г. А потом, что ни неделя, то новые повестки и проводы в армию. Многие коми семьи уже в 1941 г. отправили на фронт по два-три солдата. А у Якова Марковича Филиппова ушли в армию все четверо сыновей.

Кольские коми быстро нашли свое место в общем строю защитников Родины. Степан Канев, работавший до войны председателем колхоза в Чудзьявре, стал снайпером, С.Т. Филиппов воевал в гвардейских частях под Одессой и Керчью.

Рядом с мужчинами воевали и коми-девушки. Медсестрами стали Анастасия и Марина Рочевы, Павла и Марина Терентьевы, Домна Филиппова.

В составе оленетранспортных подразделений Карельского фронта воевали Василий Васильевич Канев, Александр Семенович Рочев, Иван Андреевич Терентьев, Федор Петрович Терентьев, Елисей Николаевич Рочев, Яков Егорович Филиппов и многие-многие другие.

Одни из них вернулись в родные села с ранениями и орденами, другие остались лежать на просторах России или в земле сопредельных государств.

Но жизнь продолжалась, и кольские коми сразу после окончания войны взялись за привычные дела: пасти оленей, ремонтировать осевшие за войну дома, восстанавливать порушенное или покосившееся хозяйство.

В начале 1954 г. в колхозе «Тундра» работали 58 коми, в артели «Краснощелье» – 25, в «Красной тундре» – 17. В Саамском районе тогда насчитывалось 11 колхозников из коми.

О результатах процесса консолидации кольских коми в последующие годы говорят два факта 1967 г. В тот год в оленеводческих колхозах Мурманской области было 140 коми хозяйств, что составляло 22% всех оленеводческих хозяйств Кольского полуострова. На 1 января 1967 г. в колхозе «Тундра» трудились 72 коми семьи (а всего было 244 двора).

В послевоенные годы коми жили и трудились в многонациональной среде, вместе с русскими, украинцами, саамами, белорусами, ненцами и т.д. И вполне естественно, в тундровых селениях шел процесс ассимиляции. О его величине можно судить хотя бы по одному году – 1973 г. В тот год в Ловозере было зарегистрировано 10 коми-саамских и 9 саамско-коми браков.

Нередки были браки коми и с представителями других национальностей. Так, одна из старейших представительниц коми народа Мария Ефимовна Зотова, отметившая в 1980 г. свое столетие, в свое время была замужем за ненцем.

Другая представительница коми народа – А.А. Мардухович – вышла замуж за белоруса, что не помешало ей воспитывать детей в глубоком уважении к коми языку и культуре.

Однако внутри коми общины Мурманской области шли сложные и противоречивые процессы. Как выявили ученые Коми научного центра Уральского отделения АН РАН во время экспедиционного обследования кольских коми в 1982 и 1985 гг., «интерес кольских коми к национальной культуре весьма высок, поэтому в Ловозере и Краснощелье есть люди, которые весьма неплохо представляют себе коми обряды, песни, причитания и т.д.». Среди интересующихся народной культурой заметным информационным авторитетом пользовались Терентьевы, А.А. Чупрова (знающая плачи, причитания, искусная рукодельница) из села Краснощелье, А.А. Мардухович, В.И. Артиева, знающие частушки, песни, былины, элементы семейных обрядов, и некоторые другие в селе Ловозере.

И в то же время выборочный опрос кольских коми показал, что хотели бы полностью одеваться, как коми, только 5%, а большинство не возражали бы носить только малицы, пыжиковые шапки и пимы или бурки из оленьего меха. Знают и любят коми песни немногие ловозерцы: только каждый восьмой, а танцы – каждый пятнадцатый. Все коми-жители Ловозерского района практически не знали свою родную национальную литературу.

Помимо культурно-этнических проблем, были налицо и другие сложности. Вот одна из них.

Раньше кольские коми имели льготы, как и все другие малочисленные этнические группы. Но в 1980 г. в очередном постановлении Совета Министров СССР их то ли проигнорировали, то ли попросту забыли. И льгот не стало. Коми лишили лекарств по 50-процентной цене, права на бесплатную охоту и рыбную ловлю.

Другие проблемы

По переписи 1979 г., в Мурманской области проживало 2 007 коми. Это на 28% больше, чем аборигенов края – саамов. В 1989 г. число коми выросло до 2 167 человек. 40% из них считали коми язык родным, а 38% свободно владели русским языком. Коми были на девятом месте среди наций и народностей, населявших Кольское Заполярье. Кроме коми-ижемцев по переписям населения учтена и небольшая группа коми-пермяков: в 1979 г. на Кольском полуострове их было 116 человек, а в 1989 г. – 197 человек. Основная масса кольских коми проживала в сельской местности. По некоторым данным, в 1993 г. коми составляли всего лишь 0,07% населения г. Мурманска.

Главные проблемы сегодняшних коми Мурманской области можно разделить на четыре группы: экономические, политические, культурологические и экологические.

Среди экономических проблем надо выделить оленеводческие (величина оленьих стад, наличие пастбищ-ягельников, условия выпаса оленей и работа пастухов, методы и результаты забоев) и рыболовецкие (сохранение рыбопромыслового значения рек и озер, распределение рыбных угодий). Особо стоят вопросы оплаты труда оленеводов, передачи оленей в частную собственность, арендных форм организации оленеводства. И коми тут весьма заинтересованы, ведь $^1/_3$ часть мурманских пастухов из их племени (в начале 1992 г. из 108 пастухов совхоза, ныне акционерного общества «Тундра», 32 были коми).

Все вышеперечисленные проблемы имеют общие корни, тесно связаны между собой и с той политикой (а может быть, отсутствием сколько-нибудь научно обоснованной политики), которая проводилась в отношении малочисленных групп населения Севера в XX в.

Мурманские коми продолжают жить в своеобразных условиях, вдали от основной массы своего народа, вместе с оленеводами других национальностей (саамами, ненцами, русскими и др.). Если саамы в последние годы организовали свою ассоциацию, вступили в Международный союз саамов, то коми пока еще только думают о созыве учредительной конференции по созданию общества «Коми-ижемцы».

Активизация политической жизни коми должна помочь решению двух задач: обеспечить представительство коми общины в местных орга-

нах власти и защитить своих сородичей в случае проявлений т.н. бытового национализма.

Из проблем культурного плана у кольских коми надо выделить три: во-первых, необходимо удержаться на том уровне культуры, что был достигнут в течение века (процент грамотности, учеба в техникумах и вузах, выписка газет и журналов, использование средств массовой информации и т.д.); во-вторых, сохранить язык, традиции, фольклор и национальную одежду, прикладное искусство и обычаи; в-третьих, продолжать растить собственную интеллигенцию – не только гуманитарную (учителей, библиотекарей, воспитателей), но и инженерно-техническую.

Сегодня мурманские коми, как и другие жители тундры, переживают не лучшие времена. Многим оленеводам не хватает средств даже на удовлетворение самых скромных жизненных потребностей. Ухудшилось снабжение отдаленных сел и пастушеских бригад. Усилились противоречия в связи с наступившей приватизацией – кому должны принадлежать олени? Но здравый смысл, житейская осторожность и стремление не обидеть ближнего должны помочь коми и в этот раз. Они найдут выход из создавшейся ситуации и успешно решат все эти проблемы.

Ненцы на Мурмане

Ненцы, или как их раньше (до 1930 г.) называли – самоеды, являются самой маленькой этнической группой населения Мурманской области, связанной с исконно северными промыслами – охотой, рыболовством, оленеводством.

Наши мурманские ненцы являются частичкой («сколком») того коренного народа, что проживает в Ненецком автономном округе Тюменской области и Таймырском (Долгано-Ненецком) округе Красноярского края.

Всего ненцев в России, разбросанных от Кольского полуострова до устья Енисея, в конце 80-х гг. XX в. насчитывалось около 35 тыс. Из них в нашей области постоянно жили всего 176 ненцев.

Но, несмотря на малочисленность, мурманские ненцы внесли свой вклад в освоение Кольского полуострова, они довольно уверенно чувствуют себя в своей нише жизненного пространства. Поэтому и хочется рассказать читателям об этой этнической группе (вслед за очерками о саамах и коми).

Откуда пришли ненцы?

Первые самоеды появились на Кольском полуострове вместе с коми-ижемцами в конце 80-х гг. XIX в. Их было совсем немного, и они служили у богатых оленеводов пастухами.

Через 10 лет после переселения на Мурмане числилось 35 колвинских ненцев (колвинские – от реки Колвы, северного притока Печоры, где они жили раньше. Там их часто называли «коми-ненцы», ибо они говорили на коми языке).

Миграция ненцев с востока на Кольский полуостров продолжалась, хотя и медленно, и в последующие десятилетия. При этом у нее было две особенности: первая – среди новых мигрантов были не только бедняки-пастухи, но и самостоятельные хозяева небольших оленьих стад; вторая – они селились везде, где их принимало местное население. А привечали ненцев лучше, чем коми, ибо в их характере была неплохая черта – спокойно наблюдать со стороны, «не встревать», пока тебя не попросят высказать свое мнение. К тому же именно ненцы, а не коми, как часто утверждается, дали тундре малицу, совик, пимы, свой тип нарт.

Ненцы, прекрасно знавшие тундру и оленей, традиции оленеводства и рыболовства, трудолюбивые и молчаливые, хорошо ладили с местным населением – лопарями и поморами. И не случайно имена некоторых ненцев остались в нашей топонимике.

Так, ручей, протекавший через Керозеро и Максимово озеро и впадавший в реку Восточная Лица, до сих пор называется Кутулшор – по имени пастуха-ненца (Кутул – его прозвище).

Остался в памяти потомков и другой ненец – Семен Яхтусов (о нем писал в своей книге «В краю летучего камня» В.В. Чарнолуский, хотя, наверное, правильнее – Явтусов).

В двадцатые годы

Революция 1917 г. почти не изменила жизнь кольских ненцев. Как кочевали они по тундре с ранней весны и до поздней осени вместе со стадами богатых коми, так продолжалось и в годы советского нэпа.

По данным В.В. Чарнолуского, даже в 1927 г. число оленей у ненцев не превышало 1 300–1 400 голов. И это тогда, когда самостоятельные коми-оленеводы имели по 3–4 тыс. оленей каждый, т.е. при Советской власти большинство ненцев продолжали оставаться батраками-пастухами.

Но политическая свобода, защита от безжалостной эксплуатации все же сказывались на жизни кольских ненцев. По переписи 1926 г., они проживали во многих пунктах Русской Лапландии: в Ловозере их было 63 души, в Краснощелье – 17, в Ивановке – 16, в Поное – 8, в Макаровке – 6, в Сосновке и Каневке – по 4 человека и, наконец, 3 ненца жили в пос. Оксино.

Руководитель Лопарской экспедиции 1927 г. профессор Д.А. Золотарев в отчете так описывал демографическую ситуацию в Ловозере:

«Из 745 жителей приходится на долю лопарей третья часть, в то время как больше половины ижемцев-зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов и 30 человек русских».

И еще два факта можно добавить.

Во-первых, по переписи населения 1926 г. ненцы составляли полпроцента от числа жителей Мурманской губернии (сейчас они не составляют и сотой доли процента).

Во-вторых, ненцы были относительно грамотны: если среди лопарей грамотных было 12,5%, то среди ненцев – 29%.

В годы коллективизации

Сейчас мы спорим: «Нужна ли была в России коллективизация сельского хозяйства?» Но при этом забываем, какой была тогда русская деревня – технически отсталой, забитой и часто голодной. А лозунги революции («свобода, справедливость, равенство») привлекали бедняков и на Крайнем Севере. А потому батраки-ненцы в принципе не возражали против оленеводческих колхозов.

Уже в 1930 г. 9 ненецких хозяйств Ловозера вступили в колхоз «Тундра». Их вожаком, признанным лидером, был клан Хатанзеев – лучших пастухов той поры.

Откликнулась на призыв вступать в комсомол ненецкая молодежь – 5 ненцев написали заявление о вступлении в ВЛКСМ. Если учесть, что до

этого в комсомольской организации Ловозера было 25 человек, то это было значительное подкрепление.

Охотно вступали ненцы и в кооперацию. В Краснощельском сельпо (сельское потребительское общество) активно сотрудничали ненецкие семьи.

Несколько улучшилась жизнь ненцев и в Понойском районе, там в 1935 г. проживали 76 ненцев. К этому времени было восстановлено оленье стадо, сильно пострадавшее при насильственном обобществлении оленей. В тундре было проведено землеводоустройство, стала работать оленеводческая станция, она вела борьбу с болезнями оленей (с копыткой).

Те ненцы, которые все еще сторонились колхозов (т.е. единоличники), вынуждены были «сдаться» и вступить в колхозы. Так, весной 1937 г. в ловозерскую «Тундру» вступили последние четыре ненецкие семьи. Самым авторитетным оленеводом из ненцев был тогда Н.И. Хатанзей из рода лесных ненцев – хэтанзи («паук светлой окраски с длинными ногами»).

Но и кольских ненцев не обошли ежовские репрессии 30-х гг. В 1938 г. по т.н. «саамскому делу» был осужден Василий Егорович Хатанзей, 43-летний пастух, зачисленный во враги народа.

В войну

Когда началась война в 1941 г. с Германией, военнообязанных ненцев посылали служить куда придется. Потом хватились: ведь это же прекрасные знатоки тундры и тайги, отличные проводники и стрелки-охотники.

Осенью 1941 г. в 14-й армии стали формироваться оленетранспортные дивизионы. По штату в каждом из них было 154 солдата, 1 015 оленей, 237 грузовых и 76 легковых нарт, 15 оленегонных собак. Пришлось обращаться за помощью в Архангельск и Нарьян-Мар: присылайте оленей и людей. Один из участников тех событий вспоминал: «...По заданию Архангельского облвоенкомата мы собрали около 4 000 ездовых быков-оленей и в самый короткий срок организовали перегоны за тысячи километров в Архангельск. Отсюда ездовые олени были переброшены по железной дороге на Кольский полуостров...

Ненцы – наши местные и прибывшие из Большеземельской тундры – вместе с саамами и коми составили костяк кадров этих спецчастей Карельского фронта. Они доставляли на оленях на передовую боеприпасы, снаряжение, продукты питания. Оттуда в тыл везли раненых и больных. Только за первую военную зиму на оленях было доставлено в госпитали почти 6 000 человек».

Хорошо, с теплотой и благодарностью отзывались о ненцах летчики: на оленях им доставляли топливо и бомбы. А сколько раз оленеводам приходилось спасать авиаторов после вынужденной посадки в тундре?! Один из фронтовиков рассказывал: «Много раненых на войне наши олени спас-

ли. Раненый человек много крови теряет, тепло из него выходит. Стынет человек, погибает. А вот оленья шкура тепло очень хорошо держит. Завернешь раненого в шкуру, положишь на нарты и везешь. Доставишь в госпиталь – человек теплый, живой».

Ненцы – и наши, и архангельские, и сибирские – вместе с оленями воевали не только на Мурманском направлении, но и на Кандалакшском и Лоухском. Использовала оленей и морская пехота Северного флота. Несколько десятков оленеводов участвовали в десанте на мыс Пикшуев весной 1942 г. Участники той, не совсем удачной, операции вспоминали: «Досталось тогда и нам, и олешкам. Особенно когда пришел приказ отходить. Матросы уже идут к берегу, к катерам, а мы гоним оленей, на юг, где шли бои, чтобы подобрать тяжелораненых. Но ничего, всех вывезли. Правда, много оленей погибло...»

Ненцы вместе с русскими, коми и саамами участвовали в обороне Рыбачьего и рубежей на Западной Лице, а в период Петсамо-Киркенесской операции помогали солдатам 126-го и 127-го легких стрелковых корпусов. Часть оленей шла под вьюками, в каждом из них было по два ящика мин или гранат. В быстром продвижении наших войск к Киркенесу в октябре 1944 г. была заслуга и ненцев-оленеводов.

Ну а те ненцы, что не служили в армии (старики, подростки, женщины), продолжали работать в селах и погостах: пасли оленьи стада, ловили рыбу, охотились, заготавливали сено и лес, ремонтировали для фронта упряжь и нарты. Ненецкие женщины шили малицы и совики, пимы и рукавицы и отсылали все это на фронт. Многие из них были награждены медалями «За доблестный труд»…

После войны

Вторая мировая война нанесла ненецкой общине Мурманской области немалый ущерб. Часть призванных в армию не вернулась к своим семьям: погибли в боях и сражениях. Другие вернулись, но с ранениями и контузиями, стали инвалидами. Да и хозяйство, как общественное (в колхозах и совхозах), так и личное, пришло в упадок – число оленей сократилось вдвое. Не было упряжи и нарт, сетей и охотничьих принадлежностей.

Но трудолюбивые и упорные в достижении своих целей ненцы не опустили руки, не сникли, а принялись за работу – восстанавливать порушенное. Из ненцев той послевоенной эпохи надо вспомнить добрым словом Дорофея Хатанзея. Недавно я встретил в госархиве его фотографию 50-х гг., где он снят за игрой на аккордеоне.

И тем не менее жизнь ненцев стала отличаться от довоенной. Во-первых, многие из них увидели, как говорят, «белый свет», даже побывали в Европе, узнали, как живут другие народы. Расширился кругозор ненецкого населения. Изменилось мировоззрение, повысился уровень культуры.

Во-вторых, стала иной и кольская тундра. Ее наводнили люди – военные, геологи, строители, дорожники, – строились промышленные предприятия.

Если раньше в тундре не было иных занятий, как пасти оленей и рыбачить, то после войны обстановка изменилась. Кому-то надо было сеять и убирать корма, доить коров (ненцы раньше не знали этого вида домашнего животного, у них в языке даже не было этого слова; сейчас появилось «хорово»), водить трактора и автомобили, строить дома и дороги. И ненцы активно включились в этот процесс цивилизации, который, увы, нес не только позитивное, но и негативное (экологический дисбаланс, алкоголизм, новые болезни и т.д.).

Лучше других складывалась жизнь в тех семьях ненцев, где не нарушались вековые традиции: мужчины оставались пастухами, семьи кочевали с ними (именно тогда гремела слава оленеводческой бригады Василия Юрьева, а самым лучшим его помощником был Гавриил Хатанзей). Но, к сожалению, таких семей оставалось все меньше: в 1969 г. из 75 пастухов колхоза «Тундра» было всего 3 ненца.

Кстати говоря, это была общая беда ненецкой диаспоры: в результате войны численность ненцев на Кольском полуострове сократилась. По данным текущей переписи населения, на 1 января 1965 г. их насчитывалось 115 человек. Одновременно уменьшалось число ненцев в оленеводческих колхозах: в 1967 г. в них числились 22 ненецкие семьи (а в «Тундре» оставалось всего 3 семьи).

В целом же демографическая ситуация с ненцами Мурманской области выглядела по данным переписей населения так: в 1959 г. – 116 человек, в 1970 г. – 137, в 1979 г. – 134, в 1989 г. – 176. Соотношение же полов по двум последним переписям выглядело так: в 1979 г. мужчин было 59, а женщин – 75; в 1989 г. (соответственно) – 87 и 89.

Что тут скажешь? Что выровнялось соотношение полов – это хорошо. Что численность кольских ненцев за 10 лет выросла на 31% – это отлично.

Но то, что 12% ненцев считали самодийский язык родным, это, конечно, не очень приятная новость (свободно владели русским языком более 30%). Хотя Людмила Васильевна Хомич, главный специалист России по ненцам, считала, что в 1973 г. был лишь один смешанный брак – саам женился на ненке, но это, по-видимому, не так. Во всяком случае, нам известно, что коми М.В. Зотова была тоже замужем за ненцем.

Кроме роста смертности при одновременном уменьшении рождаемости (у ненцев, в отличие от коми, семьи никогда не были большими), на численность ненецкого народа влияли миграционные процессы, особенно усилившиеся в последние десятилетия. В 1989 г. в Архангельской области проживали 7 143 ненца, в республике Коми – 376, в Мурманской области – 176, в Вологодской – 21, в Карелии – 5. Да и в других регионах России они могут обнаружиться, ведь жили же в 1989 г. в нашей области 3 эскимоса и 2 чукчи.

В конце XX века

Большая часть мурманских ненцев проживала в сельской (тундровой) местности. По самым последним опубликованным данным, в Мурманске в 1993 г. насчитывалось 20 ненцев. Они малозаметны не только из-за своей малочисленности, но также из-за политической и общественной пассивности.

Ненцы переживали те же трудности, что и все россияне: шел процесс перераспределения собственности, оленеводство было в кризисе, рыболовство нерентабельно, жителям тундры грозили обнищание и безработица. Семьям ненцев, как и саамским, надо было оказывать социальную помощь.

В отличие от саамов и коми, громко заявляющих о своих правах на тундру и на все в ней находящееся, ненцы молчат и никак себя не проявляют. И тут надо не обидеть скромный народ.

Из фактов жизни кольских ненцев хотелось бы обратить внимание лишь на два.

Во-первых, в последнее время проблемами жизни ненцев активно занялись скандинавы. В районы их расселения, в первую очередь, в Нарьян-Мар, зачастили ученые, журналисты, художники, фотографы. В чем их заинтересованность – не всегда понятно. Может быть, дальнее родство саамов и самоедов (а самоядью раньше звали все народы, говорящие на самодийских языках – энцев, селькупов, нганасан). Кстати говоря, «самоед» происходит из словосочетания «само эдне», что означает – «земля саамов».

Второй факт – из неприглядной российской действительности. В мае 1994 г. одного ненца арестовали за воровство никеля; группа преступников, в которую он был вовлечен, выбросила из вагона на полустанке восемь тонн этого ценного металла.

Я поначалу засомневался: может быть, не ненца, а немца? Но мне разъяснили, что все написано правильно: именно ненца.

О чем это говорит? Что преступность докатилась и до этой этнической группы Мурмана.

Вот на этой невеселой ноте и позвольте закончить этот исторический очерк о кольских ненцах. Но эту тему надо продолжать изучать, она достойна внимания.

Карелы на Кольском Севере

В марте 1989 г. я опубликовал в нескольких номерах «Полярной правды» исторический очерк «Финны на Мурмане». Вскоре его перепечатала петрозаводская газета (тогда она называлась «Ленинская правда»). А еще через некоторое время было получено письмо из редакции журнала «Пуналиппу» с предложением опубликовать материал о финнах у них, на финском языке. Во время этого кратковременного сотрудничества с петрозаводским журналом от них поступило еще одно предложение – написать о карелах, проживающих на Кольском полуострове. Заместитель главного редактора журнала «Пуналиппу» Рамон Арниевич Ниеми 25 января 1990 г. писал: «...Очевидно, карелы внесли значительный вклад в освоение (Мурманского) края. Может, стоит подумать над материалом о них».

Я ответил тогда принципиальным согласием, но просил повременить: был занят другими проблемами.

Все это я вспомнил для того, чтобы объяснить мотивы для выступления в печати с этой темой.

Второй повод был еще более прозаичен. Когда я внимательно штудировал академическое издание о карелах (оно вышло в Петрозаводске в 1983 г. и называлось «Карелы Карельской АССР»), то узнал, что по переписи 1959 г. в СССР было учтено 167 тыс. карелов, но в Карельской АССР их насчитывалась только половина (85,5 тыс. человек). Но в этой книге я, к сожалению, не нашел ничего о кольских карелах, хотя о тверских и новгородских кое-какой материал там есть. Меня это тоже задело, и я решил восполнить этот пробел.

И был еще один мотив написать очерк о кольских карелах – личный. Я рос в интернациональной среде: в нашем маленьком домике на три семьи в Монче-Губе в 30-е гг. жили представители трех народов. Слева от нас занимали комнату карелы Багровы, а справа – вепсы Федотайнены. Я дружил с Михаилом Багровым и его братьями, уважительно относился к Ивану Федотайнену (он уже работал в конторе леспромхоза), но меня всегда занимала мысль: каковы их народы? Наши соседи ничем вроде не отличались от нас, русских, но ведь племена карелов и вепсов существовали. Каковы они?

О чем говорят топонимы?

«Демографический энциклопедический словарь» (1985 г. изд.) так пишет о происхождении карелов: «Первоначальный этап этногенеза карелов (самоназвание – карьяла) окончательно не выяснен. К IX в. племена корела – предки карелов – населяли северо-западное побережье Ладожского озера. В XI–XII вв. они освоили западную часть современной территории Карелии, а затем стали продвигаться на север к Белому морю…»

Прекрасные охотники и рыболовы, карелы не остановились на черте Полярного круга, а вместе с русскими – новгородцами расселились и на Кольском полуострове. Именно это доказывают топонимы карельского происхождения, а их на карте Мурманской области немало.

Вот только наиболее известные.

На реке Умбе, в 3 км выше того места, где река впадает в Канозеро, обозначен Карельский порог. Был Карельский порог и на реке Муне.

Неподалеку от Кицы лежит Карельское озеро (Карелъявр). А на Нотозере до войны было два Карельских мыса.

До 1934 г. между Полярным и Ура-Губой существовала деревня Карелинская, или Большая и Малая Карелия. Это селение, его трудно даже назвать деревней, располагалось на берегу одноименной губы, при входе в которую видны оба Карельских острова.

А на левом берегу реки Вороньей (в ее верхнем течении) и сейчас высится Карелякова гора.

Конечно же, все эти «карельские» названия на географической карте Мурманской области не случайны. Они свидетельствуют о значительной роли карелов в освоении новых районов Кольского полуострова, о проникновении наиболее предприимчивых сыновей карельского племени аж до самого Ледовитого океана.

И попутно небольшая цитата из книги А.А. Минкина «Топонимы Мурмана»: «Карелов на Кольском полуострове было немного, и поэтому их владения и поселения, в отличие от русских и саамских, называли Карельскими, или Корельскими. Двенадцать топонимов имеют в основе слово карел, или кареляк. Распространение их показывает район внедрения карелов в саамские владения. Одно из ранних поселений карелов – Корельский погост (около Варзуги) – было разорено мурманами, пришедшими в 1419 г. на шняках. Об этом эпизоде сохранилась запись в летописях».

Из глубины веков

О том, что древние племена карелов знали Кольский полуостров, своими глазами видели Лапландию, которую они называли «мрачный Похьелой», читаем в карело-финском эпосе «Калевала». Вот как в нем описывалась природа Кольского Севера:

Много снегу на Похьеле.
Много льду в деревне хладной,
Снега реки, льда озера,
Там блестит застывший воздух,
Зайцы снежные там скачут...

Карелы в древности появлялись на Кольском полуострове либо в качестве торговцев, либо в составе военных отрядов, взимающих дань. Но в

средневековье карелы стали селиться на юге Кольского полуострова на постоянное местожительство. Как пишут в своей книге о Кандалакше краеведы Г.Г. Кузьмин и Е.Ф. Разин, в XV в., помимо Корельского погоста, на реке Варзуге мог существовать такой же карельский погост на месте нынешней Кандалакши.

В связи с этим приобретает особое значение свидетельство голландского путешественника XVI в. Симона ван Салингена. В своих записках он упоминал о встрече в Кандалакше с человеком, который «написал историю Карелии и Лапландии, а также осмелился составить письменность для карельского языка». По всей видимости, это был не просто помор, а помор из карелов. И притом грамотный и не потерявший контакта с прародиной.

Еще более усилилась миграция карелов на север в XVII в. Об этом пишут авторы уже упоминаемого труда о карелах. Они сообщают, что часть карелов навсегда переселились ближе к лопским погостам. Именно этим объясняется тот факт, что язык карелов, живущих вокруг Кестеньги – Кандалакши, до сих пор сохраняет исключительно близкое сходство с языком тверских карелов (они переселились тогда же).

В результате многовековой миграции на север к середине XIX в. на территории Кемского уезда Архангельской губернии проживали около 13 тыс. карелов, что-то около 25% всех карелов России.

Но часть карелов шла еще дальше на север. Так, на дальнем берегу Ковдозера возникла небольшая карельская деревня Конец-Ковдозеро. Она называлась так, потому что дальше, дескать, никого нет. (Потом этот поселок стали называть просто Ковдозеро.) Неподалеку были карельские погосты Пажма, Моша и др.

По данным, полученным через Р.А. Ниеми из Хельсинки (К. Памило), в середине XIX в. карелы Минины и Микифровы (по-видимому, Никифоровы) жили в селении Виелъярви (или Ведлозеро) на Коле.

После официального разрешения заселять Кольский полуостров во второй половине XIX в. в северные районы Мурмана хлынул еще один поток «колонистов». Первыми из них были финны, затем шли русские, на третьем месте были карелы. К 1899 г. в Александровском уезде насчитывалось 72 карельских домохозяйства, а к 1911 г. уже 81. Карелы этой последней эпохи переселения получали наделы земли и право на жительство на побережье Баренцева моря и по Кольскому заливу, по Туломе и Коле, да и в других районах только что созданного Александровского уезда. По-видимому, этим объясняется тот факт, о котором сообщил господин К. Памило. По его информации, в 1910 г. только в Колвице (в 30 км от Кандалакши) проживали 105 карелов.

А вот как описывала возникновение своей родной деревни моя студентка Оксана Заика: «Еще в 80-е годы XIX века сюда на время, удобное для промысла рыбы, приходили из Карелии мужчины из нескольких семей (Яковлевы, Калиевы, Прокопьевы, Коллеевы и др.). Место действительно

было уникальное: река Колвица богата семгой; в заливе ловится беломорская селедка и треска; озера богаты кумжей, форелью, сигом, окунем, щукой. В тайге – изобилие ягод и грибов; можно заниматься охотой на пушного зверя (норка, куница, горностай, лисица). Есть из чего строить дома и хозяйственные постройки. И вот в том месте, где река впадает в Колвицкий залив, появилось сначала своеобразное становище, которое явилось временным жилищем для поморов, а в 1892 г. выросло постоянное селение. Основали его несколько карельских семей, переселившихся сюда из глубинки Карелии, поскольку это благодатное место имело все условия для жизни.

Первоначально застроился правый берег залива вблизи впадения в него реки Колвицы, на левом было лишь кладбище. Но место оказалось очень удобным для жилья. Можно было жить достаточно зажиточно, надо было только трудиться не покладая рук. И деревня росла. Вызывали своих родственников из Карелии, расхваливая богатства края.

Семьи, как правило, были многодетные: пять-семь детей в семье – обычное дело. Стала застраиваться левая сторона залива, и появилась "Заречная сторона", в отличие от правой, которая называлась "Деревня"...

Основными занятиями мужчин были рыбная ловля, охота. Женщины занимались домашним хозяйством. Каждая семья держала корову, нередко две-три, овец (несколько десятков), иногда и лошадь. У саамов заимствовали оленеводство. Обычная средняя семья имела от 20 до 50 оленей».

...Карелы на Мурмане занимались разнообразными промыслами. Особое место занимали рыбная ловля, охота и извоз. На Белом море ловили сельдь и навагу, на Баренцевом – треску и зубатку. Повсеместно добывали и царскую рыбу – семгу. Охотились на пушного зверя и дичь. Причем охотились с оглядкой на будущее – браконьерства не было.

Извозный промысел был в тех местах, где были тракты, грузы для перевозки и пассажиры. Кое-кто из карелов занимался бондарным производством (бочки-сельдянки на Беломорье) и подряжался рубить лес. На заготовку и сплав леса вербовали карелов из Кестеньги, Моши, Тумчи и из деревни Конец-Ковдозеро.

Повсеместно держали коров и овец. Сена на зиму заготавливали достаточно – у каждого хутора были хорошие покосы. Сливочное масло шло на продажу, шерсть – на носки, варежки, свитера. Все бы хорошо, но часто случались перебои с мукой. Приходилось примешивать в хлеб перемолотую сушеную рыбу. Эти лишения усугублялись изолированностью и отдаленностью. Как рассказывали путешественники начала XX в., при посещении карельских хуторов первые вопросы к любому «свежему» человеку были всегда одни и те же: «Нет ли войны?» и «А царь-то все тот же или уже умер?»

Адмирал А.К. Сиденснер в своем «Описании Мурманского берега» (1909 г.) говорил, что карелы (он их называл кореляки) жили в становищах Гаврилово и Голицыно. А всего на Мурманском берегу, по его данным,

было 76 карельских семей, что составляло 17,4% всего населения. И вот еще одно интересное наблюдение адмирала: «Кореляки западного Мурмана еще сохранили свой родной язык, и далеко не все женщины говорят по-русски».

История сохранила нам имя одного из карелов, жившего на стыке XIX и XX вв. на Восточном Мурмане. Звали его Иван Миккуев, он женился на одной из дочерей кильдинского колониста Юхана Петера Эриксена. У Луизы Эмилии и Ивана Миккуевых было одиннадцать детей, но выжили лишь пятеро (Анастасия-Анна, Александра, Николай, Людмила и Каролина). Жили Миккуевы сначала на Гусиной речке (это напротив Кильдина, на материке), где Иван работал надсмотрщиком телеграфной линии, потом – на Кильдине.

А о жизни карелов Колвицы в начале XX в. Меланья Михайловна Яковлева (1898 г. рождения) вспоминала так: «В семье было семь человек детей, первыми родились мальчики – трое, потом четыре дочери. Мы имели 2 коровы, десятки овец, 50 оленей, лодку, сети. В 1919 г. построили большой деревянный дом (этот дом и сейчас стоит) площадью более 100 м^2, большой хлев для скота, амбар, где хранились рыболовные снасти, заготовленные на зиму продукты (мясо и рыба). Хозяин, как и все мужчины, занимался рыболовным промыслом (ловили в реке Колвице семгу, в заливе – селедку и треску, в озерах – сига, кумжу, щуку, окуня). Рыбы хватало и семье, и на продажу. Рыбу муж возил в Кандалакшу и даже в Архангельск. Мясо давали олени, овцы, телята; его запасали впрок, делали солонину. Молоко, масло, творог были в изобилии. Лес давал ягоды и грибы.

Около каждого дома были огороды, где семья растила для себя картофель, морковь, капусту, репу, зелень. Фактически из продуктов покупали только соль, сахар, чай или кофе и муку. Все остальное было свое. Овцы давали шерсть, из которой женщины вязали рукавицы, носки, пузурунки (теплые свитера); из оленьих шкур делали теплую одежду. А обувь, нарядную одежду покупали на деньги, вырученные от продажи рыбы...

Кроме чая, пили кофе с молоком. Это было принято во многих семьях. Специально в Архангельске покупали кофе в зернах в запас на целый год, хранили в мешочках и пили каждое утро. Вещи хранили в красивых сундуках, очень любили русские платки и сарафаны, посудой пользовались и покупной, и самодельной...

В доме было достаточно просторно. Жили чисто и аккуратно. Вповалку на полу никто не спал: для старших деревенский умелец делал деревянные кровати, а младшие спали на русской печке, где было тепло и удобно. Потолок не белили, а стены не оклеивали обоями, это было ни к чему, они были сделаны из широких досок, хорошо обструганных и отшлифованных. Такие потолок и стены можно было мыть, что и делали несколько раз в году, поэтому следы копоти и грязь на стенах и потолке свидетельствовали о нерадивой хозяйке дома.

Наша семья не была зажиточной, а считалась обыкновенной, как говорится, середняцкой. Так жили почти все жители села, кроме пьяниц и лентяев, но таких было немного, всего семей пять-шесть. А остальные жили достаточно хорошо, только для такой жизни надо было трудиться постоянно, упорно и настойчиво. Особенно много работы было летом, работали все, детей сызмальства приучали к труду. Ленивые были не в почете.

Многие работы выполняли сообща, всем миром. Артельно ловили и рыбу. Один ведь на промысел в море не пойдешь, поэтому коллективный труд был не в новинку».

Кстати говоря, эти субъективные воспоминания карелки М.М. Яковлевой схожи с описанием этнолога В.В. Никольского, который в 1921 г. о крестьянском быте Ковдорско-Кандалакшского района писал: «Внешний вид рыбацкого селения производит впечатление зажиточности и не может идти в сравнение с сельским видом в центральной России. Все постройки крыты тесом и только изредка железом, но здешняя изба похожа скорее на дом и часто имеет две-три и больше комнат.

...Внутри жилье приятно поражает порядком и аккуратностью, свидетельствующими о культурных привычках населения. В самой обыкновенной избе, обставленной с самой скромной простотой, все, однако, имеет такой вид, как будто бы хозяева приготовились к встрече большого праздника: стены чистые, полы тщательно вымыты и покрыты дорожками, столы и лавки блестят чистотой».

В годы революции и Гражданской войны

И все же жизнь кольских карелов до революции (да и после нее) мы бы не стали идеализировать. Все доставалось тяжелым трудом: в летнее время все – взрослые и дети – работали от зари до зари, да и зимой на печи лежать было некогда. Достаток в семьях зависел не только от трудолюбия, но и от природы: было теплое лето, выросла трава – есть на зиму сено; подошла рыба, наловили и засолили впрок – можно продать на рынке и купить все необходимое.

Но ведь, кроме хлеба насущного, человеку требуется и многое другое: общение, культура, грамотность. А этого не хватало. Кольские карелы, разбросанные по всей территории Александровского уезда Архангельской губернии, жили разобщенно и изолированно. Хутор от хутора, деревня от деревни иногда отстояли на десятки километров, и общались соседи-карелы между собой по великой нужде три-четыре раза в год. Да и жизнь у многих была труднее той, что описала М.М. Яковлева: постройки были тесными, в одной половине – люди, в другой – скот; с дровами и сеном из года в год становилось все труднее; да и налоги росли. Легче было тем, кто жил в становищах Мурманского берега или в деревнях по соседству с Карелией. Там и почта была, и торговые лавки, и фельдшера. Общаясь с рус-

скими, финнами, норвежцами, лопарями, эти карелы были в курсе общественно-политической жизни России и раньше своих сородичей-хуторян узнали о низложении царя и революции в Петрограде. Карелы, участвующие в строительстве Мурманской железной дороги, ходили на митинги и демонстрации, вместе со всеми требовали повышения зарплаты, восьмичасового рабочего дня.

К Октябрьской революции и установлению Советской власти карелы отнеслись относительно спокойно. Многие жители карельских поселений, особенно дальних (Конец-Ковдозеро, Колвица, хутора по Туломе и по озеру Имандра), не сразу поняли и осознали, что это такое. Отсутствие достаточной информации, с одной стороны, и множество домашних дел (нужно было подготовиться к зиме: заготовить и завезти дрова, сено, муку и т.д.) не позволяли карелам ввязываться в политические баталии.

Когда утвердилась новая власть, карелы вместе со всеми ждали заключения мира с Германией. Но тут началась гражданская война в Финляндии, во время которой экстремистски настроенные финны стали требовать создания «Великой Карелии» от моря и до моря: от Ботнического залива Балтийского моря до Белого, от Финского залива до Северного Ледовитого океана. Если лозунги революции были общими и по большей части абстрактными, то угрозы «белофиннов» были конкретными: отдайте нам вашу землю, будете у нас в услужении.

И кольские карелы зашевелились. Как писали в книге «Кандалакша» Г.Г. Кузьмин и Е.Ф. Разин, «группа карелов, работавших на заготовке лесоматериалов для Мурманской железной дороги в районе Княжой Губы, объединилась в красногвардейский отряд под руководством И.К. Поспелова». Потом, когда начнется иностранная военная интервенция, на базе этого отряда образуется партизанское подразделение.

Другой отряд возникнет в районе Колвицы – Лувеньги. Из колвицких карелов в партизаны ушли братья Архиповы, Иван Егорович Яковлев, Иван Ланщев, А.М. Коллеев и др. Немало карелов ушло в Красную Армию и сражалось на разных фронтах от Петрограда до Туркменистана.

Но Гражданская война потому и называлась так, что брат воевал против брата, сын против соседа. Так было и у карелов. В военной сводке Реввоенсовета РСФСР о делах Северного фронта осенью 1918 г. сообщалось: «Часть белогвардейских отрядов составляют добровольцы, преимущественно карелы (преобладающее местное население), которые идут в армию из-за нужды, так как продовольственный вопрос стоит очень остро...»

Издававшаяся в Петрозаводске газета «Олонецкая коммуна» постоянно давала информацию о событиях на Мурмане: 26 и 27 июля 1919 г. был помещен материал П. Петрова «Жизнь на Мурмане», 12 сентября – «Песня политических заключенных в Мурманской тюрьме». А на следующий день (13 сентября 1919 г.) газета сообщала о митинге в честь прибыв-

ших из Мурманска рабочих. Газета писала, что кольские карелы голодают, что на Кольском полуострове развернулись массовые репрессии против гражданского населения.

В действительности, жертвы несли обе стороны: и белые, и красные. И нередко гибли ни в чем не повинные люди, которые были ни за тех, ни за других. Так случилось поздней осенью 1919 г., когда в Княжой Губе были арестованы и расстреляны белогвардейцами 19 мирных жителей. Были среди них и карелы: А.Ф. Миккуев, А.С. Молвистов, А.В. Пивуев, И.К. Пивуев, братья Юнгины и др.

Отголоски этой трагедии были слышны в Мурманской губернии долго после Гражданской войны: победившие и побежденные сводили счеты с помощью доносов, клеветы, а затем и репрессий.

В двадцатые годы

После Гражданской войны кольская община карелов (как сейчас модно говорить, диаспора) сократилась: много людей погибло в ходе военных действий и в месяцы иностранной интервенции, часть эмигрировала за границу, некоторые остались в других районах России. По текущей переписи 1924 г. в Мурманской губернии постоянно проживало всего 400 карелов. В статистико-экономическом описании Мурмана, изданном в 1929 г., указана более точная цифра – 414 (это данные Всесоюзной переписи населения 1926 г.).

Где тогда размещались карелы, где они жили? Со второй половины XIX в. карелы расселялись на Кольском полуострове в двух районах: по Мурманскому побережью, включая Кольский залив, и в центре полуострова (по озерам Имандра и Нотозеро, по рекам Тулома и Кола). А еще был третий район расселения карелов, не входящий до 1938 г. в состав Мурманской области. Это Карельский берег Белого моря, береговая полоса от Кеми до Кандалакши. Известный исследователь Севера С.Ф. Огородников еще в 1890 г. писал: «Такое название берег получил потому, что сюда разновременно выезжали и поселились из Заонежья карелы для удобства морских промыслов».

Если в Кандалакшском регионе карелы жили в поморских селах или лесных (озерных) деревнях, а в центре Кольского полуострова – хуторами или выселками, то на Мурманском берегу они жили как в становищах, так и в факториях-колониях. По данным экономиста и статистика Н.В. Воленс, в 1900 г. на Мурманском берегу (только на побережье) было 32 карельских хозяйства, в т.ч. на Восточном Мурмане – 21, на Западном – 10 и в Кольском заливе – 1. Через 20 лет, в которые вошли годы тяжелейших социально-политических потрясений (Первая мировая война, две революции – Февральская и Октябрьская, иностранная интервенция и Гражданская война), на Мурманском берегу (а это, как известно, побережье Баренцева моря

от границы с Норвегией до мыса Святой Нос) осталось только 24 карельских хозяйства. Особенно сократилось число карелов на Восточном Мурмане: здесь сохранилось лишь 6 хозяйств. Но зато число карельских хозяйств на Западном Мурмане (от Кильдина до границы) увеличилось до 16, а в Кольском заливе – до 2.

В 1921–1922 гг. силами ученых Северной научно-промысловой экспедиции, потом преобразованной в Институт по изучению Севера, было проведено статистико-экономическое исследование колонистских хозяйств Мурмана. Не касаясь проблем норвежских, финских, русских и лопарских колонистов, приведем лишь данные, касающиеся мурманских карелов.

В 1921–1922 гг. на Западном Мурмане проживало 80 карелов, а на Восточном – 41. 10 карелов жили по берегам Кольского залива. Карелы составляли тогда 6% всего населения Мурмана.

А вот ответ на вопрос: «Где жили карелы на Западном Мурмане?» В Эйне – 5 человек, в Озерках – 5, в Кутовой – 9, в Западной Лице – 17. Наиболее крупная группа карелов была в Титовке – 44 человека.

Что же касается Восточного Мурмана, то тут карелы расселялись после Гражданской войны так: в Захребетном – 14, в Шельпино и Золотой – по 10 человек и в Подпахте – 7. В Кольской губе тогда было два поселения. В Антоновке (южнее Тюва-Губы) в 1921–1922 гг. насчитывалось 14 душ в 3 хозяйствах (лишь одно не имело скота). В Кулоньге (южнее Белокаменки) было учтено 2 хозяйства (10 душ).

Не очень ясно прослеживается имущественное и общественное положение карелов, проживающих на Карельских островах. Непонятно: то ли они были колонистами, то ли не были. А по переписи 1920 г. их там было более 20 душ (5 хозяйств).

Теперь несколько слов о хозяйстве карелов-колонистов, которые, помимо рыболовства, занимались охотой и животноводством. Н.В. Воленс писала: «Охотятся на пушного зверя: лисицу, песцов, выдру, росомаху и на птиц – главным образом куропаток, а кроме того, гаг и лебедей. Из пушного зверя чаще всего попадается лисица. Охотничий сезон – зима; пушного зверя бьют с ноября по март, куропаток – с октября по апрель».

Хороший охотник добывал за сезон до 25 лисиц и до 100 куропаток. Но в 20-е гг. карелы переживали трудности с порохом, дробью, пистонами, капканами, потому доходы от охоты упали.

Карелы были не только хорошими охотниками, но и заботливыми, рачительными скотоводами (ведь само слово «корела» означает «скотоводы, пастухи, пастушье племя»). В 1921–1922 гг. из 24 карельских колонистских хозяйств 13 (более половины) имели по две коровы, 8 – по одной и только три хозяйства были бескоровными. В летнее время коровы давали в среднем по 8–9 литров хорошего молока, зимой – меньше, по 2–3 литра.

Конечно, прокормить крупный рогатый скот в длинную полярную зиму было нелегко: карелы заготавливали сено, туру (водоросли), ягель,

ветки. Чтобы иметь хорошее сено, 85% хозяев имели большие и унавоженные сенокосы.

Помимо коров, карелы держали мелкий рогатый скот. По данным статистико-экономического обследования 1921–1922 гг., 92% кареловколонистов держали овец: на каждые 100 душ населения приходилось 70 «баранов»; в среднем на хозяйство падало по 4 головы. Стоит подчеркнуть, что у карелов было больше овец, чем у колонистов других национальностей (норвежцев, финнов и т.д.). С овцами забот было меньше, чем с коровами: их легче пасти (летом их свозили на острова и оставляли до снега), стойловый период у них был меньше, да и пищи им надо было немного. Карелы стригли своих овец 3–4 раза в год, с каждой овцы получали 3–3,4 фунта немытой шерсти (тоже за год).

Занимались карелы и оленеводством. 62% мурманских кареловколонистов имели в 1922 г. оленей. Но оленей у них было немного: 3–4 на хозяйство, на 100 душ населения приходилось по 39 оленей. В основном олени использовались для зимних работ – на них доставляли сено и топливо, т.е. олени заменяли лошадей.

И еще два момента к вопросу о характеристике карелов-колонистов начала 20-х гг. Во-первых, карелы Мурмана были безграмотными, по сравнению с норвежцами, финнами и русскими. Среди мужчин (старше 8 лет) было 57% неграмотных, а среди женщин – 64%. Во-вторых, как отмечала научный сотрудник Института по изучению Севера Н.В. Воленс, карелы на Мурмане находились под сильным русским влиянием, и население довольно быстро русифицировалось. В своей книге «Колонисты Мурмана и их хозяйство» она отмечала, что численность карелов уменьшилась «сильно, не только относительно, но даже абсолютно».

И это показали итоги переписи населения 1926 г. Тогда больше всего карелов проживало в Кольско-Лопарской волости, таких было 192 человека, в Александровской волости насчитывалось 168 карелов, в Териберской – 19 и в Умбской – 3. В середине 20-х годов карелы жили в 11 населенных пунктах Мурмана, в т.ч. в Кулоньге (колония на западном берегу Кольского залива), в Антоновке (на восточном берегу фиорда), на полуострове Рыбачий, на Туломе, на Терском берегу. В колонии Кулоньга (в 12 км от Мурманска) жили две семьи. В Антоновке (в 4 верстах восточнее Александровска) – одна большая семья (11 человек). В Зубовке (на Рыбачьем, что в 30 км от Вайда-Губы) жили 8–9 семей.

В Экоостровском сельсовете Кольско-Лопарского района было 3 населенных пункта, где в конце 20-х гг. проживали карелы: на лесопункте Ливозеро (17 лесорубов), в Монче-губе (2 хозяйства – 15 человек) и в Тик-губе (6 хозяйств – около 20 карелов).

Жили карелы и неподалеку от Мурманска. На хуторе Южный Халдеев, основанном в 1925 г. в 3 км от Мурманска, проживала одна семья из 5 человек. Еще один хутор – Керчь-Ручей был на правом берегу Туломы, в

25 верстах от Колы: тут проживали двое карелов. В колонии Сосновый Зашеек, тоже по правому берегу Туломы, но на 3 км дальше, жила тоже карельская семья.

Жили карелы также в колонии Подпахта, в 4 км к востоку от Гаврилова (1–2 семьи) и в деревне Вялозеро, у устья реки Кузреки (2 семьи).

В 1928 г. в Терском районе в 74 км от Умбы возникло селение Карельская коммуна, где проживало более полусотни человек. В начальной школе деревни дети учились на карельском языке.

Почти полностью из карелов состояло население Колвицы. На карельском языке шло обучение в сельской школе. Русского языка жители деревни фактически не знали, но определенным набором фраз для общения с русскими, для торговых сделок владели.

...Чем занимались кольские карелы всех этих населенных пунктов во второй половине 20-х гг.? Если судить по материалам Приполярной переписи 1926/27 г., больше всего доходов они получали от сельского хозяйства (34,5 тыс. рублей в год). На втором месте стоял рыбный промысел (31,1 тыс. рублей). Далее шли доходы от пушного (1,2 тыс. рублей) и зверобойного (923 рублей) промыслов.

Сельским хозяйством, главным образом молочным животноводством, занималось 61 карельское хозяйство Мурманской губернии. А денежные приработки от лесозаготовок, извоза, службы в государственных учреждениях и предприятиях (почта, метеопосты, маяки и т.д.) имели 30 карельских хозяйств (на общую сумму в 15,5 тыс. рублей в год).

Карелы центральной части полуострова жили в домах из бревен, обычно довольно стесненно: одна-две комнаты. Рядом – хлев, как правило, с котлом («каменка»), в котором варили скоту – коровам, овцам – корм. Возле дома-усадьбы – огород, где выращивали картофель, капусту, брюкву. До 1921 г. площади сенокосов и выгонов для скота практически никем и ничем не ограничивались, но позже их стали делить только по хозяйствам, имеющим скот (это привело к новой повинности на карелов – их обязали сдавать молоко для городских детей).

Однако это можно было осуществить только в местах компактного проживания карелов. Допустим, в Княжой Губе, где в 1921 г. находилось 47 карельских семей (из 125 хозяйств села). Да и доставить молоко в Кандалакшу не составляло труда: железная дорога выручала. А вот что касалось хуторских хозяйств, то тут дело с поставкой молока было сложнее.

И еще одно осложнение в жизни карелов пришло с середины 20-х гг.: у них изымалось нарезное оружие. Карелы спрашивали: «А как же мы будем охотиться?» А милиционеры только пожимали плечами: «Таков приказ начальства».

А вскоре пришло еще одно указание – держать в хозяйстве не более 1 коровы и не более 10 овец. Начиналась коллективизация...

Добровольное лишь на словах и на бумаге обобществление сельских и рыболовецких хозяйств не обошло карельские поселения. В деревнях были созданы колхозы (в Колвице – «Красный Север»), внедрялись новые принципы хозяйствования и быта.

Карелы, жившие в селах, пошли в колхозы более или менее дружно, так как работать артельно привыкли как в море, так и в лесу. Правда, сомнения в правильности подсказанного сверху пути оставались, и они скоро стали оправдываться.

Выловленной на промысле рыбой колхозники уже не распоряжались как своей собственностью, ее надо было сдавать государству, а ведь прибыль от продажи рыбы всегда была для карелов основным источником доходов. В колхозе же денег за свой труд они почти не получали. Количество рыбы, которую можно было выловить для себя, резко сократилось, с трудом хватало для семьи, а о продаже и речи быть не могло. Поэтому материальное положение карельских семей становилось все сложнее, хотя выручало домашнее хозяйство (коровы, овцы, олени). С оленями тоже постепенно пришлось расстаться: колхозникам было некогда ими заниматься, труд на колхоз занимал основную часть времени, и согнанные в колхозное стадо олени постепенно дичали, терялись в тайге, стали добычей лесных зверей.

Колхозы более-менее держались на плаву до войны. Война окончательно подорвала экономическую жизнь карельского села. Ушли на фронт мужчины, многие из них не вернулись домой. После войны начались разнообразные преобразования, которые окончательно добили колхозы. Чтобы спасти хозяйства от окончательного краха, их преобразовали в совхозы, правда, забыв при этом вернуть селянам их долю собственности, с которой они когда-то вступали в колхозы. Затем началось укрупнение совхозов. Но это уже не могло остановить процесс гибели деревень. Варварски вырубались леса в округе, государственный лов семги на реках свел на нет некогда богатейшее рыбное стадо.

Из карелов, вошедших в историю Мурмана 20-х гг., хотелось бы назвать хотя бы троих: колвицкого колхозника Ивана Егоровича Яковлева, отмеченного правительственными наградами; имандровского колониста Килеваева, чье имя увековечено на карте (мыс Килеваев), и Василия Георгиевича Фомина (1899 г. рождения), директора Кандалакшского лесозавода.

В суровые тридцатые

Если в 20-е гг. кольские карелы жили еще по старинке – по хуторам или дальним деревням, по старым законам и христианским заповедям: «не укради», «не прелюбодействуй», «чти отца своего и мать свою», то к началу 30-х гг. положение изменилось. При этом во всех частях Мурманского края: и на побережье, и по берегам Туломы и Колы, и в селах вокруг Кандалакши.

Во-первых, началась массовая, а потом и сплошная коллективизация. Начальство считало, что время единоличников кончилось, что хутора пора ликвидировать, коров и овец сдать в общее стадо, а самим карелам – работать в колхозах.

Не согласны были карелы (особенно состоятельные) с этим, но выхода нет, если отбирают покосы, выгоны, усадебную землю. Запретили карелам ловить рыбу в близлежащих речках и озерах – все это стало общее, колхозное.

Во-вторых, в стране и на Кольском полуострове развернулось огромное индустриальное строительство. Вслед за Хибинами началось освоение Монче-тундры, Кандалакшского района, территории, прилегающей к Мурманску. Все более интенсивно вырубались леса: древесина была основным строительным материалом, на дровах держалось все коммунальное отопление. И тут карелы были незаменимы и как лесорубы, и как сплавщики, а потом как плотники и строители.

И вот размышляя, как дальше жить, куда пойти, многие карелы выбирали город: они переселялись в Хибиногорск, Мончегорск, Кандалакшу, Мурманск, пополняли ряды рабочего класса.

Трудности у карелов были не только с трудоустройством, но и с языком, особенно в селах вокруг Кандалакши. Когда в 1938 г. Кандалакшский район вошел в состав Мурманской области, жители Колвицы, да и других карельских деревень, оказались в сложном положении: преподавание на карельском (финском) языке в школах прекратилось, учителя-финны бесследно исчезли. Появились новые учителя, обучение стало вестись на русском языке, и многие дети поначалу совершенно не понимали своих преподавателей, так как не говорили по-русски, а те в свою очередь не могли общаться с учениками, так как не владели карельским языком.

Началось обучение и взрослого населения русскому языку. Однако многие, особенно старшего возраста, так и не могли овладеть им и поэтому в документах значились «неграмотными», хотя писали и читали на финском языке в совершенстве. Значилась неграмотной жительница Колвицы М.М. Яковлева, хотя еще до революции несколько лет прожила у своего дяди в Гельсингфорсе, где училась на финском языке. Но о таких подробностях в биографии и родственных связях старались в 30-е гг. помалкивать. И хотя многие жители Колвицы имели родственников в Финляндии (деревня, откуда переселились в конце века карелы в Колвицу, находилась где-то на границе с Финляндией), об этом все старались забыть, и потому эти родственные связи были утрачены.

Оксана Заика писала в своем краеведческом сочинении: «И даже в более поздние времена, в семидесятые-восьмидесятые годы, разговаривать на эту тему моя прабабушка не любила, настолько был жив в памяти страх, навеянный событиями конца тридцатых годов, когда из деревни бесследно

исчезли несколько семей, которые провинились перед сталинским режимом "связью с заграницей".

А отношения с языком в нашей семье сложились оригинально: прабабушка и прадедушка с трудом говорили на русском, бабушка и дедушка учились русскому языку, уже будучи в школе, но до сих пор свободно говорят на карельском языке, а вот мама уже не владеет языком, хотя в паспорте у нее записано, что она "карелка по национальности"».

Несправедливость, произвол и притеснения по отношению к значительной, наиболее трудовой части карельского населения в период коллективизации, безалаберщина, бесхозяйственность и безответственность в колхозах, нехватка товаров и высокие налоги, игнорирование карельского языка и народных обычаев, преследование религии и церкви – вот главные причины недовольства кольских карелов в тридцатые годы. К тому же недовольство политикой правительства и партии большевиков, заставившей карелов менять образ жизни, нарастало. И обычно молчаливые и сдержанные на язык карелы нет-нет да и (особенно после собраний либо получки да одного-двух стаканов водки) возмущались, высказывали вслух крамольные речи.

Ну а тут находились «бдительные соседи», которые и «закладывали говорунов» НКВД. Аресты особенно усилились после 1934 г., после убийства С.М. Кирова. Забирали поодиночке и группами. Вот имена четверых братьев-карелов, расстрелянных в сентябре 1937 г. и захороненных на Левашовской пустоши под Санкт-Петербургом:

Каргуев Степан Тимофеевич, 1886 г. рождения, беспартийный, колхозник, проживал в Эйна-Губе Полярного района;

Каргуев Иван Тимофеевич, 1887 г. рождения, колхозник артели «Новая жизнь» Терского района;

Каргуев Михаил Тимофеевич, 1897 г. рождения, беспартийный, бедняк, а потом член колхоза «Рая Каластая»;

Каргуев Кузьма Тимофеевич, 1903 г. рождения, беспартийный колхозник из Эйна-Губы.

Это семейное карельское дело меня заинтересовало, и я попросил архивистов (спасибо Сергею Ивановичу Полякову) познакомить меня с первичными документами. И вот что я выяснил.

Во-первых, кроме четверых вышеперечисленных карелов в августе 1937 г. были арестованы еще двое: сын старшего из братьев (Степана Тимофеевича) Петр и их сосед (тоже карел) С.А. Васильев.

Во-вторых, всем предъявлялись одинаковые обвинения: шпионаж в пользу Финляндии, контрабанда, контрреволюционная агитация против Советской власти и колхозов, клевета на вождей СССР. Им вменялись в вину также дружба с кулаками Карлом и Гансом Пипола, нелегальный переход границы (еще в 20-е гг.), а также то, что карелы в знак протеста против выселения своих земляков вывешивали на своих домах белые флаги.

Система НКВД (неприглядную роль тут сыграло и начальство 35-го морского пограничного отряда, первоначально возбудившее это дело) жестоко расправилась с этой группой карелов. В живых остался лишь Петр Степанович Каргуев (ему в момент ареста было 20 лет), он отбыл от звонка до звонка 10-летний срок в Устьвымлаге (рубил лес), затем жил и работал в Окуловском районе Новгородской области. Неизвестна судьба остальных детей братьев Каргуевых: у Ивана Тимофеевича было трое (Отто, Анна и Эйнари), у Михаила Тимофеевича и его жены Сульви – четверо (в 1937 г. Ирье было 7 лет, Рейно – 5, Анье – 4 и Хилье – семь месяцев), у Кузьмы Тимофеевича – двое сыновей (Сванте – 8 лет, Суло – 1 год).

Когда в 1957 г. карелов реабилитировали и разослали по адресным бюро письма с просьбой сообщить местонахождение их детей, ответы были стереотипны: «По прописке не числятся». Но я думаю, что некоторые из них еще живы и, вполне возможно, откликнутся на этот материал о карелах.

...Если карелы Западного Мурмана чаще всего репрессировались по обвинению в связях с финнами или норвежцами, то карелы центральной части полуострова и Восточного Мурмана фигурировали и в других процессах. Так, в 1938 г. несколько карелов проходили по громкому делу под тенденциозным названием «Саамский заговор».

Многие карелы были арестованы якобы за вредительство: случился лесной пожар – виноват карел-лесничий, произошла авария на мотоботе – судили карела-капитана.

Десятки карелов были репрессированы за связь с заграницей. Если были родственники в Финляндии или когда-то (в период интервенции) знался с англичанами (так было со Степаном Васильевым), то сразу попадал в разряд потенциальных врагов народа и шпионов.

Ряд арестованных карелов обвинили в связи с так называемым «Карельским центром», во главе которого якобы стояли Э.А. Гюллинг и Г.А. Ровио, тогдашние руководители (уже арестованные) Карельской АССР. 30 марта 1938 г. органами НКВД был арестован житель Княжой Губы И.П. Федотов. Он обвинялся в принадлежности к контрреволюционной шпионско-повстанческой организации, шпионаже и связях с агентами финской разведки, вредительстве в колхозе «Коммунар», где ранее работал председателем, и антисоветской агитации. 2 апреля Кандалакшский райком партии исключил его из рядов ВКП(б) как «врага народа».

После полуторагодичного содержания в следственном изоляторе постановлением особого совещания при НКВД СССР И.П. Федотову была определена мера наказания – 8 лет заключения в исправительно-трудовом лагере. Он умер там 21 ноября 1941 г.

1 июня 1938 г. был арестован еще один карел – Виктор Иванович Терентьев. 23-летний парень работал киномехаником в становище Восточная Лица Териберского района. Арестовали его на морском вокзале Мурман-

ска и с ходу предъявили обвинение: «Шпионаж в пользу Финляндии» (статья 58, пункт 6). В документах дела 50902-38 говорилось, что Терентьев передавал в Финляндию сведения о количестве кораблей в Баренцевом море, об охране госграницы, о строительстве береговых батарей на Трех островах. Ни в чем не виновного карела расстреляли, имущество конфисковали.

Были среди репрессированных карелов и женщины. Как недавно выяснилось, одна из них – Агуева Елена Кузьминична, 1884 г. рождения (родилась в Ухтинском районе Карелии), единоличница из Рестикента, была расстреляна в Ленинграде и похоронена в братской могиле в Левашово.

Были карелы и среди депортированных с Кольского полуострова в предвоенные годы. Часть их была выслана в Сибирь, другая – в Карелию. Вот только небольшой список высланных в 1940 г.: Архипов Тимофей Тимофеевич и Лежев Яков Дмитриевич (из Западной Лицы), сестры Васильевы – Анна и Тамара (из Титовки), большая семья Архиповых из Озерков: 75-летний дед Тимофей Федорович, бабка Мария Петровна и куча внуков (7-летний Антон, 5-летний Армас, 3-летний Архип и годовалый Вилго).

Многие выселяемые карелки носили финские фамилии (когда-то вышли замуж за финнов): Кауланен Мария Васильевна, Копонен Кристина Ионовна, Лесонен Мария Афанасьевна, Халонен Елена Тимофеевна (из Эйна-Губы), Матикайнен Анна Семеновна (из Ретинского), Рясенен Анастасия Васильевна (из Чалм-Пушки).

Пожалуй, не было ни одного более или менее крупного населенного пункта на Кольском полуострове, откуда бы ни выселяли карелов: из Белокаменки – печника Ивана Ивановича Микконена и разнорабочую Марию Васильевну Корнееву; из Западной Лицы – Архиповых Изосима Федоровича и Марию Семеновну; из Большого Озерка – Каневу Евдокию Семеновну, из Кировска – семью Пеллинеков (хозяин Мартын Данилович, хозяйка Ольга Михайловна и трое детей), из Княжой Губы – мать и дочь Иокела – Анну Борисовну и Екатерину Алмаровну. И этот список можно продолжать до бесконечности.

В общем, это лихолетье нанесло карельской общине Мурмана такой удар, последствия которого чувствуются до сих пор.

В войну и после нее

Несмотря на прошлые обиды, забыв притеснения властей и произвол НКВД, кольские карелы вместе с русскими, украинцами, белорусами и другими народами СССР грудью встали на защиту своей Отчизны в период Второй мировой войны.

Значительная масса карельских призывников направлялась на пополнение 14-й, а потом и 19-й армий Карельского фронта. Ими укомплектовывались лыжные бригады и разведывательные подразделения, так как они хорошо знали родные места, могли воевать в лесисто-болотистой ме-

стности, выжить в условиях суровой зимы и долгой полярной ночи. Многие из них стали умелыми солдатами, прославив карельский народ в борьбе с захватчиками.

Карелы храбро воевали на всех сухопутных фронтах, но особенно много их было на «своем» Карельском фронте. Они были незаменимы (из-за знания финского языка) и в партизанских отрядах. Так пришли в отряд А.С. Смирнова партизан Гражданской войны Павел Корнеевич Кяльмин и годившийся ему в сыновья Осмо Павлович Бородкин. Первому карелу было 52 года, а второму 30 лет. Карелы защищали Мурманск и Кандалакшу, воевали в составе диверсионных групп и на кораблях Северного военно-морского флота.

В 50–60-е гг. я хорошо знал одного из героев той войны, карела по национальности, Федотова Георгия Михайловича. Он был тогда редактором «Мончегорского рабочего» и преподал мне первые уроки журналистской профессии (я работал в редакции радиовещания). Но главное, что мне сразу понравилось в «карельском» характере Георгия Михайловича, – это стремление к истине, отрицание демагогии, борьба за справедливость, упрямство в отстаивании своих взглядов. Такими, на мой взгляд, являются большинство карелов-мужчин.

А что касается женской половины кольских карелов, то это, как правило, прекрасные хозяйки, любящие жены, заботливые матери. В молодости карелки – сплошь белолицые, кровь с молоком, белокурые, коса до пояса, озорные и быстрые. В зрелом возрасте «женки» рассудительные и запасливые, осмотрительные и внимательные. Конечно, ассимиляция коснулась и карельской общины. Нередки браки карелов с представителями саамской народности, женились карелы и на коми-девушках, а карелки часто выходили и выходят замуж за русских и украинцев. Но несмотря на различие языков, традиций и обычаев, жили и живут дружно. Вот что писал о своем селе учитель истории, автор книги «Княжая Губа» Николай Петрович Береснев: «Живут в Княжой Губе русские, карелы, финны и удмурты. Всех их роднят простота и доброжелательность, аккуратность и трудолюбие, спокойная уверенность в своих силах и живая, добрая заинтересованность во всем – касается ли это выполнения плана рыбодобычи или заготовки дров для семей погибших и инвалидов войны, ремонта фермы или концерта самодеятельности»...

По переписи 1989 г., в Мурманской области было учтено 3 505 карелов, в т.ч. 556 – в Мурманске. Несмотря на снижение рождаемости и усиление миграционных процессов, число карелов в Заполярье оставалось стабильным. По числу жителей они занимали шестое место (после русских, украинцев, белорусов, татар и мордвы).

Как сложилась судьба других карельских селений, можно проследить на примере Колвицы, которой в 1992 г. исполнилось 100 лет.

К сожалению, постоянных жителей в селе осталось меньше 20 человек. Все карелы, составлявшие в свое время основное население поморского села, разъехались кто куда. В брежневские времена село было объявлено неперспективным, было ликвидировано отделение совхоза «Кандалакшский», закрылись почта и магазин, прекратили работу детсад-ясли и школа. Карелы, лишившись работы и средств существования, стали покидать родную деревню.

Моя студентка Оксана Заика в краеведческом сочинении писала: «Так оказались в Мурманске мои бабушка и дедушка. Некогда большая и зажиточная карельская деревня превратилась в заурядный дачный поселок. Вместо капитальных, обстоятельных, просторных деревянных рубленых домов с амбарами и хлевами появились легкомысленные дачки, и потерялся традиционный лик деревни, где все гармонично сочеталось между собой: постройки, зелень леса и лугов, строгость колвицких тундр, защищающих деревню от северного ветра, светлая и чистая вода реки Колвицы и Колвицкого залива. Но я верю, что Колвица жива и будет жить, пока живут память и тоска по ней у ее бывших и нынешних жителей, пока история и настоящее этой "маленькой родины" не безразличны нам, тем, кто родом оттуда».

Вот на такой оптимистичной ноте можно и закончить очерк о кольских карелах.

Финны на Мурмане

В феврале 1989 г. на заседании бюро Мурманского обкома КПСС была восстановлена в партии большая группа партийных, советских и хозяйственных работников, которые в 30-е гг. были исключены из партии и репрессированы якобы как активные участники контрреволюционной финской националистической шпионско-повстанческой организации. Ранее они были реабилитированы судебными органами.

Среди восстановленных в рядах КПСС парторг Урагубской парторганизации и культработник колхоза «Тармо» А.М. Куусела, инструкторы Полярного райкома ВКП(б) Л.Р. Сивен и Ф.И. Суннари, председатель Пяйве-Ярвинского сельсовета Кольского района Ф.Г. Мурзу, заведующий Полярным районо В.И. Суннари, начальник запорного хозяйства треста «Мурманрыба» Я.И. Петерсон, председатель колхоза «Тармо» Э.М. Ряйсенен, капитан мотобота этого же колхоза А.К. Стольд, заведующий иностранным отделением «Книгоцентра» А.А. Римпеля и др.

О том, как создавалась на Мурмане финская община, как она жила, о репрессиях против финнов в 30-е гг., подробно рассказывается в публикуемом ниже материале.

Являясь окраиной царской России, Кольский полуостров веками был глухим и малонаселенным краем. И архангельские губернаторы, которым подчинялся Мурман, и правительственные чиновники в Петербурге ясно видели, что нужно предпринимать какие-то административно-правовые меры для заселения богатого рыбой и лесом, но бедного людьми русского Севера.

В 1860 г. царское правительство официально разрешило заселение Мурманского берега не только русским, но и иностранцам. Именно тогда, в 60-е гг. XIX в., возникли такие населенные пункты, как Вайда-Губа, Земляная, Ура-Губа и Червяная, где в 1867 г. проживали 114 финнов и 61 норвежец.

Но только после 1868 г., когда русский царь Александр II, которого одни звали «освободителем», а другие – «вешателем», подписал Положение о льготах колонистам Мурмана, заселение края пошло быстрее. Усилился и поток финнов из Северной Финляндии, которая, как известно, входила тогда в состав Российской империи. Финны селились на отведенных им местах на побережье Баренцева моря, по берегам Кольского залива, вдоль Туломы.

Новый поток финнов двинулся в Карело-Мурманский край в годы Первой мировой войны. Поскольку условия жизни в Финляндии ухудшались, а в царскую армию финнов не брали, то многие из них завербовались на строительство Мурманской железной дороги.

Кроме финнов, переселившихся из княжества Финляндского, на Мурмане были также американские и канадские финны, приехавшие в

Россию сразу после Октябрьской революции. Одни из них основали коммуну в Кандалакшской волости, организовали лов и переработку беломорской сельди, другие создали несколько артелей лесорубов.

Существовал еще один канал миграции финнов в том веке. Это беженцы из маннергеймовской Финляндии после поражения там в 1918 г. социалистической революции. Правда, после заключения Юрьевского (Дерптского) мирного договора часть финнов реэвакуировалась, но некоторые все же осели на Кольском полуострове.

По данным первой Всесоюзной переписи населения, в 1926 г. финны проживали более чем в 50 местах Кольского полуострова, причем стопроцентным финское население было в Сайда-Губе, на Торос-Острове, в Грязной Губе, Росляково, Тюва-Губе, Ара-Губе, Порт-Владимире. Всего тогда в Мурманской губернии насчитывалось 1 697 финнов, что составляло 7,4% от общего состава населения Кольского полуострова (финнов было столько же, сколько и саамов).

Жизнь финнов Мурмана в первые годы Советской власти шла, как и по всей стране, на рельсах нэпа. Часть финнов объединилась в коммуны и кооперативы, другая продолжала трудиться по-старому. До конца 20-х гг. существовала животноводческая артель «Пуна-Карьякко» в Грязной Губе и «Мелиоратор» в Ваенге. Были кооперативные объединения на Туломе и Рыбачьем.

Судя по статье в газете «Полярная правда», в августе 1929 г. в Александровском районе было 14 рыбацких и 4 молочные артели. Районная парторганизация насчитывала 140 членов ВКП(б), половина из них вступила в партию до 1921–1922 гг.

Первый ощутимый удар (и экономический, и моральный) финскому населению Мурмана был нанесен в годы коллективизации. Если до этого финны Кольско-Лопарского района жили хуторами, на расстоянии 1,5–2 км друг от друга, занимаясь животноводством и немного земледелием (в основном разведением картофеля и кормовых культур), то теперь им было предложено переселяться в крупные колхозные поселки. Сразу же сократилось поголовье скота, снизилась его продуктивность, были заброшены многие луговые участки вдоль Туломы. Часть финнов стала уходить в города или леспромхозы.

Не прошло без ошибок и обобществление рыболовецких хозяйств на Западном Мурмане, в Александровском (а с 1931 г. – Полярном) районе. Нарушались принципы добровольности при создании колхозов и материальной заинтересованности людей, не отрегулированы были формы оплаты труда рыбаков.

Второй удар по финской общине был нанесен с другой стороны: на Севере стал создаваться мощный военный флот, который становился хозяином моря и которому требовались базы на побережье. Все началось с указаний И.В. Сталина, который в сопровождении К.Е. Ворошилова и

С.М. Кирова 22 июля 1933 г. на буксире «Буревестник» осмотрел бухты Кольского залива.

«Пусть тут будет главная база военно-морской флотилии» – и жест в сторону Екатерининской бухты решил судьбу Полярного. Все районные организации, Мурманская биологическая станция и значительная часть населения должны были эвакуироваться и освободить помещения для военных.

«Здесь можно расположить авиацию флота» – и судьба Ваенги и Грязной Губы тоже стала иной. Колхозы ликвидировались, а финны переселялись.

«Береговая артиллерия должна быть выдвинута вперед» – и в Торос-Острове и на Кильдине началась перетряска финнов и норвежцев: их поделили на «чистых и нечистых» (первым пока доверяли, вторым предлагали покинуть острова).

Дальше – больше: флотилия росла и требовала новых баз как на Восточном, так и на Западном Мурмане.

А в наших книгах и газетах расписывалась «радостная и счастливая» жизнь финнов на Мурмане. В начале 1935 г. окружная газета писала: «Крепнут заполярные рыбацкие колхозы. Растет не только заработок колхозников, но и их культурный уровень. В колхозах организуются драмкружки, на ботах появляется радио...»

В таком же духе писала районная газета «Полярный коллективист», выходящая на финском языке. Лейтмотивом ее публикаций можно считать цитату: «Финны уверенно идут к зажиточной жизни, выполняя мудрые указания нашего великого вождя тов. Сталина».

На самом деле положение финнов, проживающих в Мурманском округе, не было таким счастливым. Проявлялось недовольство финнов насильственными мерами в период коллективизации, притеснениями-ограничениями со стороны военных властей после создания Северной военно-морской флотилии. Были и случаи проявления великодержавного шовинизма – неуважительного отношения к обычаям и традициям финнов со стороны местного русского руководства.

Несмотря на то что Полярный район был коллективизирован к 1935 г. на 93%, дела все же шли неважно: план по рыбодобыче не выполнялся, строительство задерживалось, число финских школ сокращалось (их осталось только 4). Многие хорошие решения – о создании плавучей культбазы, о развитии животноводства, о сооружении новых домов – так и остались на бумаге. Даже решения Мурманского окрисполкома о сооружении поселка в Титовке, о благоустройстве и культурном обслуживании Вайда-Губы реализовывались медленно и не полностью.

Представитель Полярного района, выступая на VI окружной партконференции ВКП(б), говорил: «Рыбаки зарабатывают много, а ходят без брюк, без сапог, совершенно ободрались... Совестно смотреть... Но зато водки к 1 Мая навезли – на полгода».

Наказы, которые давали финны на каждых выборах в Советы, не выполнялись и наполовину. Если раньше председатели райисполкома чаще всего были финны (Л.Р. Сивен, И.И. Луома, И.И. Салло, Э.Э. Лахденперя), то с 1937 г. – преимущественно русские. Если раньше вся документация велась на финском языке, то со 2-й половины 30-х гг. перешли на один язык – русский.

Все эти недостатки можно было устранить неторопливой, продуманной и строго взвешенной национальной политикой. Однако вместо этого последовали репрессии на наиболее активную часть финской общины и выселение остальной части финнов.

Одним из обвинений в адрес финнов в 30-х гг. было наличие связи с заграницей (в архивных документах фигурирует такой аргумент: «20 процентов финских коммунистов связано с заграницей»).

Как же обстояло на самом деле? Прежде всего следует сказать, что советско-финская граница в 30-е гг. была слабо оборудована, и пройти ее то ли с нашей стороны, то ли с финской не представляло особой трудности. Ее переходили и олени, и дикие звери. И, конечно, люди. Но для них главным побудительным фактором был не шпионаж (хотя его существование отрицать нельзя), а контрабанда. В Финляндии можно было купить многие товары, которых не было на Мурмане: хорошую обувь и одежду, предметы домашнего обихода, некоторые продукты (кофе, фрукты и т.д.). В России можно было довольно дешево приобрести водку, семгу, красную и черную икру.

Но обвинение части финнов в контрабанде было не всегда доказанным и даже иногда надуманным, и потому вскоре многих стали обвинять в более «солидных» грехах – шпионаже и заговоре против Советского государства.

Первый «поход» против финнов, их преследования и гонения начались в 1935 г. Это было тесно связано с начавшейся проверкой и обменом партийных документов и коснулось в основном руководящих кадров в финской общине.

При проверке партдокументов в колхозе «Похьян-Тахти» тогда были исключены из ВКП(б) 9 человек, в том числе К.И. Ряйсенен (только за то, что когда-то состоял в социал-демократической партии Финляндии), К.И. Ниеминен (якобы за переход границы), П.К. Карпов (якобы за то, что служил у белых) и т.д.

На партсобрании 11 октября 1935 г. в колхозе «Тайсто» исключили из ВКП(б) Ф.Ф. Ольсона (подозрение в шпионаже), Р.Э. Кинусена (как классового врага), В. Мартикайнена (был членом финской социал-демократической партии).

Через два дня в Ура-Губе был поставлен вопрос о пребывании в партии Л.Р. Сивена, А.И. Табелла и Э.И. Стольд, члена ВКП(б) с 1920 г.

Вместо создания нормальных условий (улучшение снабжения, строительство, поступление новых рыболовных судов, уважение национального достоинства) финнам все чаще и чаще стали предъявляться политические обвинения. Они увязывались с хозяйственными упущениями и моральным обликом того или иного человека. Так, когда была выдвинута версия о врагах народа, засевших в вайдагубском колхозе «Вперед», появился акт, где говорилось, что по вине Ф.А. Колехмайнена (председатель правления), В.И. Кивеля (председатель ревизионной комиссии), М.М. Мякки (парторг), А.И. Хярконена (капитан мотобота) совершено много аварий на почве пьянства, а колхозу причинен огромный материальный ущерб.

В 1936 г. репрессии против финнов, в первую очередь коммунистов, усилились. Так, в Полярном районе были арестованы парторги М.А. Алхольм (Ура-Губа), Н.В. Густавсон (Белокаменка), А.М. Кейпанен (Озерко), М.М. Мякки (Вайда-Губа), О.А. Ранта (Грязная Губа). Аналогичное положение было и в Кольском районе, где финны возглавляли две парторганизации: в колхозе «Тулома» – Э.Э. Саарман и в артели «Ниванкюля» – М.К. Ваккер.

Скапливались тучи еще над двумя парторгами в Полярном районе – Л.М. Биргетом и Н.В. Густавсоном, двумя инструкторами райкома партии – Ф.И. Суннари и Э.Э. Хейккиненом и заведующим районо В.И. Суннари, младшим братом Франца Ивановича.

То же самое происходило и в Кольском районе. Еще в феврале 1937 г. Ф.Г. Мурзу (герой Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени) просил отпустить его из Кольского района, а 31 августа того же печально знаменитого года его и И.И. Салло исключили из партии.

Заговор финских националистов был выдуман, прямо-таки высосан из пальца. Он ответвлялся якобы от контрреволюционной группы «правых» во главе с первым секретарем Мурманского окружкома партии А.И. Абрамовым. Главным связным мог быть только Э.Г. Лютер, секретарь Полярного райкома партии. А уже через него выходили, мол, связи «правых» на финнов. Самым непонятным в этой схеме «заговора» было то, что ни Абрам Израилевич Абрамов, ни Эрнст Генрихович Лютер не были финнами (первый – еврей, второй – латыш).

Итак, первым из руководителей районного звена был репрессирован Эрнст Генрихович Лютер, 1893 г. рождения, как мы уже сказали, латыш по национальности, член большевистской партии с дореволюционным стажем (по одним данным, он вступил в РСДРП(б) в 1912 г., по другим – в 1913 г.).

Несмотря на 2-классное образование, Э.Г. Лютер показал себя в Полярном районе (он работал здесь с марта 1935 г.) способным и авторитетным руководителем. Он часто бывал в становищах побережья, в рыболовецких колхозах, поддерживал нужные контакты с председателями финских колхозов, с секретарями парторганизаций. Но все это потом стали расценивать как «вражеские происки».

Сначала его освободили от работы и вывели из состава окружкома ВКП(б), а 5 августа 1937 г. вместе с новым первым секретарем окружкома партии А.П. Сорокиным исключили из ВКП(б) и тут же арестовали.

Чуть-чуть позже, но в том же 1937 г., была арестована Мария Михайловна Илле, второй секретарь Полярного райкома партии. Мария Михайловна родилась в 1901 г., с 13 лет прислуживала в богатых домах. А в годы первой пятилетки вступила в партию большевиков. Обвинена она была, как и большинство финнов, в контрреволюционной пропаганде и тесной связи с врагами народа.

«Третьим человеком» в Полярном районе в 1937 г. был Эйнер Эрихович Лахденперя. Он родился на Западном Мурмане, в Ура-Губе, в 1898 г. С малых лет вместе с отцом и старшими членами семьи рыбачил. В 1928 г. его послали учиться в Ленинградскую партшколу. Вернувшись из Ленинграда, был инструктором райкома партии, с апреля 1935 г. – секретарем райкома комсомола, затем перешел на советскую работу – председателем райисполкома.

Один из руководителей молодой Северной флотилии и член бюро Мурманского окружкома ВКП(б) П.П. Байрачный так отзывался о Э.Э. Лахденперя: «Пользуется чрезвычайно большим и заслуженным авторитетом в районе не только со стороны финской части населения. Он молодой, растущий работник, который может учиться на практической работе».

В сентябре 1937 г. на собрании Мурманского партактива новый секретарь окружкома ВКП(б) Е.Г. Бабаченко заявил во всеуслышание, что Лахденперя – создатель и вдохновитель «финской контрреволюционной организации». Этой обиды и оскорбления гордый финн вынести не мог и тут же покончил жизнь самоубийством.

Разгром «финской контрреволюционной организации» продолжался и даже усиливался. На собрании партактива в Мурманске в сентябре 1937 г. утверждалось, что каждый пятый коммунист Полярного района имел связь с заграницей, что из 11 коммунистов, работавших в сельских и поселковых Советах, 6 связаны с зарубежьем. Приводились цифры и иного плана: 6% состава парторганизации Полярного района ранее состояли в социал-демократических партиях Финляндии, Германии, Америки; девять партийных руководителей района считались перебежчиками с Запада.

А с социал-демократами коммунисты были не в ладах – отсюда и шла политика «очищения» парторганизаций. В 1937 г. в Белокаменке в парторганизации осталось 14 человек, а число исключенных составило 24. В Ура-Губе исключили из партии, а в дальнейшем репрессировали 41 человека, в ячейке осталось лишь 17.

Среди исключенных были председатели колхозов «Тармо» – Эйно Ряйсенен, Озерковского – А.М. Компайнен, Вайда-Губского – Ф.А. Колехмайнен. Еще 4 апреля 1937 г. бюро окружкома партии исключило члена ВКП(б) с 1918 г., в свое время председателя райисполкома и колхоза, до

этого инструктора Полярного райкома партии Л.Р. Сивена (в момент исключения он работал рядовым плотником). Его обвинили «в связи с англо-французскими интервентами в годы Гражданской войны».

Партийная организация Полярного района за один 1936 г. уменьшилась на 34% (ни в одном другом районе такого не было). Прекратила рост комсомольская организация финского района.

В общем, к осени 1937 г. счет репрессированных финнов стал вестись не на единицы, а на десятки. На ноябрьском пленуме Мурманского окружного комитета ВКП(б) в 1937 г. говорилось еще о 30 врагах народа, арестованных в Полярном районе. Но тут речь шла, по-видимому, только о коммунистах-руководителях. А в первые недели 1938 г. был исключен из партии еще 21 человек.

За что же исключали финнов из партии, снимали с работы, сажали в тюрьмы и расстреливали? В основном якобы за антисоветскую и контрреволюционную деятельность, как врагов народа или их пособников. Так, 20 июля 1938 г. 25 финнов были приговорены к расстрелу. В обвинительном заключении говорилось: «Проживая на территории СССР, являлись агентами финской разведки. А также являлись участниками финско-националистической шпионско-повстанческой организации и занимались вредительством и антисоветской агитацией».

Репрессии продолжались и позже. 1 августа были исключены из партии и арестованы председатель сельсовета в Западной Лице И.А. Ияс, член партии с 1920 г. и председатель колхоза «Рая Каластайя» В.И. Курвинен, член ВКП(б) с 1925 г.

Борьба с так называемым национальным уклоном в Полярном районе привела к истреблению кадров. Отсюда она перекинулась в Кольский район, где также пострадали финны, работавшие в колхозах «Восмус», «Юркино», «Ниванкюля», «Лотта». Тогда же был арестован председатель колхоза «Пробуждение» И.И. Салло.

Вся эта охота за «врагами народа» не могла не сказаться на экономических показателях рыболовецких и сельскохозяйственных колхозов, которые значительно ухудшились. Если до массовых репрессий во главе колхозов, как правило, стояли опытные и уважаемые люди, то в 1937 г. и тут положение изменилось. Среди председателей рыболовецких хозяйств Полярного района остался только один коммунист – В.Ф. Маколин – в колхозе «Тармо».

Главная беда финского района заключалась в том, что нарушения законности вошли в систему. И это стало не только прерогативой правоохранительных и карательных органов, но и самих местных властей. Сельские советы стали злоупотреблять денежными начетами: нарушил паспортный режим – штраф, не посещал занятия по ликбезу – опять незаконно штраф. В ряде селений председатели Советов и председатели колхозов производили обыски и даже аресты без санкций прокурора.

...Проблемы существования и исчезновения финской общины на Мурмане не так просты, как на первый взгляд кажутся. Да и возникли они не в один-два года. И вот на этот счет первая загадка: в 1914 г. (на 1 января) в Териберской волости было 360 финнов, а в 1926 г. (на 19 декабря) их осталось 5. Куда они делись? Вернулись на родину в годы Первой мировой войны? Или выехали в другие районы СССР после окончания Гражданской войны и интервенции? Мы пока этого в точности не знаем...

А в середине 30-х гг. началась новая и отнюдь не только добровольная волна миграции на Западном Мурмане, которая коснулась в первую очередь финнов. И тут вторая загадка: когда и как выселялись финны Рыбачьего и становищ от Титовки до Торос-Острова и Кильдина. Никаких основополагающих документов и прямых свидетельств на этот счет у нас пока тоже нет. Но, вполне вероятно, здесь главную роль сыграло приграничное положение кольских финнов, и в сложной международной обстановке их переселяли из родных мест.

О том, что переселение финнов было и как оно велось, свидетельствуют два недавно обнаруженных документа.

Один – из государственного архива Мурманской области. Там хранится протокол заседания президиума Полярного райисполкома от 25 октября 1937 г., в повестке дня которого стоял вопрос: Заявление гражданина Торос-Островского сельсовета Тамминена Лаури Августовича. Далее в протоколе читаем: «В начале сентября месяца сего года Торос-Островский поселковый Совет известил меня и мою семью о том, что мы должны выселиться из пределов Торос-Островского поссовета, ввиду того что территория будет занята военным ведомством».

Далее Л.А. Тамминен объяснял: «Ввиду того что наше имущество не оценено и ничем не оформлено, мы, конечно, до настоящего времени не могли выселиться...».

А вот как объяснял на заседании райисполкома ситуацию председатель поселкового (до того сельского) Совета: «Тамминен жил единоличником, нигде не работал в период переселения живущих граждан с Торос-Острова на Абрам-мыс... Все хозяйственники отказались от переселения его и затрачивания на него каких-либо средств...».

Как в конце концов выселили Л А. Тамминена и его семью, нам неизвестно, но что выселили – вне сомнений...

Второй документ – из фондов партийного архива. 26 июня 1940 г. бюро Мурманского обкома ВКП(б) приняло постановление о переселении семей инонациональностей (такой термин использовался в то время) с Кольского полуострова в Карелию и Алтайский край. К иностранцам, по-видимому, отнесли немцев, шведов, венгров, представителей других народов, в том числе и финнов с норвежцами.

Так или иначе, но бесчисленные переселения и перемещения, массовые репрессии не могли способствовать укреплению финской общины.

Аресты многих авторитетных руководителей, обвинение их во враждебных действиях еще более усилили нервозную обстановку. Выселение членов семей «изменников Родины» затронуло почти все финские колхозы, которые теряли лучших работников и становились все убыточнее. Финская община, существовавшая с середины XIX в., фактически распалась.

...Прошли годы. Пришло время ликвидировать «белые пятна» в истории. Одним из таких пятен и является история кольских финнов. Надо отдать должное, что большинство выживших и оставшихся на Кольской земле финнов не затаило зла на Советскую власть, не держат камня за пазухой.

Некоторые из них в Отечественную войну были переводчиками, их забрасывали во вражеские тылы. Ныне финны приветствуют тот очистительный процесс, который переживает наше общество.

По переписи населения 1979 г., в пределах Мурманской области проживало 710 финнов. Сколько их сейчас – мы узнаем позже, когда будут обработаны материалы последних переписей. К сожалению, остались в безвозвратном прошлом, как наличие национального района, так и существование чисто финских сельсоветов и колхозов. А потому многое из истории финнов забыто.

Норвежцы на Мурмане

После опубликования статьи «Финны на Мурмане» («Полярная правда», 11 и 12 марта 1989 г.) пришло несколько писем с просьбой рассказать о существовавших раньше тесных связях между русскими и норвежцами. Об этом же просили и норвежские туристы, с которыми автору приходилось в последнее время встречаться. Кстати говоря, в Норвегии эта тема давно разрабатывается, и мы в этой публикации используем ряд фактов из любезно переданных в наше распоряжение статей Ула Сэтера, Инге Торхауга и супругов Торсен.

Нам кажется, данная проблема интересна еще по нескольким соображениям. Во-первых, межнациональные отношения, которые сейчас находятся в центре внимания нашей общественности, не только имеют, так сказать, внутриполитическое значение, но и несут международную окраску. Ведь нет на земле ни одной нации, проживающей компактно в рамках одного государства. Войны, революции, поиски спасения от голода и болезней разбрасывали народы по всему миру в течение многих веков. Так русские очутились не только в Западной Европе и на Аляске, но и в Австралии, и в Латинской Америке, и в Юго-Восточной Азии... В свою очередь в России оказались миллионы немцев, тысячи турок и курдов, сотни финнов и скандинавов. Разобрать взаимоотношения коренного населения и выходцев из других стран – важная задача социологов, этнографов и историков.

Второе соображение таково. Через несколько дней в мурманской Долине Уюта будет разбит лагерь мира. В нем станут жить и финны, и шведы, и норвежцы, и, пожалуй, представители других национальностей. Вполне возможно, среди них будут люди, интересующиеся историей взаимоотношений соседних народов Северного Калотта. И наш материал может быть в этом отношении полезен.

Наконец, надо учитывать и простую житейскую истину: живем с Норвегией рядом, а как мало, к сожалению, друг о друге знаем. К тому же не следует забывать, что и само слово «Мурман» произошло от понятия «норманн» – северный человек, видоизменяясь столетиями от «норманн» к «нурман», а затем – «Мурман». В старину Мурманом называли всю обширную территорию берега Баренцева моря от Варангер-фиорда (Варяжского залива) до мыса Святой Нос.

Контакты между коренным населением Кольского полуострова и скандинавами уходят в глубокую древность. Норвежские викинги еще в VI–VIII вв. плавали в дальние моря на больших (20 м длиной) многовесельных судах с острым килем и искусно сшитыми бортами. Эти корабли были большой грузоподъемности, хорошей маневренности, ходили не только на веслах, но и под парусами.

Первое свидетельство о нынешнем Кольском полуострове и людях, населявших его, принадлежит норвежцу Оттару (Отеру) и относится к IX в. По его описанию, страна, вдоль которой он плыл на восток, была пустынной, лишь изредка встречались небольшие селения «терфинннов» (лопарей). На торгах-ярмарках в устье Двины норвежцы в обмен на рыбу покупали пушнину, пеньку, канаты, привозимые русскими с юга.

К сожалению, помимо мирных торгов, случались и набеги на прилегающие к морю территории, особенно страдали при этом лопари Кольского полуострова.

В XIII–XIV вв., когда развернулась колонизация северо-восточных областей Скандинавского полуострова, участились вооруженные столкновения норманнов и данов с восточными соседями – лопарями, карелами и их покровителями – новгородцами. Однако, как писал в «Истории скандинавских стран» профессор А.С. Кан, «столкновения эти были куда менее ожесточенные, чем одновременные русско-шведские на Балтике, и завершились мирным договором 1326 года...».

Прошло еще пять столетий. Норвегия пережила буржуазную революцию, в 1814 г. отделилась (наконец-то!) от Дании и вступила в унию со Швецией. Торговля Норвегии и России, в основном между Финнмарком и Архангельском, приняла достаточно крупные размеры. Русские продавали в Финнмарке лес (бревна, доски, планки), свежую и соленую рыбу, покупали здесь муку, табак и так называемый «норвежский ром» (который на самом деле не был норвежским, его привозили из Англии и Германии). Как пишет Инге Торхауг, «ром был далеко не лучшего качества, а чтобы повысить его репутацию, в него добавляли испанский перец, чтобы "драло" как следует»). Поморская торговля стала не только более обширной, но и более свободной. Существовавшая до того монополия на торговлю в Финнмарке купцов Бергена и Копенгагена была отменена.

Русские в Финнмарке не только торговали, но и промышляли рыбу. Они приплывали к норвежским берегам весной (в апреле-мае) и ловили ярусами треску до осени. Кое-где на берегу были построены небольшие рыбацкие избушки.

В свою очередь представители Финнмарка часто посещали и даже постоянно находились в Коле и Архангельске, как пишут норвежские авторы, «для обучения и продажи своих товаров».

Когда в 1751 г. Норвегия установила границы со Швецией и Финляндией, районы Нявдемы, Пазреки, Печенги и Энаре продолжали оставаться совместной русско-норвежской территорией. Здесь граница была установлена только в 1825–1826 гг. В начале переговоров Россия поставила вопрос о включении в состав империи большей части Финнмарка, а представители Норвегии хотели ни больше ни меньше как заполучить всю территорию Кольского полуострова. Как справедливо писал в 1988 г. пограничный комиссар Инге Торхауг (см. сборник «Варангер-88»), «это было

нереалистично для обеих сторон, и, в конечном итоге, решили провести границу по рекам Пасвик (Паз) и Якобсельва. Участок верстой в диаметре на западном берегу реки Паз отошел к России из-за православной церкви в честь святых Бориса и Глеба. Хотя норвежская сторона предлагала разобрать ее и перенести на восточный берег, но русские были непоколебимы, они не отдали "святую Русскую землю"».

Как известно, норвежцы стали заселять север своей страны более активно с 40-х гг. XIX в., когда в Европе заканчивалась эпоха промышленного переворота и тысячи людей из Южной и Средней Норвегии двинулись не только в Америку, но и на необжитые берега Ледовитого океана. Тут они находили места, где хорошо ловилась рыба, можно было охотиться и разводить скот. Поселенцы закладывали фундаменты новых домов из диких камней и медленно – год за годом – создавали усадьбы. Приходили, приезжали, приплывали морем новые переселенцы, и так почти весь берег, миля за милей, осваивался человеческим усердием, трудом и потом.

Когда в 60-е гг. XIX в. русский царь Александр II разрешил иностранцам селиться к востоку от Варангер-фиорда, несколько десятков предприимчивых норвежцев вслед за финнами поселились на полуострове Рыбачий.

Вот что об этом сообщается в «Лоции» Н. Морозова: «Первые норвежские колонии, Вайда и Земляная, образовались подобно Уре в 1864 г.; многие из норвежцев, подобно финляндцам, были тоже очень бедный народ и достигли известного благосостояния только несокрушимой энергией и упорным трудом, не покладая рук; жили сначала в землянках, затем в избах, а теперь живут в двухэтажных домах, как, например, колонист на острове Кильдине. Но кажется, что некоторые из норвежских колонистов при самом переселении на Мурман были люди зажиточные, но умные, энергичные и трудолюбивые, хорошо понимавшие, что на родине, вследствие значительной конкуренции и общего сравнительно высокого умственного уровня соотечественников, им никогда не удастся так скоро увеличить свои средства, как на Мурмане...

Многие из норвежских колонистов говорят по-русски, чем отличаются от финнов; известны браки между норвежцами и русскими, даже с переходом в православие, но на полное слияние норвежцев с русскими надеяться нельзя, вследствие близости Норвегии, с которой колонисты поддерживают деятельные отношения. Главная заслуга норвежцев перед Мурманским краем состоит в распространении усовершенствованных способов промысла; ...благодаря их же влиянию в западной части Мурмана безобразные шняки заменяются обладающими лучшими морскими качествами елами...»

По указу и постановлениям царского правительства, принятым в период после 1867 г., колонисты Мурмана имели право на землю и пастбища, они могли ловить рыбу и охотиться, заготавливать для своих нужд лес, беспошлинно ввозить из-за границы товары (кроме спиртных напитков) и

торговать с соседней Норвегией. Норвежцам-колонистам выдавались пособие и ссуда, но при этом обязательным было условие принимать русское подданство. Величина денежной помощи выглядела так: ссуда от 50 до 150 рублей предназначалась на первоначальное обзаведение (с рассрочкой платежа на 6 лет), от 100 до 200 рублей – на покупку леса для дома или рыболовного судна. Кроме того, колонисты освобождались от платежей государственных податей, от отбывания денежных и натуральных повинностей и от платежа гербовых сборов. Переселенцы на Мурманский берег освобождались также от службы в армии, а зачислялись сразу в запас флота.

Число колонистов на Мурманском берегу быстро росло. Так, по данным Уда Сэтера, в 1872 г. здесь было 582 колониста, а в следующем – уже 800. По национальной принадлежности они делились так: финнов было 305, русских и карелов – 250, норвежцев – 245. Приблизительно такое же соотношение сохранялось и в конце XIX в. По мнению того же автора, наивысшее число норвежцев, проживавших на Кольском полуострове, составляло 800–1 000 человек.

У норвежцев сложились добрые и благожелательные отношения с коренным населением Мурманского края – с лопарями. Большинство норвежцев при совершении торговых сделок старались по-честному рассчитаться с простоватыми оленеводами, не обидеть лопарей словом или делом. Да и аборигены края поддерживали дружбу и соседские отношения: так, оленей на острове Кильдин пасли (переправляя их вплавь с материка) до 1919 г., а на территории Финнмарка саамы имели рыболовные угодья вплоть до 1924 г. (только в том году норвежское правительство выкупило права на рыболовные тони за 12 тыс. крон золотом).

Первым поселением, где появились на Рыбачьем норвежцы, была Вайда-Губа. В «Географическом словаре Кольского полуострова» прямо утверждается: «Образована в 1860-х гг. переселенцами из Норвегии». Наиболее богатым колонистом Вайда-Губы был Юэель, который скупал рыбу, имел маленький жиротопный заводик и выгодно сбывал рыбий жир в Бергене и Гамбурге. Другие поселенцы ловили рыбу, били акул и китов, держали скот, благо пастбищ и сенокосов в окрестностях хватало.

А вот что сообщал о Вайда-Губе в своей «Лоции Мурманского берега» Н. Морозов: «Становище и колония Вайда расположены в SO-м углу губы Вайды на небольшом мыске и около него близ устья ручья; дома становища с моря мало приметны. Здесь часовня, телеграфная и метеорологическая станция, паровая жиротопня и лавка, в которой можно получить провизию, колониальные товары, рыболовные принадлежности и одежду для рыбаков...

Весной в Вайде собирается до 600–700 промышленников, но постоянное население колонии по переписи 1897 г. состояло только из 63 жителей, преимущественно норвежцев, в руках которых сосредоточены торговля и промыслы становища».

В Цып-Наволоке первые норвежские колонисты появились в 1867 г. Это были приплывшие из Финнмарка Эйен, Скерхед и Кнутсен. Через 8 лет в Цып-Наволоке жили уже 30 человек. Наиболее важным и богатым колонистом был Кристиан Бергер, занимавшийся скупкой и перепродажей рыбы.

В последней четверти XIX в. Цып-Наволок считался самым большим становищем на Рыбачьем, где ежегодно собиралось во время путины до тысячи промышленников. Но затем треска в этих местах не стала ловиться, и колония стала хиреть.

...Итак, начиная с 60-х гг. прошлого века норвежцы стали селиться на русских берегах, активно занимаясь промыслами, ремеслом, торговлей. Они поддерживали постоянные контакты с родиной, обзаводились семьями, хозяйством. И хотя колонии всегда сохраняли оттенок временности (миграционные процессы в них никогда не замирали), а колонисты не имели права собственности на землю, это не мешало поселенцам обживаться, врастать корнями в скалистую почву Мурмана.

Ну а те, кто не привык или кого не устраивало новое место, двигались дальше: так норвежцы добрались до острова Кильдин, который лежит у выхода из Кольского залива в океан. По русским источникам, норвежцы появились на Кильдине в 1870 г. По данным Ула Сэтера, наиболее знаменитый кильдинский колонист Эриксен приехал сюда около 1880 г. Тогда же поселился на Кильдине Ханс Свенсен, правда, вскоре покинувший остров.

Усилиями норвежских историков, краеведов, в том числе потомков первых Эриксенов и пастора Карла Петерсена из Вардё, ныне неплохо восстановлены генеалогия этой колонистской семьи и события их жизни на Кильдине.

Что тут главное?

Юхан Петер Эриксен родился в 1842 г. в Херстаде (провинция Норланд). В 1864 г. женился на Каролине Марте Ергенсен. В 1867 г. молодая семья приехала в Вардё, но лучшие земли были уже заняты, и где-то в 1880 г. Эриксены подались на Кильдин. Тут было посвободнее с пастбищами, была хорошая рыбалка. К тому же в бухте останавливались пароходы и даже ходили слухи, что Кильдин вскоре станет центром всего Мурмана.

И вот Юхан Эриксен погрузил на большую елу все свое семейство, весь домашний скарб и отправился искать счастье на Кильдин. Получив ссуду в 300 рублей, построил дом, купил коров и быка, поставил для них скотный двор. Часть леса купил у государства, часть бревен выловил в море. Жизнь на новом месте постепенно налаживалась. Росла семья (12 детей – 5 мальчиков и 7 девочек), росло дойное стадо (в 1901 г. – 12 коров), неплохо шел промысел трески, акулы, кита, тюленя (только за 1901 г. было добыто 208 голов). Да и предпринимательство Эриксенам было не чуждо: семья торговала, сдавала суда в аренду, имела свой маленький порт.

Но в 1903 г. умер глава семьи, а через два года его жена Каролина – их похоронили на Кильдине. Хозяйство отца принял младший сын Юхан Бернхард Эриксен, остальные его четверо братьев жили неподалеку в своих домах. Что же касается дочерей первого Эриксона, то пятеро из них разъехались – кто в Норвегию, кто в Америку, а две остались на Кильдине: Луиза Эмилия вышла замуж за Ивана Миккуева, а Матильда осталась старой девой, жила в своем доме, пряла и шила для рыбаков всего острова.

Миккуевы имели 11 детей, но выжили лишь пятеро (Анастасия-Анна, Александра, Николай, Людмила и Каролина). До недавнего времени в полном здравии находилась Людмила (в замужестве Сульберг), которая и рассказала историю своей семьи.

До Первой мировой войны (1914–1918 гг.) связи «русских» норвежцев со своими сородичами в Финнмарке были более или менее постоянными. И колонисты, и поморы свободно ходили за Варангер-фиорд как ловить рыбу (к Лафотенам), так и продавать выловленную треску. В свою очередь и норвежские рыбаки в «неурожайные» на рыбу годы у Лафотенских островов плыли на Мурман и участвовали в весенней и летней путине. Один путешественник, объезжавший колонии и становища Мурмана, потом писал, что норвежская речь на западном Мурмане слышится так же часто, как и русская.

Помимо рыбных промыслов и поморской торговли, норвежцев и русских на Европейском Севере связывали также и общественно-политические моменты. Для Норвегии это было время борьбы за разрыв со Швецией, борьбы за полную политическую и международную самостоятельность. Для России – это начало массового социал-демократического и рабочего движения. Через Вардё, Кильдин, Архангельск подпольно шла социал-демократическая печать, здесь пролегал один из маршрутов проникновения в Россию ленинской «Искры». Через книготорговца Бродкорба тюки с запрещенной в России литературой попадали на курсирующий вдоль Мурмана пароход, а матросы передавали этот груз в нужном месте.

Когда после поражения первой русской революции в Вардё стала печататься газета социал-демократического направления «Мурман», ее тоже распространяли на Мурмане через норвежцев. Эриксены и Миккуевы имели к этому прямое отношение. Как рассказывала Людмила Сульберг, на Кильдине была явка большевиков, революционной деятельностью занимались проживавшие у Миккуевых ссыльные Н.А. Шевелкин и студент, фамилию которого она не запомнила (не И.И. Месяцев ли?).

Норвежские поселенцы на Рыбачьем и Кильдине жили в целом неплохо, хотя и по-разному. Самым богатым человеком в Вайда-Губе до революции был норвежец Пильфельд.

Контр-адмирал А. Сиденснер, описывая Вайда-Губу, сообщал о нем такие сведения: «Здесь уже в течение многих лет проживает с большим семейством принявший русское подданство и хорошо говорящий по-

русски норвежец Пильфельд. Он имеет богатую факторию, паровую жиротопню и считается самым состоятельным, деятельным, предприимчивым колонистом и известен по всему Мурману под названием "Вайдагубский король". Вообще благодаря некоторой развитости норвежцев и финляндцев, их всеобщей грамотности, а главное трезвости и бережливости, благосостояние колоний обращает на себя особенное внимание, и они могут служить подтверждением, что и на нашем Мурманском берегу может безбедно существовать оседлое население».

Тот же автор сообщал, что «в становище Фильманском уже в течение 25 лет проживает состоятельный колонист из норвежских выходцев, хорошо говорящий по-русски. Он имеет здесь значительную факторию и жиротопню, а также небольшой пароход, на котором он доставляет наживку на восточный берег Мурмана в обход Рыбачьего полуострова».

Что же касается острова Кильдин, то сведения о его населении в тот период несколько противоречивы. Штабс-капитан Н. Морозов в своей «Лоции Мурманского берега» сообщал: «Колония Кильдинская расположена в NO-м углу упомянутой бухточки за мысом Могильным и состоит из двух домов и землянки, в которых живет семейство норвежца-колониста, состоящее по переписи 1897 г. из 11 душ. Колонист (а это и есть Эриксен. – *А.К.*) живет зажиточно, занимается рыболовством, скотоводством, разведением лисиц, которые почти ручные, и отчасти огородничеством (репа).

Около оконечности мыса Могильного в куче торфа (все колонисты отапливались торфом, т.к. леса не было. – *А.К.*) поставлен флагшток, на котором колонисты поднимают флаг при проходе почтового парохода, если в нем имеется надобность».

Однако Людмила Сульберг утверждала, что, кроме Эриксенов, на Кильдине проживали еще несколько или, по крайней мере, двое норвежцев. Она назвала их имена: Юхан Енсен из Вардё (он женился на одной из дочерей Эриксена, на Юлии) и Карл Исоярви (он 14 лет батрачил у Эриксенов – Миккуевых).

Но эти разночтения могут объясняться двумя причинами: либо описания были сделаны в разное время, либо население, кроме старого клана Эриксенов, продолжало мигрировать. А переселения норвежцев на Мурман действительно имели место все время. Так, Юхан Эриксен с женой Агнес в 1914 г. уехали в Норвегию, их дочь Луиза-Эмилия поселилась в Териберке, где и встретилась с Иваном Миккуевым. Новая семья сначала жила на Гусиной речке (это напротив Кильдина, на материке), где Иван работал на телеграфной станции. Потом Миккуевы переселились на Кильдин, заняв дом брата Луизы-Эмилии Альберта, который уехал с женой Марией в Архангельск (правда, через год они вернулись).

Как вспоминала Людмила Сульберг (внучка первого Эриксена), у нее были один брат (Николай) и три сестры (Анастасия-Анна, Александра и Каролина). Жили они дружно, ладили не только между собой, но и с соседями

(неподалеку жили переселенцы из Вологды, а летом появлялись лопари со стадами оленей). И хотя иногда возникали разногласия из-за сенокосов, мест сбора пуха гаги или ягодных «заказников», споры никогда не доходили до крупных конфликтов.

Первая мировая война и последовавшая за ней революция изменили многое в жизни Мурманского берега. Во-первых, часть колонистов была вынуждена выехать в Норвегию: ведь вдоль побережья пиратствовали немецкие подводные лодки. Но тут следует подчеркнуть, что выезжали в первую очередь богатые фактористы и крупные торговцы, а беднякам и многодетным деваться было некуда, и они чаще всего оставались.

Во-вторых, несколько сот норвежцев, привлеченных обещанием высоких заработков, приняли участие в строительстве северного участка Мурманской железной дороги. Правда, контракт с иностранной фирмой лорда Френча был вскоре расторгнут, но это был еще один дополнительный момент сотрудничества России и Норвегии в ту пору.

Сразу после окончания военных действий на Севере, после изгнания белогвардейцев и интервентов между Мурманом и Финнмарком стали налаживаться новые связи. Они носили как экономический, так и политический характер.

...Просматриваю газеты весны 1920 г., ищу материалы, связанные с норвежцами. Оказывается, первым иностранным журналистом, посетившим только что освобожденный Мурман, был норвежец Юхан Медбю. Он побывал на Кольской земле в марте 1920 г. и дал серию очерков о советских людях. Интересно, что все это имело и чисто практические результаты. Описав мурманский госпиталь (больницу), где в тяжелом (не было лекарств) положении находилось около 500 мурманчан, Ю. Медбю призвал норвежцев помочь соседям. И эта помощь была оказана: в Финнмарке начался сбор вещей и продовольствия, предметов обихода и лекарств (именно тогда аптекарь из Тромсё Царффе внес в фонд помощи мурманчанам центнер рыбьего жира).

Забегая вперед, скажем, что Юхан Медбю оставался другом Советской страны на протяжении более полувека: он не раз приезжал в Мурманск (в 1927 г. вместе с Рудольфом Нильсеном), а в 1967 г. подарил нашему городу альбом фотокопий своих репортажей о Мурмане...

Но возвратимся к газетам весны 1920 г.

9 апреля «Известия Мурманского Совета рабочих и солдатских депутатов» сообщали, что в рабочем клубе Мурманска состоялось собрание большевиков, на котором товарищ, прибывший из Норвегии, сделал доклад о революционном движении на Западе.

14 апреля того же 1920 г. газета извещала, что в Мурманск из Вардё прибыла советская делегация с Международного съезда транспортных рабочих, который проходил в столице Норвегии – Христиании. Делегаты привезли хорошую весть: норвежцы хотят торговать с русскими.

В первые дни мая в Мурманск прибыла делегация норвежских и шведских рабочих. Цель приезда – переговоры о возможности работы в России 5 000 иностранных безработных. На большом митинге солидарности, который состоялся 3 мая, от норвежцев выступил тов. Кристенсен.

Контакты между русской и норвежской стороной продолжали шириться и в последующие годы: Мурман закупил в 1921 г. в Финнмарке мотоботы, рыболовное снаряжение (на сумму 1,1 млн рублей), было заключено торговое соглашение между Россией и Норвегией, а в 1924 г. установлены дипломатические отношения. На Севере действовали совместные концессии: лесная («Русснорвеголес») и зверобойная (бой тюленей в горле Белого моря). Продолжалась совместная научная работа океанографов по изучению северных морей.

Те норвежцы, что пережили революцию и Гражданскую войну и остались на Мурмане, начали новую жизнь: рыбачили, восстанавливали свое хозяйство, разрушенное временем и войной, растили детей и внуков. Точных сведений, сколько норвежцев осталось на Мурмане, у нас пока нет (нужно найти материалы переписи населения 1920 г.). Но вполне очевидно, их стало значительно меньше, чем до Первой мировой войны. Часть норвежцев была взята в армию (Людмила Сульберг, выехавшая в 1920 г. в Норвегию, получила письмо от брата Николая, который сообщал, что едет на войну, по-видимому, на польский фронт). Часть норвежцев выехала в период эвакуации американских, английских и иных интервенционистских войск. Да и в последующие годы отток норвежцев с Мурмана продолжался, так как морская, да и сухопутная граница между Россией и Норвегией, были фактически открыты. Ле Майре, священник из Сёр-Варангера, рассказывал своим соотечественникам, что вплоть до 1918 г. он регулярно (без всяких виз и прочих документов) посещал своего коллегу в Борисоглебе, где его щедро угощали пирогами и чаем. Ну а что касается морской границы, то тут прибыть в СССР и отбыть обратно в Норвегию было совсем не трудно (об этом можно прочитать у М.А. Андерсена-Нексе: как он по пути в Москву на IV конгресс Коминтерна – это в 1922 г. – был доставлен из Норвегии в Мурманск).

По переписи 1926 г., на Мурмане постоянно проживали 167 норвежцев, что составляло чуть больше 1% от общей численности населения. Большая часть их проживала в Александровской волости, 28 норвежцев жили в Териберской и 16 – в Кольско-Лопарской. В Териберской волости (с 1927 г. в районе) небольшая группа граждан норвежской национальности продолжала жить на острове Кильдин, а в Александровском районе – в Цып-Наволокском сельсовете. В самом Цып-Наволоке, основанном, как мы уже говорили, в 1867 г. на северо-восточном берегу полуострова Рыбачий между рекой Аникиевкой и бухтой Левышевой, норвежцы составляли 97% населения (тут проживали 20 семей, 118 человек).

В период нэпа норвежцы жили единоличными хозяйствами: промышляли треску, сельдь и палтус, били морского зверя, собирали пух гаги, охотились на зверя и птицу. История оставила нам имена немногих норвежских семей той поры. Из русских и норвежских источников известно, что на Кильдине продолжали жить Эриксены. В марте 1926 г. в Тронхейм с Кильдина пришло письмо. Карл Юхан и Анна Эриксены сообщали, что они живы и здоровы и у них трое детей: Ингрид, Эрлинг, Алвильде. Далее они рассказывали о других родственниках: Николай Эриксен вернулся из Красной Армии и женился на Розалии Аренсен из Цып-Наволока, у них двое детей; его сестра Александра вышла замуж за служащего маяка, у них четверо детей и живут они хорошо; старшая сестра Анна была замужем за И. Бергером из Цып-Наволока, их дочке 8 лет, а две девочки умерли от скарлатины в 1925 г.; младшая сестра Каролина жила тогда в Мурманске, она была помолвлена с норвежским моряком. И еще две новости сообщали «русские» норвежцы: дочь Алвильде вышла замуж за конторщика в Мурманске, а Матильда (сестра Карла) переехала к Эриксенам на попечение брата.

Когда началась коллективизация рыболовецких хозяйств на побережье Баренцева моря, старым традициям и обычаям норвежцев был нанесен серьезный удар. Пришел конец и частной торговле, и предпринимательству. В Вайда-Губе в 1930 г. возник колхоз «Вперед», в 1938 г. здесь проживали 50 человек. В Цып-Наволоке был организован колхоз «Полярная звезда» (в 1938 г. – 138 человек), на Кильдине была создана артель «Смычка».

Судя по «Географическому словарю Кольского полуострова», вышедшему в свет в 1939 г., в селении Кильдин, что лежало на южном берегу одноименного острова, тогда проживало 389 человек. Есть в этой справке три маленькие детали: первая – о том, что норвежские рыбаки в качестве постоянного населения селились тут с 1870 г.; вторая, что в 1926 г. в селении проживало 110 человек; третья, что рыболовецкий колхоз «Смычка» тут возник в 1931 г. Однако ни в этом словаре, ни в «Статистико-экономическом описании Мурманского округа» (изд. 1929 г.) нет указания, сколько же на Кильдине проживало норвежцев. Правда, в последнем источнике есть одна косвенная «зацепка». А суть ее вот в чем. В четырех колониях (Гусиный Ручей, Зарубиха, Мало-Оленье и Трещанный Ручей) Кильдинского сельсовета русских было по 100%, а на Кильдине – на самом острове – русские составляли только 86%. Можно предположить, что остальные 14% были норвежцами. Исходя из этого предположения, выходило, что по меньшей мере 3 хозяйства (15–16 человек) были норвежскими. Ну а доподлинно известно одно: тут в 30-е гг. продолжал жить род Эриксенов.

В архиве нам попался документ, относящийся к 1937 г., где кто-то из Эриксенов (инициалы не указаны) критиковал Кильдинский сельсовет «за головотяпство и вредительство». Надо было быть исключительно смелым

и мужественным человеком, чтобы осмелиться сказать такое в годы культа Сталина, в период произвола НКВД.

Мы не можем полностью судить, насколько репрессии 30-х гг. затронули проживавших в СССР норвежцев, но что они не обошли потомков колонистов, вне всякого сомнения. Первые репрессии против «националов» на побережье начались еще в начале 30-х гг. Норвежцев и финнов арестовывали за вредительство, за срыв планов по вылову рыбы, за желание иметь церковный приход, за контрабанду, за связь с заграницей.

Вот только один факт. К семье, проживавшей в становище на побережье, приехал из Норвегии брат хозяйки дома. Приехал вполне законно, оформив соответствующие документы и получив разрешение. Встреча прошла тепло и трогательно, так как не виделись много лет. Но стоило гостю уехать, как начались гонения и обвинения в шпионаже, контрабанде, национализме и прочих грехах. Да, к сожалению, было и такое. И дай бог, чтобы это никогда и нигде не повторялось.

Репрессии были разного характера, но часто заканчивались арестом главы семьи и высылкой всех остальных. Часть норвежцев в 1936 г. были выслана из становищ Западного Мурмана на Терский берег. Так, в Ловгубе оказался род Фридриксенов из Цып-Наволока. Один из потомков тех норвежцев – Георгий Эмильевич Эрштадт – вспоминал: «Я смутно помню тот год, мне было тогда пять-шесть лет. Но родные (бабушка, мать, дяди) не раз в разговорах касались этой печальной темы. Рассказывали, что подошел пароход (кажется, "Поморье"), всех выселяемых согнали на берег, с домашним скарбом, скотом, собаками. Погрузили на палубу, в трюмы и поплыли – повезли на восток. На третий, кажется, день пристали к пустынному берегу: "Выгружайтесь". Так в Терском районе возникло новое селение, новый колхоз. Его председателем стал мой дед по матери – Людвиг Фридриксен. А было у него тогда 4 сына (Гюдмен, Рогнар, Тухтен, Халтон) и 2 дочери (Мильгрид и Анни). Вот старшая из них Мильгрид и была моей матушкой».

Но на этом приключения норвежцев не кончились: в 1940 г. многие из них («из числа недовольных советской властью», как говорили тогда в НКВД) были выселены еще дальше: кто в Карелию, а кто и в более отдаленные районы.

Так судьба разбросала мурманских норвежцев по всему свету. Житель Финнмарка Кале Вара в своих воспоминаниях о днях оккупации немцами Северной Норвегии рассказывал о встрече с русским военнопленным, в жилах которого текла норвежская кровь. Звали его Иосиф, ему было 18 лет. Отец его матери, норвежский рыбак, в дореволюционные годы обосновался на Мурманском побережье, там женился, а позднее переехал на юг России.

...И все же Север манил норвежцев обратно. И те, кто остался жив, вернулись на Мурман. В Кандалакшском районе жили Анна Ивановна Бер-

гер, в Заполярном – Анна Слюсаренко (урожденная Фридриксен). Есть потомки норвежцев, якобы, и в Апатитах. В самом Мурманске живет семья недавно умершего Вильфреда Эдуардовича Эрштадта и жена Гюдема Фридриксена – Анна Яковлевна Фридриксен. Назывались в беседах и другие имена потомков довоенных норвежцев: Б.К. Эрштадт, Турэ, Рейдер, Хардар, Оуен, Магда Козлова. Но их или их наследников еще надо искать.

И в заключение мы расскажем еще о двух группах норвежцев, которые находились в Мурманской области в годы Второй мировой войны. Первая появилась в те дни, когда Гитлер в 1940 г. напал на Норвегию. Часть норвежцев, несогласных с политикой гитлеризма или страшась репрессий фашистских захватчиков, уходила через границу морем в СССР. Один из очевидцев событий той поры, норвежец Вильфред Дюбос, писал: «В сентябре сорокового года пятидесятилетний Альфред Халвари и два других шкипера, взяв на свои шхуны беженцев, ушли в Мурманск». Они, как мне в 1972 г. рассказывали в Киберге, были в СССР интернированы и жили «особой коммуной» в районе станции Апатиты.

Вот как об этих норвежцах отзывался Герой Советского Союза, подводник Г.И. Щедрин: «В Советский Союз норвежские патриоты попадали разными путями. Например, один из спутников Франца (норвежец, которого он доставлял в тыл врага на подводной лодке. – *А.К.*) вместе со многими рыбаками прибыл на Кольский залив на мотоботе, когда немцы вслед за Осло и Нарвиком начали оккупацию всей Норвегии. Другой плавал на пароходе, команда которого не захотела возвращаться из Мурманска в занятый гитлеровцами Хаммерфест».

Как писал в своей книге Ханс Эриксен, двое норвежцев – Улав Ларсен и Альфред Матисен – доставили на рыбацком катере в Мурманск известие о том, что 22 июня 1941 г. рано утром немцы нападут на СССР.

Многие из этих норвежцев чуть позднее пришли в Северный военный флот, в армейскую разведку и внесли свой вклад в дело разгрома фашизма на Севере Европы. Альфред Халвари участвовал в разведывательных и десантных операциях на полуострове Варангер, он был награжден советским орденом Красной Звезды. Храбро воевал и погиб за родину его брат Хокон. В движении сопротивления участвовали Альфред Матисен, учитель Рихард Эриксен с племянником и другие жители Киберга. 18 человек из них погибли. В книге К. Фъеортофта «Маленькая Москва» описывается их боевая деятельность и даны фотографии многих участников тех событий (Трюгве Эриксен, Отто и Улаф Ларсены, Альфред и Франц Матисены, Индольф Фриксен и др.).

А вот как о первом из этого списка разведчике пишется в книге «Мурманск – город-герой»: «В составе нескольких групп, забрасываемых в тыл врага, был норвежец Трюгве Эриксен. Он опускался на оккупированный норвежский берег под куполом парашюта, высаживался с катера и с подводных лодок. С мыса Нолнес, около города Берлевог, вел наблюдение

за немецкими конвоями, направлявшимися в Варангер-фиорд, и шли на дно потопленные советскими подводниками, летчиками и катерниками фашистские транспорты и боевые корабли.

В другой раз группу Эриксена высадили в Ко-фиорде с задачей вести разведку передвижений линкора "Тирпиц" и сопровождавших его кораблей. Возвращаясь из разведки, Эриксен спешил к семье, которая жила в Мурманске. Он не мог распространяться о своих делах, но домашние понимали, что советские ордена Красного Знамени и Красной Звезды вручены ему за боевые заслуги».

Среди разведчиков Северного флота был и потомок первых колонистов Цып-Наволока В.Э. Эрштадт. Виктор (Вильфред) Эдуардович незадолго до смерти (он умер в 1985 г. в возрасте 67 лет) рассказывал, что первая операция группы советских и норвежских разведчиков началась в сентябре 1941 г. И вот с тех пор вплоть до окончания войны в Заполярье небольшие агентурные группы (или как их звали в Норвегии – «партизаны»), состоявшие из нескольких кадровых русских военных и норвежских проводников и переводчиков, забрасывались на территорию Финнмарка. Укрывшись в скалах побережья, они наблюдали за передвижениями на морских путях и по рации сообщали в штаб Северного флота о каждом военном корабле или грузовом транспорте. Чтобы выдержать напряжение многих недель постоянной опасности, полного одиночества, арктической непогоды, от людей требовалось огромное мужество и хладнокровие. За эти качества, а также за самоотверженность и чувство юмора, особо уважали норвежцев советские друзья. Многим из них не удалось дожить до Дня Победы: жестокой и короткой была расправа фашистов, когда им удавалось поймать разведчиков. Но дело свое они делали добросовестно – информация в штаб Северного флота поступала беспрерывно

О своих встречах с норвежцами командир подводной лодки С-56 Г.И. Щедрин писал: «...Хочу воспользоваться свободным временем и ближе познакомиться с норвежцами, теми, кого мы будем высаживать. Иду в кормовой отсек, где они расположились. Их трое. Они – типичные жители Скандинавии. Очень похожи на наших северных поморов – широкоплечие, коренастые и сильные.

Старший из них – самый молодой по возрасту – Франц. Не думаю, что это его настоящее имя. Скорее, кличка, слишком по-немецки звучит. Симпатичный, с затаенной смешинкой, несмотря на внешнюю сдержанность.

Плохое знание языка затрудняло разговор, но не мешало понять, что Франц смертельно ненавидит фашизм и фашистов, оккупантов и квислинговцев. Причем "своих", кажется, больше. Мечтает поскорей увидеть Норвегию свободной. Как и положено коммунисту, манны с неба не ждет, а собирается делать это "своею собственной рукой". Он решительный и храбрый человек. Несмотря на молодость, уже два года партизанит. Был

ранен, вылечился у нас. Теперь возвращается в провинцию Финнмаркен устраивать фашистам "веселую жизнь"».

В тот раз подводники Г.И. Щедрина сняли с норвежского берега в Рис-фиорде «отработавшую» группу разведчиков: «Все трое уже немолоды. Самый пожилой – Якоб. Ему пятьдесят лет. Знает русский язык. Но больше всего нас поразил блестевший у него на груди орден Ленина.

Второй, Хаккон – чрезвычайно живой и общительный. Рядом поставил аккордеон в непромокаемом чехле. Говорят, что Хаккон с ним неразлучен. При случае любит сыграть, а товарищи всегда рады послушать. Возраст – 45–48 лет. Типичный рыбак-северянин.

Третий – высокий, стройный моряк с пышными бакенбардами. Ему нет и сорока, а волосы на голове совершенно седые. В противоположность товарищу – угрюм и молчалив. Отвечает только на заданные вопросы. Наверное, жизнь потрепала изрядно. Но об этом не спросишь. За всех говорит Якоб».

Еще одна группа норвежцев появилась в Мурманской области в самом конце Второй мировой войны, в 1944 г. В ее состав входили военная миссия и небольшой (271 человек) отряд, прибывшие из Англии. Именно этим путем в ноябре 1944 г. попал в Мурманск лейтенант норвежской армии, впоследствии знаменитый путешественник, Тур Хейердал. В 1985 г., во время очередного приезда в СССР, он вспоминал: «Мне было 30 лет, когда освобождали Северную Норвегию. Я участвовал в восстановлении радиосвязи, поднимал телефонные столбы... Бывало, поднимаешь столб и слышишь в наушниках на линии русские голоса – ваши солдаты тоже вели восстановительные работы на севере моей родины... Все мы двигались в одной линии на пути к великой победе».

...И вот прошли десятилетия после нашей общей победы на севере Европы. Взаимоотношения с Норвегией постоянно улучшаются, значительно повысился интерес к нашему общему историческому прошлому – к проблемам поморской (или как сейчас зовут – приграничной) торговли, к вопросам культурного наследия, к истории норвежских колонистов в России.

Неплохо бы найти их потомков в Мурманской области, связать с родственниками в соседних государствах. Ведь дружить должны не только государства, губернии, области и города, но и общины, и семьи, в конце концов, все люди. Так давайте же делать новые шаги в этом отношении – лучше изучать наше общее прошлое.

Татары на Севере

Начало

Первые большие группы татар на Кольском полуострове появились в XX в. Это были завербованные на строительство Мурманской железной дороги крестьяне Казанской губернии, сплошь мужчины зрелого возраста. Ехали они двумя путями: одни через Петроград, Финляндию, Швецию и Норвегию; другие через Ярославль, Вологду, Архангельск. И в обоих случаях последний этап пути шел морем. Вот где натерпелись страху татарские артели, никогда не видевшие океана. В 1915 г. татары уже трудились на Мурманской дороге: делали железнодорожную насыпь, рыли отводные канавы, строили казармы.

Первая зима была самой тяжелой: непривычно капризная (то мороз, то оттепель, то снег, то дождь) погода; плохое питание (без картошки и капусты, без учета религиозных и национальных традиций); холод в неухоженных казармах; болезни – малярия, испанка, дизентерия, а к весне у половины прибывших – цинга. Надежды на высокие заработки не оправдались. Держались татары кучно и дружно, работали старательно и тщательно. Руководство стройки бросало их на самые трудные участки: Лопарская – Шонгуй, Оленья – Тайбола. В 1916 г. часть татар послали на погрузочные работы в Мурманский порт: от союзников шли большие партии оружия и боеприпасов.

В 1917 г., когда Мурманская железная дорога в основном была готова и велись лишь достроечные работы, татары еще оставались на Кольском полуострове. Среди инженеров той поры известно имя В.Д. Селим-Гирея. Этот потомок грозной некогда династии крымских ханов Гиреев в чине полковника инженерных войск был начальником военно-строительного отряда, штаб которого стоял на Имандре. Князь Селим-Гирей учился в Англии, в том же колледже, где получил образование Уинстон Черчилль, затем объехал весь свет, строил Панамский канал, железную дорогу в Японии. В Первую мировую войну служил в Могилеве, в Ставке. После отречения царя его отчислили и послали на Север. Так в семнадцатом потомок крымских ханов встретил на Мурмане своих единоверцев.

Когда «Мурманка» вступила в строй, строители, в т.ч. и татары, стали разъезжаться кто куда. Селим-Гирей был отозван в Петроград, многие татары вернулись в родные деревни Поволжья, но часть осталась на Севере.

По-разному сложились их судьбы: одни ушли через фронты Гражданской войны в Центральную Россию, другие вступили в отряды Красной Армии и партизан, часть попала к белогвардейцам, в концлагеря и тюрьмы. Немало татар было среди погибших политкаторжан Иокангской тюрьмы, в их числе возчик Файзуллин и Ваккас Габбасов – лидер и общий любимец мусульманской части заключенных.

Вторая волна

Вторая волна притока татар на Кольский полуостров связана с голодом 1921 г. Часть поволжских татар двинулась на юг, где главной притягательной точкой был Ташкент – город хлебный, другие – на север, памятуя о рыбном Мурманске.

И вот в Мурманскую губернию стали прибывать одна группа татар за другой. Приезжали семьями и в одиночку, молодые и не очень. Часть приезжих устроилась на железной дороге – ремонтными рабочими, стрелочниками, путевыми обходчиками. Молодые и сильные ребята пошли грузчиками в порт. Мужчины постарше – в дворники, кочегары. Несколько грамотных парней определились в милицию. В пору нэпа не чурались торговли. Казанцам принадлежало несколько крупных лавок в Мурманске. Наиболее известным торговцем был Рамазанов.

Трудоустройство не являлось главной трудностью второй волны. Физически крепкие люди требовались тогда везде: в море, в порту, на железной дороге. Основная проблема заключалась в жилье – его в городе катастрофически не хватало. Ютились в тесноте, по нескольку семей в одной комнатушке. Приходилось расселяться по становищам побережья, железнодорожным казармам.

Через два-три года татары второй волны прижились на Кольском полуострове. Они писали на родину о северных просторах и его богатствах, о том, что стали неплохо питаться, одеваться по-городскому. Татарская диаспора в Мурманске превысила четыре сотни человек (одно время они составляли десятую часть населения губернского центра). Была организована татарская школа, татары составляли основную часть посетителей клуба «Нацмен», где возник центр татарской самодеятельности. Около 20 семей выписывали татарскую газету «Рабочий». В 1925 г. в Мурманской парторганизации состояло 26 коммунистов-татар. В плане ее работы на апрель 1926 г. читаем: проведение праздника «Ураза-байрам».

Однако как только стала налаживаться жизнь в Татарии, начался и отлив татарской части населения. По переписи 1926 г., в Мурманске осталось 263 татарина, а всего на Кольском полуострове – 311. Возможно, на этих цифрах сказались смешанные браки. Случалось, что, выйдя замуж за татарина, русская жена «перетягивала» его в православие.

В трудные тридцатые

Индустриализация России, с одной стороны, и новый голод 1932–1933 гг. – с другой, вновь толкнули татар на уже проторенную дорогу. Этому способствовали также избыточность сельского населения Татарии, безжалостные методы коллективизации деревни. Отток на Север стал для некоторых районов Татарии своеобразным клапаном. Как только дав-

ление на родине поднималось до критической отметки, люди устремлялись на обжитый соплеменниками Север.

Третья волна татарской миграции в начале 30-х гг. расширила ареал их расселения. Если в 1915–1916 гг. ехали на железную дорогу, в 1921–1922 гг. – в основном, в Мурманск, то теперь направлялись и в Кандалакшу, и в Кировск, и в Монче-тундру. Часть татар приехала под стражей – раскулаченные.

Жили новые северяне дружно, но тесно, скученно и бедно. Многие, не выдержав тяжелых условий, умирали. Перелистав акты смертей Мурманского загса за 1934–1935 гг., я обнаружил такие записи: «4 января 1934 г. умерла двухлетняя татарская девочка Халифа Алтынбаева... 31 марта 1934 г. умер от туберкулеза легких тридцатилетний Фахри Абурашитов... 5 мая того же года умерла девятимесячная Гильдихан Хабеева. 10 сентября скончалась двухлетняя девочка Раися Фатхутдинова... 11 сентября – 70-летний Султан Рафиков...». Разумеется, я привожу здесь не полный список, а лишь малую выдержку.

Документы загса стали важнейшим источником в моих поисках: в актах смертей указаны не только национальность умершего и его возраст, но и местожительство, род занятий, у малолетних записаны родители. По этим материалам можно утверждать, что в Мурманске татары были разбросаны по всему городу: жили и в центре, и на окраинах, и в поселках типа «Шанхай». Трудились везде, где можно было неплохо заработать. Очень многие работали возчиками, благо автомашин было мало и все грузы в городе перевозили на лошадях (у каждой солидной организации был обоз, свои конюшни).

Не обошли татарскую общину и сталинские репрессии 30-х гг. Сколько было арестовано в Мурманске и области татар, сказать трудно, приведу имена лишь некоторых из них: Ибрагимов Шагап Джеллетдинович, 1888 г. рождения, кладовщик Мурманского тралфлота; Кадыков Дмитрий Павлович, 1907 г. рождения, электромонтер треста «Мурманрыбстрой»; Муратов Асан-Курт Вели (из крымских татар), 1903 г. рождения, кочегар торгового флота; Сабаев Сергей Никифорович, 1890 г. рождения, проводник вагона Кировской железной дороги; Хайретдинов Риза, 1917 г. рождения, слесарь-сборщик Северного флота; Яхин Касымахмед Жанович, 1912 г. рождения, котельщик Мурманского судоремонтного завода. Кстати говоря, упоминаемый выше потомок крымских ханов В.Д. Селим-Гирей тоже угодил в тюрьму, а потом в лагерь, строил Беломорско-Балтийский канал.

Но репрессии в 30-х гг. не закончились. Так, в 1941 г. был арестован грузчик Мурманской конторы «Облзаготзерна» Залялютдинов Валимухамед Нурмухамедович.

Многие мурманские татары сами служили в правоохранительных органах. В начале 30-х гг. в Мурманске славился милиционер Гади Хабибуллин. Некоторые пробились выше: в 1939 г. начальником мурманской

тюрьмы № 1 был татарин Ш.М. Сулейманов, политруком внутренней тюрьмы НКВД И.Ф. Арясов, начальником тюрьмы № 2 (в Кандалакше) Галлямов, заместителем тюремного отдела областного управления НКВД Закир Халиуллин, правда, его вскоре освободили от должности за то, что «проморгал» ряд дерзких побегов из мурманских тюрем.

Так что картина жизни татар на Мурмане была непростой. В плане межнационального сосуществования мурманчан – русских, украинцев, белорусов, татар, финнов, коми, саами – обстановка была более благополучной. Об этом можно судить по свидетельствам пожилых мурманчан. Вот как вспоминает о довоенном времени ветеран войны и труда Е. Федоров: «Жили мы в бараке. В соседнем бараке жило несколько семей татар. Летом в теплые погожие вечера из открытых окон слышались и русские, и татарские песни... Я и сегодня утверждаю, что в то время дружба народов была на самом деле, а не на бумаге. Никакой неприязни к ребятам нерусской национальности не было и в помине. Когда в августе 1941 г. началась эвакуация из Мурманска, наша соседка Катя-татарка (была еще Катя-русская) попросила мою мать взять с собой ее брата Колю, 14 лет. Мать, имея своих четверых детей, не отказала. Коля жил с нами в эвакуации как родной брат».

В довоенные годы немало татар стало жить, помимо Мурманска, в других населенных пунктах Кольского полуострова – в Кировске, Мончегорске, Кандалакше. Они работали на предприятиях тяжелой индустрии и в подсобных хозяйствах. Молодежь пошла на рудники, где хорошо платили. На ряде горных участков были почти целиком татарские бригады.

Татары активно участвовали в общественной жизни Кольского полуострова. Без них не обходился ни один физкультурный праздник. Татарские девушки были инициаторами пешего женского перехода Кировск – Ленинград. В Хибинах тогда жила сестра известного татарского писателя Мусы Джалиля.

Жизнь на Севере постепенно налаживалась. После отмены карточной системы в 1934–1935 гг. люди стали лучше питаться и одеваться. Усилились связи с родными местами в Татарской АССР. Но тут пришла война...

В войну и после

Вместе со всем народом татары Севера прошли через все испытания войны. Мужчины ушли на фронт или в Военно-морской флот, семьи частично эвакуировались, но некоторые не покидали область. Жилось, конечно, не сладко, но была работа, паек, огороды, лес с грибами и ягодами, рыбалка. Татарская диаспора пережила войну, хотя и с большими потерями.

В августе 1941 г. от немецкой бомбы погиб кочегар паровозного депо станции Мурманск К.М. Садыков; в апреле 1942 г. погиб грузчик Мурад Адельшин; в мае – 26-летний З.С. Хисакаев. Во время ожесточенных летних бомбежек 1942 г. в Мурманске погибли 16-летний слесарь Д.С. Аб-

басов, 42-летний Ислам Параев, 62-летняя Аннара Хабибуллина, котельщик Идрис Зурбашев, 20-летняя мотористка М.Г. Басырова, путевой ремонтный рабочий Гашунга Хайруллин и др. Боюсь, что этих людей нет ни в нашей, ни в татарстанской книгах Памяти.

После окончания Великой Отечественной войны жизнь татарского населения Мурманской области сложилась по-разному. Много татар по-прежнему работали на рудниках Кировска и Мончегорска, на строительстве третьей Нивской гидростанции. Среди первых строителей Оленегорска был К.Х. Хаматов. Много лет гремела слава бригады горняков рудника Ниттис-Кумужье С.Н. Нурулина, в сфере сельского хозяйства – семьи Земдихановых, а в торговом порту – бригады докеров под руководством Саныксарова. В историю Мурманской области вписаны имена инженера из Оленегорска Ю.Г. Апханова и начальника Ковдорской фабрики М.А. Гамилова.

Была в послевоенной жизни татар и своя оборотная сторона. Речь идет о заключенных, ссыльных и остатках раскулаченных. Вот данные из архивов МВД.

В марте 1949 г. в области насчитывалось 1 489 спецпереселенцев, в их числе 15 татар. К лету 1952 г. на поселении в Мурманской области проживали 29 татар. После войны на Север высылали и крымских татар. Так, в Кандалакшский район были высланы крымские татары Масмут Садыков (с 1901 г.), Джимар Илясов (с 1915 г.) и Фалусия Маситовна Ниязова (1907 г.). В Кировске отбывали ссылку крымские татары Асан Аединов (с 1895 г., из Евпатории), Абибула Ваджип (с 1884 г. из деревни Баюк – Озейбали Бахчисарайского района), Мутыгула Нурдинов (с 1903 г.), Кемаль Джевгет Мурат (с 1923 г. из деревни Буюк-Каралез, из-под Бахчисарая) и др.

Среди репрессированных власовцев был татарин Накип Фахрутдинов, якобы перешедший на сторону немцев и получивший в их армии звание ефрейтора. В донесении осведомителя по кличке «Верный» зафиксирован его разговор с товарищем по несчастью летом 1952 г.: «Наш срок скоро кончится, но нам на родине не бывать...». Смерть Сталина развязала многие узлы, возможно, что Фахрутдинов тоже вышел на волю. Из крымских татар к концу 1955 г. в области осталось всего 2 человека.

А жизнь продолжалась. По переписи 1979 г., в Мурманской области проживали 9 531 татарин, а через 10 лет уже 11 459 (прирост на 20%). Язык своей нации считали родным 54%, почти столько же свободно владели русским.

Новейшее время

Пожалуй, ни одна национальная группа населения Кольского полуострова (а в области проживало более 80 национальностей) не проявила себя в последние годы столь активно, как татары. По переписи населения

1989 г., на Кольском Севере их было 11,5 тыс., из них около 5 тыс. – в Мурманске. Татары составляли около 1% населения области (аборигены края – саами, к примеру, лишь 0,2%) и по численности этнической общины занимали на Кольском полуострове четвертое место после русских (84%), украинцев (8,3%) и белорусов (3,5%).

Прежде, в доперестроечную пору татары ничем особым не выделялись. С начала девяностых положение стало резко меняться. Мурманские татары как бы проснулись, и разбудили их силы как внутренние, так и внешние. Внешние – это движение за суверенитет в Татарстане. К внутренним я отношу рост национального самосознания, пробуждение интереса к национальной культуре и исламу, которое также тесно связано с событиями в Казани. Укрепились связи с республикой.

В конце декабря 1992 г. в областном центре повсеместно были расклеены такие объявления: «Дорогие мурманчане и гости города! Приглашаем вас на встречу с замечательным искусством татарского народа, его самобытными исполнителями, которые впервые приезжают в наш город... Будем благодарны спонсорам за поддержку национальной культуры Татарстана... Только благодаря их помощи мы в состоянии организовать и провести этот праздник, встретить в Мурманске гостей из Татарстана». Вместе с артистами приезжал главный мухтасиб Татарстана Хазрат Габдулхак Саматов, который встречался с верующими. Была организована торговля религиозной литературой.

Событие это не прошло бесследно. Весной 1993 г. газета «Полярная правда» сообщила: «Начало нынешнего Рамазана мусульманская община Мурманской области отметила сбором денег на строительство мечети. Уже определено место под религиозный комплекс, куда, кроме мечети, войдет и медресе, рассчитанное на четыре класса. Строительство обойдется в 50 миллионов рублей. Стоимость материалов профинансирует Всемирная мусульманская лига, а вот работу строителей придется оплачивать мусульманской общине области».

1994 г. ознаменовался еще несколькими событиями. Прошли концерты, организованные Татарским общественным центром, праздники по случаю религиозных дат. В Мурманске открылась воскресная татарская школа, появилось отделение Исламского культурного центра России. И, наконец, был решен вопрос о выделении земельного участка под мусульманское кладбище.

Все это, очевидно, заслуживает одобрения. Но есть, однако, и некоторые сомнения. Они касаются прежде всего «внемурманской» ориентации руководства национальных групп: с некоторых пор саами устремляют свои взоры на запад (на финскую Лапландию и норвежских сородичей), коми и ненцы – на восток (на Сыктывкар и Нарьян-Мар), татары – на юг, в сторону Татарстана и даже дальше. Немалые опасения вызывают и нередкие

проявления крайнего национализма, в том числе и татарского. Словом, есть над чем подумать всем нам.

На этом завершается наш рассказ о прошлом и настоящем татарской диаспоры на Кольском полуострове. Невозможно было упомянуть всех, кто ее составляет. Но не могу не вспомнить добрым словом тех, с кем меня сталкивала судьба: Гарифа Гирфановича Гильманова, Гюльжихан Шагитжановну Садыкову, семьи Нурдиновых, Гайнутдиновых.

Мира и добра им и всем их соплеменникам.

«Шанхай» на сопках Мурманска

«Китайская» тема давно интересует меня как краеведа. Еще когда писалась первая книга о Мурманске (это было много лет назад), и в ней делалась зарисовка об одном из районов города то ли с интригующим, то ли с романтическим названием «Шанхай», захотелось узнать подробности о жителях этого оригинального во всех отношениях поселка. Но сведений об этом было мало, и мы ограничились в книге всего четырьмя строчками:

«Неподалеку от порта и рядом с железной дорогой возник поселок "Самострой", или, как чаще его звали, – "Шанхай" со своими «проспектами – тропами» – "Дорога в Рим", "Аллея любви", "Проспект молодежи" и т.д.». Вот и все, что было сказано о «Шанхае» в «Книге о Мурманске».

Правда, страницей раньше мы говорили, что китайцы жили тогда и в так называемой «Красной деревне на колесах». Об этом в свое время сообщал датский писатель Мартин Андерсен-Нексе, побывавший в нашем городе в 1922 г. Вот его воспоминания: «Еще труднее разобраться среди железнодорожных вагонов, их тут несколько сотен, и все они обитаемы – целый поселок. Промежутки между ними заполнены навозом, закутами для свиней, курятниками. Татары, финны, русские, турки, китайцы – все народности, кажется, представлены в этом импровизированном городе».

Итак, вне сомнения, в 20-е гг. в Мурманске жили китайцы, причем они играли в общественно-политической жизни города и губернии немаловажную роль. Об этом можно судить по следующим фактам.

Во-первых, представитель китайской части мурманского населения Ум-Ба-Шан (мы будем давать китайские фамилии так, как они тогда писались) в феврале 1920 г., сразу после изгнания белогвардейцев, был избран в состав исполкома Мурманского уездного совета (высшая местная власть того времени).

Во-вторых, среди китайцев было немало членов РКП(б). Имелась даже самостоятельная китайско-корейская фракция в губернской парторганизации. Делегатом VII Мурманской губернской конференции РКП(б) был китаец, член партии большевиков с 1920 г. Цо-Му-Хен.

В-третьих, до 1925 г. в Мурманске существовали два переулка, носящие названия китайского происхождения – имени Сун-Ят-Сена и Гоминдана. Потом понятие «Гоминдан» исчезнет, а имя китайского революционера, друга Советской России Сун-Ят-Сена достанется улице. Само собой разумеется, что это было сделано не только из принципа пролетарской солидарности с великим Китаем, но и из соображений местной политики (если в городе были Лопарская, Самоедская, Ижемская, Финская улицы, то почему бы не «уважить» и китайцев?).

Раз китайцы были частью населения Мурманской губернии в годы нэпа, встают по крайней мере три вопроса: Откуда и как они появились? Как они на Мурмане жили? Куда исчезли?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Откуда прибыли? Как? И зачем?

Ответ вроде бы дан давно: китайцев завербовали в период Первой мировой войны для ускорения строительства Мурманской железной дороги. Всего их было, по одним данным, 10 тыс., по другим – около 15 тыс. Точно известно, что отправляли их на Русский Север из Харбина.

Почему-то раньше считалось, что перевозили их на пароходах (наверное, потому, что это ассоциировалось с переброской с Дальнего Востока военных кораблей – «Варяга», «Чесмы», «Пересвета»). Но оказалось, что это не совсем так.

В самой первой книге по истории Мурманской железной дороги, которая вышла в 1916 г., говорится, что агенты управления строительством выехали за китайскими рабочими в мае 1916 г. При этом им было поручено позаботиться об их одежде и обуви (закупить кожаные башмаки и суконные туфли), о специальных решетах для изготовления своего особого сорта хлеба, о чашках и палочках для еды.

Перед посадкой в поезда все китайцы прошли медосмотр, баню, получили новую одежду. Все их личные вещи прошли дезинфекцию. Стоимость доставки каждого китайца – 90 рублей, для питания выделялось по 50 копеек в день.

Завербованных китайцев везли по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) до границы, а затем по Сибирской магистрали – через всю матушку-Россию в Архангельск. Эти литерные эшелоны шли по особому графику, с организацией по пути следования пунктов горячего питания, помывки людей и дезинфекции их одежды. А там, где железная дорога кончалась, их грузили на пароходы и везли либо в Кандалакшу, либо к Кольскому заливу.

По прибытии на Мурманскую железную дорогу китайцы сразу же включались в строительный конвейер. Поскольку у большинства китайцев специальности не было, их использовали в основном на земляных или погрузочно-разгрузочных работах. Лопата, лом, кайло, топор, тачка – их основные средства производства.

Первоначальные условия оплаты были 1,5–1,75 рубля за рабочий день (чуть позже заработок вырос до 2 рублей 40 копеек).

Работали они артелями (иногда по 100–120 человек), жили отдельно от других рабочих и военнопленных (в своих бараках). И питались отдельно: все же китайская кухня отличается от русской. Поскольку большинство китайцев приехало не за приключениями и романтикой, а подзаработать денег и накопить хоть какой-то «первоначальный капитал», то питались они скудно и экономили на всем: на хлебе, мясе, бытовых расходах...

Как писал профессор И.Ф. Ушаков, в июне-августе 1916 г. на Кольский полуостров прибыло 3 тыс. китайцев. (Один из руководителей строительством железной дороги П.Е. Соловьев в воспоминаниях называл дру-

гую цифру – 4 тыс. китайцев (см. его воспоминания в «Полярной правде» за 20 октября 1959 г.).

Об условиях жизни китайцев в книге «Кольская земля» сообщается: «Особенно плохо обеспечивались питанием военнопленные и рабочие-китайцы... Китайцы, работавшие в районе Кандалакши и Княжой Губы, готовили себе пищу на кострах и потребляли всякие малоценные продукты».

«Так как китайцы наняты на своих харчах, – писал александровский исправник Рудаков 5 сентября 1916 года, – то они питаются ягодами, недоброкачественными грибами, морскими водорослями, которые поедают даже в сыром виде и не гнушаются мясом павших животных». Заработная плата китайцев была на 35–40% ниже, чем у русских землекопов (китайцам платили по единой расценке независимо от характера выполняемой работы).

А вот что писал о китайцах другой исследователь – профессор В.В. Тарасов: «...С Дальнего Востока было перевезено около десяти тысяч землекопов. Условия, в которых они очутились на дороге, были ужасны. Помещений не было. Рабочие сами строили себе из старых бревен бараки или рыли землянки. Бараки и землянки плохо отапливались и едва защищали людей от холода и дождя. Люди спали на нарах в тесноте, не имея ни матрацев, ни одеял. Одежда у большинства была рваная и непригодная для работы в суровых условиях Севера. Работая на морозе, они не могли ни сменить белье, ни высушиться. В бараках кишмя кишели паразиты. Бань в районе строительства не было».

Обычно безропотные и смирные (главным образом по причине незнания русского языка) китайцы порой тоже не выдерживали и бунтовали. Сошлемся на И.Ф. Ушакова:

«2 августа (1916 г. – *А.К.*) близ Зашейка произошли волнения рабочих-китайцев, требовавших улучшения бытовых условий и повышения оплаты труда. Четырех уполномоченных от рабочих полиция схватила и отправила в Кандалакшу. Тогда остальные 23 человека бросили работу и отправились вслед за арестованными добиваться их освобождения.

26 и 27 августа "беспорядки" произошли в районе Княжой Губы. При аресте зачинщиков волнений вся партия китайцев в числе 720 человек бросилась на жандарма, который "вынужден был выстрелить вверх, объявив через переводчика, что будет стрелять в китайцев, если они не остановятся. После этого китайцы воздержались от нападения, но следовали за жандармом две версты"».

Такого рода волнения были и в Мурманске. В декабре 1916 г. артель строителей, возмущенных отсутствием жилья, одежды и пищи, потребовала выполнения условий контракта. Когда в казарму пришли стражники и начали угрожать, китайцы перешли к активным действиям: в рукопашной схватке досталось и стражникам, и переводчику. При «наведении порядка» один из китайцев был убит. Телеграмма в Петроград об этом инциденте заканчивалась словами: «Порядок водворен»...

В период революции, когда строительство на Мурмане прекратилось, большая часть китайцев покинула Север, а оставшиеся перешли к оседлой жизни. Вот тогда-то и появились землянки на склоне первой террасы и на Зеленом Мысе в Мурманске.

Второй поток китайцев пришел на Мурман сразу после окончания Гражданской войны на Севере. Это были демобилизованные китайцы из интернациональных частей (в Красной Армии служило несколько десятков тысяч китайцев, а всего в России в 1917 г. было до 500 тыс. китайцев), часть тех, кто строил Мурманскую железную дорогу и у кого сохранились еще какие-то старые связи с Кольским Заполярьем. Были и искатели приключений, их привлекали порт, иностранцы, возможность поживиться контрабандой.

Вновь прибывшие в Мурманск китайцы, не имевшие поначалу ни кола ни двора, вынуждены были «создавать жилье» по своей инициативе, со свойственной восточным народам изобретательностью и выдумкой. Рыли землянки по склонам многочисленных откосов и оврагов, из подручного материала строили какие-то хибары. Из выбракованных и брошенных шпал, из украденных со строек досок, из выловленных в заливе бревен сооружали лачуги, обивали их бочковой клепкой, кусками фанеры и листами кровельного железа. Затем женились, что по тем временам было достаточно просто. Нужно было найти на вокзале или базаре бездомную женщину и при ее согласии объявить себя мужем и женой. Вполне естественно, большинство таких «жен» у китайцев были русские – из Вологодской, Архангельской и Петроградской губерний.

«Шанхай», или, как его потом официально и «культурно» стали называть, поселок Сун-Ят-Сена, был районом потрясающего бескультурья, разврата и всяческих пороков. Здесь можно было найти любую выпивку мира: шотландское виски, норвежский или кубинский ром, американскую «смирновскую», французский коньяк и рисовую водку. У кого не было валюты, за рубли можно было достать самогонку. Тут же в задних комнатушках – курение опиума и девочки из своих борделей. Ну а если добавить, что картежная игра была необходимым атрибутом этих китайских «ресторанчиков» на дому, то можете представить, что происходило в этом «веселом поселке» по ночам. А по утрам то в одном конце «Шанхая», то в другом находили трупы тех, кому не повезло в рулетке жизни.

Итак, китайцы появились на Мурмане в два «захода»: в период строительства Мурманской железной дороги они прибыли по вербовке; после Гражданской войны ехали «диким способом» по собственной инициативе.

Зачем? Наверно, у каждого были свои цели и планы. А если говорить в общем, то, пожалуй, в поисках лучшей жизни, в погоне за счастьем и благополучием.

А теперь разберем следующий вопрос...

Как жили китайцы на Мурмане?

Для интереса и пущей убедительности приведем несколько выдержек о китайцах из книг и статей того времени.

1924 г. В Мурманск впервые пришел прославленный впоследствии корабль науки «Персей». Прибывший на нем ученый-гидролог Всеволод Васнецов (сын знаменитого художника) в книге воспоминаний «Под звездным флагом «Персея» писал:

«Внизу у залива в северном конце города, за товарной станцией железной дороги, на старых запасных путях стоял целый квартал товарных вагонов. Этот район назывался "Шанхай" и был заселен многочисленными китайцами, по каким-то причинам обосновавшимися в Мурманске. На улицах из товарных вагонов висел специфический запах и была необычайная грязь. Русским в этот район в одиночку ходить не рекомендовалось, а в ночное время даже и в компании».

1926 г. Начальник колонизационного отдела Мурманской железной дороги Г.Ф. Чиркин после посещения Мурманска свидетельствовал:

«Несмотря на небольшой процент (а китайцы составляли в 1926 г. два процента населения Мурманска), китайцы в городе Мурманске, захватив почти всю частную торговлю, обращают на себя внимание как предприимчивое, хорошо освоившееся с чуждым для них краем население. Многие из них, появившись здесь во время постройки Мурманской железной дороги, остались на постоянное жительство и даже женились на русских».

Прошло еще 3 года, и в 1929 г. в журнале «Огонек» появился большой очерк о Мурманске. В нем Татьяна Тэсс (Сосюра) сообщала такой факт. Городские власти предъявили иск по поводу сноса дома китайцу, который построил себе т.н. «чайный домик» (из фанеры от ящиков из-под чая) прямо посредине улицы Карла Маркса. Там одиноко стояла засохшая сосна, и вот вокруг нее (для прочности) китаец построил свою хибару. И когда горкомхоз предложил это строение снести, то хозяин «очень удивлялся», долго-долго плакался и жаловался.

1931 г. Один из известных тогда писателей – Александр Зорич – опубликовал книгу «Советская Канада». В ней содержалось по поводу сути дела прощальное слово о мурманском «Шанхае»:

«Когда-то действительно был здесь так называемый китайский квартал, состоявший из убогих, грязных и смрадных лачуг и подозрительных лавчонок и пивных с безграмотными, наивными, сентиментальными и многообещающими вывесками на дверях; но он давно ликвидирован, этот квартал потрясающей нищеты и всяческих пороков; лачуги, которые напоминают конуры для больших собак и в которых, тем не менее, целыми семьями ютились раньше люди, все больше и больше идут на снос, и китайцы переселяются отсюда в новые дома в центр города и ассимилируются».

1932 г. Мурманск посетил еще один писатель – Константин Паустовский. И он также не мог обойти тему «Шанхая»:

«Китайцы первые стали селиться в Мурманске и назвали невообразимое скопление досок, конур и ящиков от машин "Шанхаем". Он сохранился до сих пор наравне с портовой Нахаловкой».

Как видите, А. Зорич рано начал «хоронить» китайцев и «Шанхай» – о них в 1933 г. писал Лев Шейнин («Был жилой квартал "Шанхай", густо застроенный бараками, в которых жило немало китайцев»), а в 1935 г. в наказе горсовету было записано прямо: «Реконструировать поселок Сун-Ят-Сена (бывший "Шанхай")».

Все эти вышеприведенные свидетельства были, пожалуй, несколько поверхностны, больше «били» на сенсационность и необычность. На самом же деле мурманские китайцы были разные: среди них были и рабочие с железной дороги, и кочегары с пароходов, и ремесленники (особенно много было портных, сапожников, пекарей и поваров), были и частники-торговцы. Действительно, в годы нэпа китайцам в Мурманске принадлежало много магазинчиков и лавок, столовых-забегаловок и маленьких пекарен, ночлежек и всяческих притонов с вином, картами, опиумом (наиболее известным нэпманом был некий Чан. А профессор из Петрограда Г.Н. Боч в своем отчете о поездке в Мурманск упоминал имена еще двух торговцев – Лю-Дянь-Тань и Ли-Хан-Фу).

Но были среди китайцев и настоящие пролетарии. По-видимому, из их числа (а непролетариев тогда в этом плане попросту игнорировали) летом 1925 г. вступили в РКП(б) Лю-Чан-Ю, Пак-Сен-Дя, Кан-Сем-Сам, Ким-Ин-Ян, Пак-Тай-Шен (повторимся: мы даем фамилии так, как они тогда писались). Эти пятеро китайцев были перечислены в губернской газете 7 июля 1925 г. (Тогда был порядок: обо всех, кто хотел вступить в партию, объявлялось в печати. Всякий мог заявить по той или иной кандидатуре отвод.) Интересен и удельный вес китайцев: из 24 человек, вступавших в партию, их было пятеро, т.е. больше 20%.

Спустя полтора месяца в той же газете было объявлено о приеме в партию еще четверых китайцев. Вот их имена: У-Юн-Шой, Чан-Шон-Ян, Чан-Тен-Чи, Сен-Тю-Ци.

Но, по-видимому, в партию большевиков китайцы не только вступали, но и выбывали из нее. Так, сектор партучета Мурманской губернской организации РКП(б) 13 августа 1925 г. объявлял о необходимости зарегистрироваться следующим товарищам: Ким-Че-Дю (кандидатская карточка № 489), Лю-Чай-Ю (к/к № 266), Так-Сен-Дя (к/к № 310), Как-Сен-Сам (к/к №142), Кин-Ин-Ян (к/к № 484), Пак-Так-Сен (к/к № 312), Ден-Чан-Шур (к/к № 160), Сун-Ка-Чин (к/к № 366). Вообще-то китайцев-коммунистов на Мурмане было немного – полтора-два десятка (в 1925 г. – 17 человек).

Нередко китайские имена и фамилии встречались также в списках тех, кто потерял в Мурманске документы (Лю-Юн-Шан, Чен-Шен, Лю-Ю-Ли и др.) или привлекался к уголовной ответственности. Так, 27 декабря 1927 г. «Полярная правда» сообщала, что гражданин Хо-Си-Зун, проживающий в доме № 61 китайской деревни, систематически спекулировал различными спиртными напитками, продавая их втридорога. Самогонку у него конфисковали, а самого привлекли к уголовной ответственности.

Миграция, с одной стороны, ассимиляционные процессы – с другой, и осложнение жизни на Севере к концу нэпа – с третьей повлияли на число китайцев в Мурманске в сторону уменьшения.

Хотя были и иные точки зрения. Так, заведующий губстатбюро В.К. Алымов в брошюре «Население города Мурманска к началу 1926 года» писал, что китайская диаспора не уменьшалась, что в городе имелось более 50 детей, отцом которых был китаец, а матерью – русская. В другом месте и по другому поводу В.К. Алымов уточнял эти цифры и положение детей. Он говорил, что 52 китайца женаты на русских женщинах, и их дети записаны как русские.

В декабре 1926 г. Всесоюзной переписью населения было учтено в Мурманске 127 китайцев (на самом деле их было значительно больше). Но даже такая сравнительно небольшая китайская община имела в городе большой вес. В ее руках оставалась почти вся частная торговля такими товарами, как рыболовные принадлежности, охотничьи припасы, морская спецодежда, керосин, соль и т.д. и т.п.

Только у китайцев можно было купить тогда импортные товары. Нередко нарушая советские законы (о спекуляции и контрабанде), китайцы шли на определенный риск, но торговали они «раскрепощенно»: с «плавающими ценами», в кредит на время рейса или отпуска. У китайцев был наметанный глаз настоящих психологов, что позволяло им сразу определять, кому можно доверять, а кому следует отказать: «Жаль, дорогой Вася, – нет сейчас для тебя товара...». («Васями» китайцы звали всех незнакомых мурманчан.)

И во второй половине 20-х гг. китайцы господствовали на мурманском рынке. Известный геолог и писатель С.В. Обручев, побывав в Мурманске, описал его базар, «где под маленькими навесами торгуют почти сплошь китайцы – осадок империалистической войны»...

А вот что вспоминал по этому поводу почетный гражданин Мурманска А.С. Храповицкий: «Мелкой торговлей занимались китайцы. У них считалось хорошим тоном иметь в торговой будке никелированную кассу с броской фирменной надписью. Эта касса как бы символизировала процветание и благополучие в торговле. Такую же роль играла кассирша, подкрашенная под русскую красавицу: брови дугой, на щеках румяна, губки бантиком, на плечах цветастая шаль...

Сам хозяин – в ярком синем халате, в синих шароварах – крутился вокруг будки, зазывая покупателей. Предлагал детям игрушки из бумаги, мячики на резинке, сладкие "петушки" на палочке. Торговали на базаре пирожками – их, горячие и вкусные, любили все. Некоторые торговцы прямо на глазах у публики готовили и тут же на жаровнях пекли знаменитые "пампушки"».

Александр Сергеевич рассказывал, что в ларьках китайцев можно было купить платки, косынки, кофточки, рубашки, всякую галантерейную мелочь. Но главный доход, прибыль и выгоду давал не этот товар. Китайцы зорко высматривали в рыночной толпе лопарей-оленеводов и моряков, желающих сбыть контрабандный товар и выпить. У первых покупалась пушнина, оленье мясо и шкуры, вторым китайцы сбывали спирт и самогонку.

Последнее светлое пятно в истории мурманских китайцев было связано с событиями конца двадцатых годов, когда Гоминдан стал проводить в Китае новую политику, а летом 1929 г. случился вооруженный конфликт на КВЖД.

Наши китайцы (по-видимому, не без подсказки партийцев) организовали митинг, запечатленный на помещенной в номере газеты фотографии. Демонстрация солидарности с революционным Китаем состоялась у памятника "Жертвам интервенции 1918–1920 гг.", на площади Свободы. На фото есть и взрослые китайцы, и их дети. Одеты почти все одинаково: полупальто, на голове кепки, которые позже стали звать маодзедуновскими, штаны из чертовой кожи, на ногах сапоги или ботинки; белые рубашки в честь праздника. Где-то среди них могли быть работавшие в Севгосрыбтресте Зай-Онай-Най (машинист РТ-24), Тим-Хан-Хун (52-летний кочегар плавкрана), Фан-То-На (повар на РТ-37) и другие китайцы.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов китайцы из Мурманска стали расселяться по всему полуострову. Несколько человек жили в железнодорожной казарме на перегоне между Тайболой и Пулозером (1364-й км); ряд семей поселились в Хибинах, а затем переехали в Мончегорск. И в новых местах расселения – в Мончегорске, Кандалакше, Кировске – появлялись свои "Шанхаи" (кстати говоря, такие поселки были везде, где селились китайцы: во Владивостоке и Иркутске, Мариуполе и Юзовке). Тогда никто еще из этих китайцев не знал, что их ждет впереди.

Самой известной фигурой из китайцев в Монче-тундре был Василий Иванович Ван-Сун-Си, первоклассный повар столовой № 4, а потом ресторана. Он был арестован как агент китайской и японской разведок. В Кандалакше все отлично знали веселого и неунывающего кочегара паровоза кандалакшского депо Су-Де-Яна (друзья по работе звали его Сергеем). Летом 1938 г. он тоже был расстрелян как участник контрреволюционной шпионско-диверсионной организации.

Китайцы – жертвы сталинских репрессий

Под таким названием в журнале «Проблемы Дальнего Востока» была опубликована статья П.П. Коровяковского. Там нет, к сожалению, ничего о «мурманских китайцах», но есть упоминание о соловецких лагерях: «Оказавшись на Соловках, с удивлением обнаружил китайские иероглифы среди надписей на стенах бывшей церкви на Секирной горе – своеобразных "писем в никуда", которые оставляли перед смертью обитатели СТОН (соловецкая тюрьма особого назначения)».

Об этом же я недавно писал в публикации «ГУЛАГ на Мурмане»: «На Соловки этапировались люди, осужденные на Кольском полуострове (в 20-е гг. среди них было много китайцев из Мурманска – при посещении музея соловецких лагерей я обнаружил фамилии двух "наших" китайцев – Тянь-Су-Чан и Хун-Тай-Фу)».

Большая часть китайцев, попавших в тюрьмы и лагеря в 20-е гг., шла, по всей видимости, за уголовные преступления (самогоноварение, спекуляция, содержание притонов, контрабанда). Иное дело – в 30-е гг.

Недавно в мои руки попало следственное дело № 27 (архивный номер 4306/2) по обвинению группы китайцев, проживавших в Мурманске и связанных с Ленинградом (пользуясь случаем, благодарю сотрудников УГБ по Мурманской области В.В. Воронина и А.Д. Родака). Возникло это дело после убийства С.М. Кирова, когда НКВД решил сразу избавиться от всех «подозрительных элементов»: бывших дворян, царских офицеров, сановников и больших чиновников выселяли из Ленинграда, а иностранцев – со всей прилегающей территории. И вот 14 января 1935 г. особое совещание при НКВД СССР осудило девятерых китайцев из Мурманска: Чжа-Зо-Мина, Цуй-То-Цая, Ван-Си-Шаня, Ван-И-Дуня, Джан-Пей-Чи, Ма-Ди-Тана, Ван-Зи-Хуна, Ван-Ци-Де, Чен-Чан-Яна.

А предыстория всего этого была такова. Еще летом 1934 г. Мурманский отдел ОГПУ обратился с просьбой в вышестоящие инстанции запретить проживание в СССР пятерым китайским гражданам: Джан-Пей-Чи, Ма-Ди-Тана, Ван-Зи-Хуна, Ван-Зи-Де, Чен-Чан-Яна. Что это были за люди? Почему их решили изолировать, а затем выселить?

Джан-Пей-Чи родился в китайской провинции Кхиндон (так в документах. – *А.К.*) в 1891 г., имел в Мурманске свой дом (по адресу: ул. Либкнехта, 44-в) и жену. Имел он также мясную лавку, лошадь (занимался извозом), в его доме якобы курили опиум.

Ма-Ди-Тан родился в 1893 г. в Пекине, был женат на русской, от которой имелся сын 8 лет. Будто бы в момент ареста нигде не работал, занимался картежной игрой, курил опиум, содержал шинок. В Гражданскую войну служил в армии – по-видимому, с той поры появилась у него особая примета – «на левой руке нет большого пальца». В Мурманске Ма-Ди-Тан

(по прозвищу Вася) жил в собственном доме на Горной улице (у самотечного водопровода), имел лошадь, но незадолго до ареста продал ее.

Ван-Зи-Хун родился в 1897 г. в провинции Шаньдунь, работал поваром в мурманской столовой, имел дом (ул. Либкнехта, 20-г), жену (ее посадили в петрозаводскую тюрьму за доставку наркотиков). После осуждения супруги стал работать на холодильнике «Мурманрыбы». И его обвиняли в распространении наркотиков (в документах они обозначены «таяном из Фрунзе», их якобы он и другие покупали у таинственного Фан-Ю-Цая).

Ван-Зи-Де, 1894 г. рождения, из провинции Чжей-ли (опять из документов), «разведенный спекулянт», нигде не работающий картежник и наркоман (трудно сказать, каким был этот китаец на самом деле, ведь мы даем по документам ОГПУ – НКВД).

И, наконец, последним назван Чен-Чан-Ян, 1892 г. рождения, из провинции Чжаолин. И, опять-таки, шинкарь, тунеядец, наркоман, содержатель приюта курильщиков опиума и картежников.

Решение об их судьбе было скорым и безапелляционным: «Заключить под стражу, объявить настоящее постановление... направить спецконвоем».

А за компанию стали арестовывать и других мурманских китайцев. Вот выдержки из нескольких анкет арестованных:

Фамилия – Ван.

Имя, отчество – И-Цун.

Год и место рождения – 1878, Китай, провинция Шаньдунь.

Постоянное место жительство – Ленинград, Международный проспект, д. 18, кв. 46.

Где работает – с сентября 1934 г. безработный.

Профессия – красильщик.

Партийность – беспартийный.

Служба в армии – служил в Красной Армии с 1917-го по 1920-й год.

Имущество – нет ничего.

Семейное положение – женат. Жене Екатерине Максимовне 25 лет, сыну Владимиру – 2 года.

Подвергался ли репрессиям? – сидел два года (1928–1930 гг.) за скупку краденых вещей.

Дата ареста – 16 февраля 1935 г.

И, наконец, заключение: «Выслать из пределов СССР как социально опасный элемент».

Из других анкет следственного отдела мы узнали, что Цуй-То-Цай, 1894 г. рождения, тоже был прописан в Ленинграде (ул. Марата, д. 28, кв. 6), что его жене Л. Жуковой – 28 лет и у него есть 3 дочери (но назвать их имена он не мог; сказал, что не знает).

Еще один арестованный китаец по имени Ван-Си-Шан родился в 1901 г., служил 12 лет в Красной Армии, заболел туберкулезом, женат был тоже на русской женщине (ее фамилия – Медведева).

И вот всех этих бедолаг Мурманский отдел НКВД собрал в кучу и отправил со спецконвоем на китайско-советскую границу. В первой партии убыли Джан-Цей-Чи (его дом в Мурманске был на ул. Либкнехта, 44-в), Ван-Зин-Хун (у него остались трое детей: Тамара – двенадцати лет, Миша или Борис (в документах разночтение) – семи лет и Валя – то ли пяти, то ли двух лет. Так как матери не было, их определили в Кировский детдом (вот еще одна трагедия!), Ва-Ци-Де (по адресу ул. Моряков, д. 15 остались жена – Дарья Пастухова и дочь Лиля), Чен-Чан-Ян (жил в поселке Дзержинского, д. 34).

Всех остальных – еще 7 человек – отправили чуть позже, в апреле 1935 г. Высылали китайцев через КПП 86-го разъезда Забайкальской железной дороги (станция Отпор).

В деле Дзен-Вен-Де обвинение звучало: «Является участником ликвидированной нами контрреволюционной националистической группировки из китайцев».

Таким образом, на вопрос: «Куда девались мурманские китайцы?» – можно ответить так: часть выехала по собственному желанию и «растворилась» где-то в глубинах России; часть была выслана в Китай (в основном те, кто сохранил китайское подданство); остальные погибли в ежовско-бериевских лагерях. Вот об этих несчастных вспоминал писатель Лев Разгон: «В ноябре 1938 г. к нам в лагерь пригнали 270 китайцев... Начальство поставило их на трелевку. Надо было по глубокому снегу доставлять бревна от делянки к дороге. 6–8–10 человек, в зависимости от кубатуры бревна, берут его на плечо и несут. Глаза вылезают из орбит, все мысли вылетают из головы, идешь, думая только об одном: скорее, как можно скорее свалить это страшное, давящее, убивающее... Больше недели такой нагрузки никто не выдерживал. А китайцы день за днем ровно, тихо и спокойно работали. Десять человек осторожно, размеренно несли бревно, в котором было почти две тонны... 269 китайцев умерли к февралю 1939 г., остался только один, который работал поваром на кухне».

Нам не известно, были ли среди окружения политзаключенного Л.Э. Разгона наши, мурманские китайцы, но одно бесспорно: их судьба в лагерях была почти такой же.

Вот имена (далеко не все) реабилитированных китайцев из Мурманска: Ван-И-Цун, Ван-Зи-Хун, Ван-Си-Шань, Ван-Сун-Си, Ван-Цин-Де, Джан-Пей-Чи, Ма-Ди-Тан, Ма-Дит-Хан, Тим-Хан-Хун, Цуй-То-Цай, Чен-Чан-Ян, Чжа-Зо-Мин, Чжан-Хи-Ху.

А ведь где-то живут их дети, рожденные в Мурманске. Где они? Каковы их судьбы? Где могилы умерших китайцев? Вот какие мысли промелькнули в голове, когда я прочитал в «Полярке» заметку о гуманитарной

помощи Северу в первой половине 1992 г. И очень удивился, что на первом месте из государств, оказывающих поддержку населению Мурманской области, был далекий от нас Китай. И мне захотелось хоть как-то отблагодарить этот большой и талантливый народ (а об этом я могу судить по личному опыту: в конце 50-х гг. я занимался «политграмотой» с китайцами в Мончегорске, где они проходили практику на «Североникеле»).

И пусть эта статья будет для китайцев нашими «спасибо» и «простите»...

Еще раз о мурманских китайцах

Ван-Сун-Си (по-русски – «Вася»)

После опубликования моей статьи «Шанхай на сопках Мурманска» («Полярная правда» за 9, 10, 11 февраля 1993 г.) тема о китайцах получила неожиданное продолжение. Во-первых, откликнулись старожилы Мурманска, видевшие в 20–30-е гг. своими глазами и «Шанхай», и китайцев. Во-вторых, нашлись потомки некоторых из упоминавшихся граждан Китая. Большинство из них уже не имеют китайских имен и фамилий, да и живут в разных концах государства Российского.

– Мой дед – Чен-Бин-Чен – родился в 1895 г. неподалеку от Мукдена. В годы Первой мировой войны завербовался на строительство Мурманской железной дороги. Работал, наверно, как и все чернорабочие: куда пошлют, что прикажут. После завершения Мурманстройки и его закрутила революция и Гражданская война: дед был в Красной Армии, потом работал (до 1922 г.) на Путиловском заводе в Петрограде.

Но, видно, Север ему понравился, и в 1923 г. он вернулся в Пулозеро, стал трудиться ремонтным рабочим в службе пути. Честного, исполнительного и смышленого китайца заметили на Пулозерской метеостанции и переманили к себе: сначала разнорабочим, потом наблюдателем-водоизмерителем.

У китайца Чен-Бин-Чена появились русские друзья (особенно семья Белых) и архангельская подруга (дед женился на уроженке города Пинеги Любови Федоровне Бенедиктовой, 1894 г. рождения).

...Мой собеседник, Евгений Васильевич Жарков, один из нынешних предпринимателей-коммерсантов, достал папку и положил на мой стол фотографию:

– Это снимок 1928 г. На коленях Чен-Бин-Чена сидит мой отец, тогда ему было три года (он родился в 1925 г.). Бабушка, Любовь Федоровна – жена Чен-Бин-Чена держит в руках младшего сына – Алексея. Между родителями стоит их старшая дочь – Валентина... Потом в семье появится еще один ребенок, девочка по имени Лидия.

Евгений Васильевич остановился, посмотрел на меня – что еще добавить? – и грустно продолжил:

– Деда арестовали (об этом мне рассказал отец) 28 мая 1937 г., обвинив в шпионаже, контрреволюционной деятельности и других грехах по 58-й статье. Потом вроде бы его выпустили – еле живого, голодного и избитого. По другим же данным, его осудили 17 ноября 1939 г., уволив перед этим с метеопоста (он стал работать грузчиком – ведь надо было кормить детей).

– Я даже не знаю, – добавил внук репрессированного, – чему верить: то ли рассказу отца (ему тогда было 13 лет), то ли свидетельству соседей, то ли документам о реабилитации.

...Я посмотрел на письмо из прокуратуры от 15 июня 1959 г. и, не зная, что ответить, пожал плечами:

– Сложное это дело – докопаться до истины. – И спросил собеседника:

– А каков же, по вашим источникам, конец Чен-Бин-Чена?

Евгений Васильевич выложил из папки еще одну справку, на этот раз из загса (№ 393): Чен-Бин-Чен умер в мае 1942 г. от энтероколита.

У меня остался последний невыясненный вопрос – о судьбе детей и внуков Чен-Бин-Чена. Оказалось, что семью «врага народа» выселяли в Алтайский край. Но Любовь Федоровна подняла всех детей на ноги.

Старший сын сейчас живет в Самаре, до этого жил в нашей области, работал, как и отец Чен-Бин-Чен, в метеослужбе (в Ура-Губе); после женитьбы взял фамилию супруги и стал Жарковым. В Мурманске у него остались и сейчас живут сын Евгений (мой собеседник) и дочь Нина (прописана на ул. Хлобыстова).

Младший сын Алексей затерялся где-то в Сибири. Ничего мне не сказали и о старшей дочери, кроме фамилии: Лебедева. А вот что касается младшей, то она живет в Апатитах. У нее есть сын Сергей, с ней всю жизнь была рядом мать, жена Чен-Бин-Чена.

Второй отклик на газетную публикацию пришел в виде телефонного звонка. Женщина из Мончегорска, находящаяся на лечении в областной больнице и назвавшаяся Ольгой Петровной («Ой, да зачем вам фамилия?!») рассказала, что до войны их семья жила в поселке Малая Сопча, рядом с домиком китайца Ван-Сун-Си («Наверное, того, о котором Вы упомянули?»):

– Это рядом с сопчинской баней. Жена Василия Ивановича (так его звали соседи и сослуживцы) была русской. Так как Ван-Сун-Си работал поваром в столовой или ресторане, то они жили по сравнению с другими богато и, главное, сыто. И нам, соседским мальчишкам и девчонкам, от дяди Васи или тети Шуры кое-что перепадало: то кусок пирога, то сдобная булочка или конфетка.

Исчез сосед как-то внезапно: смотрим, нет и нет Василия Ивановича, а потом не стало и тети Шуры. А по поселку полз слушок: «враги народа», «японские шпионы»...

Вот я Вам и звоню: может, Вы поищете документы да оправдаете перед мончегорцами этих китайцев?

Я, как мог, ответил по телефону, что история уже реабилитировала их, да и суд оправдал тоже. Но желание поближе познакомиться с еще одной судьбой победило. Наши архивисты (спасибо Елизавете Павловне Сергеевой и Наталье Николаевне Галактионовой) помогли найти следственное дело № 2436, недавно переданное из архивов КГБ.

И вот что там я обнаружил...

Ван-Сун-Си (я даю написание фамилии по документам, сейчас пишется иначе: Ван Сунси) родился в бедной крестьянской семье китайской деревни Идо (губерния Шаньдунь) в 1891 г. Еще подростком уехал в Россию, где нашел работу по кулинарной части во Владивостоке и выучил русский язык. В Первую мировую войну работал поваром у дальневосточного предпринимателя и купца Меркулова, в 20-е гг. обслуживал английскую таможню.

Советско-китайскую границу перешел нелегально в 1927 г. – как видим, не все мурманские китайцы были из строителей железной дороги «образца 1916 года».

В декабре 1927 г. Ван-Сун-Си объявился в Кандалакше, где искал земляка Ван-Юн-Ли, к которому у него было рекомендательное письмо. Ван-Юн-Ли приютил беженца из Китая, но с устройством на работу было тяжело – пришлось походить в безработных. Но потом нашлась вакансия повара в столовой Кандалакшского лесозавода, и дело пошло на лад. Ну а дальше все шло как и у других: «Рыба ищет где глубже, а человек где лучше». В 1929 г. – столовая ТПО (транспортно-потребительское общество) на ст. Кандалакша, с осени 1930 г. – столовая локомотивного депо ст. Мурманск. Потом повар Ван-Сун-Си пошел в море: сначала на зверобойном судне, затем на пароходе «Крестьянин».

Одно время Ван-Сун-Си жил в Хибинах, там, по-видимому, вступил в ВКП(б) и получил русское подданство (вот тогда его и записали: Василий Иванович). И наконец, где-то в 1935–1936 гг. судьба забросила его в Мончегорск: здесь у него появились 28-летняя жена (Александра Алексеевна Вахрушева), свой дом (по адресу: Малая Сопча, 33), престижная работа шеф-повара в столовой – ресторане (в соцгороде).

Но пришла «ежовщина», и началась фактическая облава на иностранцев. 20 февраля 1938 г. ночью оперуполномоченный Мончегорского отделения НКВД Аграновский заявился в дом китайца с обыском и ордером на арест. Предъявленное обвинение – шпионаж в пользу Японии (разве это не дикость?).

На допросах Ван-Сун-Си «признался», что он передавал некоему японскому агенту Ха-Ко-Лу в Петрозаводске секретные сведения о пропускной способности железнодорожных узлов Кандалакша, Кировск, Мончегорск и Мурманск (количество путей, водокачек, движение поездов и т.д.), а также о производственных мощностях комбината «Североникель», треста «Апатит», Мурманского торгового порта.

Есть в следственном деле и другие детали, выдуманные следователями: например, что за свою «шпионскую» работу Ван получил деньги (3 000 рублей), что он завербовал в Кировске еще одного китайца – Ван-Хе-Ю (кстати, тоже повара). Было и вообще несуразное обвинение: «Систематически подбрасывал в пищу битое стекло, гвозди...»

В общем, Василий Иванович Ван «тянул» по двум пунктам (6 и 9) 58-й статьи и его приговорили к расстрелу (приговор приведен в исполнение в Ленинграде 20 мая 1938 г.)...

Пусть эта история и будет моим ответом на просьбу мончегорцев, помнящих китайца Василия. (Интересно, почему уроженцы Китая так любили в России это имя – Вася? Кто-то меня убеждал, что это от названия популярной на Дальнем Востоке рыбы – иваси. А может, они знали греческое происхождение слова: Василий – «царь»?)

В заключение несколько новых фактов, связанных с «китайской проблемой» на Мурмане и обнаруженных в самое последнее время.

1. Работая в областном архиве загса, встретил несколько записей о смерти китайцев в 30-е гг. Вот одна из них: китаянка Людмила Ван-Си-Тин умерла в младенческом возрасте 30 июня 1934 г. Ее родители жили в Мурманске по адресу: Кильдинский пер., д. 18-а, кв. 7 (кстати говоря, в Мурманске был тогда и Нанкинский поселок).

2. В том месте, где в предыдущем материале я писал о китайцах 1917 г., надо бы упомянуть, что во время большого пожара на пароходе «Нигерия» погибли 22 китайца.

Совсем недавно в газетах промелькнула информация «Опять в гостях китайцы». В ней сообщалось, что на Северный флот прибыла вторая делегация военных моряков Китая, которую возглавлял контр-адмирал Хэ Пэнфей. Делегация ВМФ НОАК побывала в гарнизонах, присматривая, что можно приобрести из российского морского вооружения и техники.

Как видите, китайская тема в истории Мурмана имеет продолжение.

Немцы на Мурмане

Когда поет вокальная группа мурманчан «Guten Abend», туристы из Германии удивляются: надо же, на далеком российском Севере, оказывается, любят и знают немецкий фольклор! В самой Германии эти песни уже не столь популярны, да и не все немцы их знают. Участники ансамбля – люди увлеченные, возрастной состав группы – от студентов до пенсионеров. Все они являются членами русско-немецкого центра, который был создан в Мурманске в 1997 г. при поддержке генерального консульства Германии в Санкт-Петербурге и министерства иностранных дел Германии. Он является филиалом Русско-немецкого центра встреч при Петрикирхе, что действует в Санкт-Петербурге. Основными видами деятельности центра являются мероприятия, направленные на сохранение культурного наследия российских немцев, распространение языка и культуры в Северо-Западном регионе России.

Непросто было поначалу разыскать этнических немцев, осевших в Кольском Заполярье. Непросто было, разыскав, объединить их. Некоторые отнеслись к новому делу с недоверием, решили понаблюдать со стороны. Другие с радостью пришли в центр, сплотивший их не только по национальному признаку, но и по родству душ. Люди познакомились, стали друзьями. Используя свои профессиональные знания и умения, они оказывают друг другу юридическую, врачебную, прочую помощь. Семьи обмениваются литературой на немецком языке, кулинарными рецептами национальной кухни, периодическими изданиями, аудио-, видеокассетами на немецком. Но главное, что несколько раз в неделю заставляет людей собираться здесь вместе установившаяся в центре атмосфера доброжелательности, возможность интеллектуального и творческого общения.

Тем не менее многие, подучив язык и успешно сдав языковой тест при генконсульстве Германии в Санкт-Петербурге, отбыли на историческую родину. До сих пор добрым словом вспоминаем мы семьи Рейнгард, Гешеле, Альбрандт, Палазник и многих других. Они принимали самое активное участие в праздновании Рождества, Пасхи, в других мероприятиях центра. И взрослые, и дети помнят Аню Рейнгардт. Эта милая девушка могла найти общий язык с людьми любого возраста, она вела за собой, увлекала интересными делами. Веселая и изобретательная, на праздниках она всегда появлялась то в роли фокусника, то – снеговика, а то – пасхального зайца. Сейчас (речь идет о 1993 г. – *А.К.*) Анна – студентка университета в Гамбурге. Но связей с мурманским центром она не теряет, присылает письма и фотографии, рассказывает о своей жизни.

Вечера, концерты, на которых звучит немецкая классическая музыка, стихи немецких поэтов в переводах и на языке оригинала, романсы, баллады, песни собирают много желающих поближе познакомиться с немецкой

культурой. И это не только члены центра, но и просто жители Мурманска. Кстати, и бесплатные курсы немецкого языка, которые действуют при центре, также могут посещать все желающие – и взрослые и дети. 2 раза в год в Ленинградской области проводятся лингвистические лагеря, где дети могут и отдохнуть, и отточить свое знание немецкого языка. Мурманские дети также бывают участниками этих лагерей.

Особого внимания заслуживает проводимая в центре работа с молодежью. Наш центр тесно сотрудничает с Мурманским гуманитарным институтом, футбольными клубами «Феникс» и «Спартаю», средней школой № 1 города Полярного. Есть у нас также старый испытанный партнер – Баварский футбольный союз. Ежегодно группа мурманских студентов по приглашению немецких друзей выезжает на 2–3 недели в Аугсбург. Юные футболисты из мурманского «Спартака» приняли участие в турнире, проходившем в Баварии.

Учиться и работать в Германии? И в этом вопросе может помочь центр. Различные стипендии и гранты для студентов, годичная работа гувернанткой в немецкой семье, волонтерские программы для тех, кто хочет и с Германией познакомиться, и время с пользой провести. По волонтерским программам мы сотрудничаем с молодежной организацией иезуитов «Европейское трудовое товарищество волонтерской службы и социальных проектов». Эта организация является признанным носителем идеи свободной молодежной помощи. В настоящее время в проект вовлечено 21 государство. Выпускница Мурманского государственного педагогического института Наталья Макшакова работала в рамках этого проекта представителем России в городе Аахен. Опять же в рамках проекта мы можем ежегодно отправлять на работу в Германию 2 человек сроком на год.

Новое направление международной работы центра – организация практики для иностранных студентов и преподавателей в Мурманске. Так, в прошлом году у нас практиковались 3 студента из Германии и преподаватель из Швейцарии. Разумеется, все практиканты принимают активное участие в жизни центра. В этом учебном году мы планируем открыть курсы немецкого языка в Полярном.

Осуществление всей многоплановой работы становится возможным благодаря финансовой поддержке Общества по техническому сотрудничеству (GTZ), генерального консульства Германии в Санкт-Петербурге и министерства иностранных дел Германии.

Мы открыты для новых друзей, присоединяйтесь к нам!

Так я писал о Мурманском филиале Русско-немецкого центра 15 лет назад. А теперь добавлю краеведческие материалы, добытые на тему «Немцы на Мурмане» в последнее время.

Вот только один из них, появившийся в газете «Мурманский вестник» 30 июля 2008 г.: «Неподалеку от Апатитов начал работу недельный русско-немецкий образовательный лагерь “Восток-форум”. На Кольском

полуострове он проводится уже в третий раз. Организаторами традиционно выступили региональная общественная организация "Гуманистическое движение молодежи", Фонд Розы Люксембург (Германия), Форум демократической молодежи Бранденбурга (Германия) при поддержке областного управления по делам молодежи.

В этом году мероприятие объединило 36 человек в возрасте от 18 до 35 лет. Они будут обсуждать общественно-политические проблемы России и Германии. Каждый участник подготовил свою программу: мастер-класс, семинар, дискуссию, выставку или экскурсию. В рамках работы лагеря молодежь побывает на крупнейших промышленных предприятиях нашего региона – комбинатах "Североникель" и "Апатит", а также в Кольской ГМК».

...По переписи населения, которая проводилась в январе 1989 г. на территории Мурманской области, здесь проживали 1 454 северянина немецкой национальности. По предыдущей переписи – 1979 г. – их насчитывалось 980. А за 20 лет до того, тоже по официальным переписным данным, немцев на Кольском полуострове было еще меньше – 345 человек.

Читателям, думается, будет интересно поближе познакомиться с этой национальной группой населения, узнать подробнее его историю. «Интерес к истории и современной жизни немцев Кольского Севера проявляет и официально зарегистрированная общественная организация – общество немцев «Эрика», объединившее несколько десятков жителей немецкой национальности Кировска и Апатитов.

О, сколько немецких имен и названий!

Еще в 50-е гг., когда я только начал заниматься краеведением, меня удивило наличие в истории мурманского края множества фамилий, похожих на германские: Миддендорф, Литке, Рейнеке, Энгельгардт и другие, а также число топонимов, начинающихся словом «немецкий».

Что касается фамилий, то можно предположить, что все эти люди или большинство из них были, так сказать, «пришлыми». Это выходцы из Германии, служившие России или приезжавшие изучать ее северные окраины. За исключением, пожалуй, губернатора А.П. Энгельгардта.

Не утверждаю, но вполне допускаю мысль, что выходцами из Германии были далекие предки и таких ученых, работавших уже в XX в. на Кольском полуострове и в морях, его омывающих, как В.Ю. Визе, Ф.Д. Плеске, П.Б. Риппас, Г.Д. Рихтер, А.Е. Ферсман, М.П. Фивег, О.Ю. Шмидт и др.

Относительно немецких наименований на Кольском полуострове можно упомянуть две немецкие губы: одна у Иоканги, другая на Белом море; три немецких острова: два на Туломе, один у Дальних Зеленцов. И, кроме того, немецкие островки возле Рынды. Есть несколько немецких ручьев: два впадают в Поной, один – в Белое море. Кроме того, Немецкая гора, Немецкий наволок, Немецкий порог...

«Географический словарь Кольского полуострова», изданный в 1939 г. под руководством профессора В.П. Вощинина, упоминает 12 «немецких» наименований, тогда как названий с эпитетами «финский», «норвежский», «шведский» в словаре нет. Да и слово «русский» в топонимах-гидронимах упоминается всего 3 раза: Русское озеро, Русский ручей, Русская губа.

Почему же население Кольского Севера увековечило «немецкие» названия? Ведь, как известно, больших групп немцев, постоянно здесь проживавших, никогда не было.

Обратимся к книге Ивана Федоровича Ушакова «Кольская земля». Повествуя о 1320 г., он приводит цитату из летописи: «Лука ходи на мурманы, и немцы избиша ушкуй Игната Малыгина». А в пояснении сказано: «Немцы – иноземцы, в данном случае – норвежцы».

В рассказах о Варзуге XV в. тот же автор пишет, что неподалеку «находится так называемая "немецкая падь", где, по преданию, были похоронены 40 немцев, убитых в бою варзужанами».

Так же, в кавычках, характеризует немцев собирательница саамских сказок Евгения Яковлевна Пация. В одном ее сборнике есть три сказания на эту тему: «О нашествии "немцев" и саам-богатырь», «Как колдунья спасла саамов от "немцев"» и «О нашествии "немцев" и о том, как саамы хитростью избавились от них».

Вот отрывки из этих сказок:

«Был большой "немецкий" нагон. Хотели "немцы" разграбить погост, в Воч-губе рыскали кругом да около...»

«Шли "немцы" нагоном грабить и убивать саамов. Саамы убежали в Хибины...»

«Пришли в саамскую сторону "немцы", стали грабить и убивать».

А вот как объясняет эту топонимическую ситуацию А.А. Минкин: «Со шведами, норвежцами или финнами, приходившими с целью грабежа или ловить рыбу близ Мурманского берега, связано немало топонимов. В основе всех их лежит слово "немецкий"».

И далее он пояснял: «Немцами русские называли обычно всех иноземцев – неславян, при этом финнов называли большей частью каянами. Саамы же именовали иноземцев чудинами, или чудью, а шведов – руц».

Вот и понятно, откуда на Мурмане так много «немецких» названий.

В начале века...

Сколько немцев было на Мурмане до революции, мы даже приблизительно не знаем. Известны лишь некоторые имена. Так, наши краеведы Б.И. Кошечкин, В.В. Сорокажердьев, И.Ф. Ушаков не раз вспоминали Германа Гёбеля, ученого и предпринимателя, который в 1883–1890 гг. возглавлял «Первое Мурманское китобойное и иных промыслов товарищество».

Иван Федорович Ушаков писал, что капитал этой фирмы составлял 300 тыс. рублей, что «большую часть этих средств он получил у гамбурского банкира Понтопедана на довольно тяжелых условиях – "под 12% за лето"».

По-видимому, выходцами из Германии были также предки Л.Л. Брейтфуса, преемника Н.М. Книповича по «Экспедиции для научно-промысловых исследований Мурмана», много сделавшего для изучения нашего края на рубеже XIX и XX вв.

Судьба этих двух исследователей Кольской земли неодинакова: первый (речь идет о Гёбеле) умер в России в 1920 г., а второй в марте 1920 г. уехал в Западную Европу, где и работал до своей кончины в 1950 г.

Более 25 лет своей жизни отдал Мурманскому Северу еще один выходец из Германии – Герман Августович Клюге (1871–1956). В 1908 г. он стал директором Мурманской биологической станции в Александровске (ныне Полярный) и превратил ее в центр научного изучения северных морей. Александровск стал «меккой» для биологов и ихтиологов, для ученых-океанографов и студентов российских университетов. Г.А. Клюге выписывал европейские научные журналы, в том числе много изданий из Германии, переписывался с океанологами всей Европы.

Когда началась Первая мировая война, Клюге арестовали по подозрению в «шпионаже» в пользу Германии. Александровский исправник в обоснование ареста приводил два «убийственных факта». Первый – поступление множества иностранной корреспонденции. Второй – световые сигналы, якобы подаваемые с берега немецким подводным лодкам. За «вражеские сигналы» полицейские чины принимали свет фонаря «летучая мышь» при осмотрах метеорологических приборов: каждые четыре часа записывались показания термометров, барометра, анемометра...

О том, что немцев после начала войны с Германией выселяли из приграничной зоны, Герман Августович знал, но надеялся на защиту Российской Академии наук. Но то, что его обвинят в шпионаже, вывело его из себя.

Так или иначе, Клюге был возвращен в Александровск, где дожил до Октябрьской революции, пережил интервенцию и Гражданскую войну, начал восстановление станции в годы нэпа.

Он нашел общий язык с новой властью, много работал и печатался. Отчитываясь перед общественностью Александровска, он получил благодарность, а в 1924 г., когда широко отмечалось 25-летие Мурманской биологической станции, ему было присвоено звание Героя Труда.

Война и мир

Немало немцев служили на кораблях флотилии Северного Ледовитого океана в последние годы Первой мировой войны. Крейсером «Варяг», например, командовал Ден Первый. На «Аскольде» также несколько немцев служили на офицерских должностях.

До революции 1917 г. недовольство русских нижних чинов немцами-офицерами в большинстве случаев скрывалось, но после падения царизма ситуация изменилась. Командир «Аскольда» К.Ф. Кетлинский весной 1917 г. ходатайствовал о списании с корабля старшего лейтенанта Патерсона, лейтенантов Ландсберга и Ланга как «подозреваемых частью в симпатиях к старому строю, частью даже к Германии».

С крейсера «Варяг» в это же время списывали лейтенантов Гессе и Вунга.

И на берегу отношение к немцам после начала мировой войны резко изменилось и стало почти сплошь отрицательным. Немцев обвинили в блокаде и голоде, в жертвах и лишениях.

Тем не менее, несколько мурманских «активистов» с немецкими фамилиями «пробились» к власти в 1917 г. В Военный Совет Кольского укрепленного района был избран капитан 2 ранга Лютер, а начальником милиции Мурманска назначили некоего Эрна.

Особенно возросла неприязнь к немцам на Русском Севере после ряда варварских актов германских военных моряков. В мае 1918 г. немецкие подводные лодки потопили в Баренцевом море несколько русских рыболовных и коммерческих пароходов, в том числе и грузопассажирское судно «Федор Чижов». Погибло несколько десятков человек из числа мирных пассажиров. Возмущение немцами стало всеобщим. Еще более подлило масла в огонь сообщение о высадке немецкого корпуса на юге Финляндии и продвижении его на север.

Именно эта ненависть к немцам, проявившаяся в период февральского референдума по вопросу о переговорах в Брест-Литовске, и помогла «союзникам» навязать Мурману свою помощь.

Еще один акт напряженности в отношениях с Германией относится к концу июля 1921 г., когда вдруг ни с того ни с сего в Кольский залив вошла немецкая эскадра. Несколько крупных военных кораблей (16 вымпелов) без оповещения и получения согласия нарушили советские территориальные воды. Наши пограничники не знали, как им поступить. Да и что сделаешь с трехлинейкой против океанского корабля? Но Мурманску они сообщили о немцах сразу. Был получен приказ открыть огонь береговой артиллерии. Немцы ответили тоже огнем, но, видно, благоразумие победило – эскадра развернулась и ушла на север. А в Мурманске началась мобилизация частей особого назначения (ЧОН), усилилась охрана порта, мостов, железной дороги. Край был объявлен на осадном положении.

Но в целом 20-е гг. в отношении Германии и России оставались мирными. Немцы вели переговоры о создании на Мурмане рыболовных и зверобойных концессий, присылали в Баренцево море десятки траулеров для ловли камбалы и сельди. Океанограф В.А. Васнецов вспоминал об одной такой совместной «рыбалке»: «Маленький немецкий тральщик с розовой

трубой то плавно поднимается на огромной пологой зяби, то проваливается так, что только мачты торчат над морем».

Немецкие океанографы и ихтиологи из института «Дойче Зеерварге» сотрудничали с учеными Мурманской биологической станции. В 1927 г. германское исследовательское судно «Посейдон» заходило в Александровск. Немецкие дирижабли летали над Русской Арктикой.

Сотрудничали немцы и русские и в других сферах. Закупались германские траулеры, немецкое оборудование устанавливалось на АНОФ-1 Хибиногорска.

В 20-е гг. число немцев на Мурмане несколько выросло за счет специалистов, прибывших из Германии по контрактам. К их числу относились архитектор Э.М. Биттерлик, группа механиков и тралмейстеров, приехавших для обслуживания траулеров, построенных в Германии. Были даже матросы из немцев. По нашим данным, в Севгосрыбтресте работали 6 человек.

В годы репрессий

И все же немцев среди населения Кольского полуострова в период между Первой и Второй мировыми войнами было немного. Поэтому в статистико-экономическом описании Мурманского округа, изданном в 1929 г., в разделе «Население» о немцах не говорилось ничего.

Новый приток русских немцев на Кольский полуостров произошел после убийства С.М. Кирова. Из Ленинграда и других крупных городов стали выселять бывших дворян, аристократов, всех подозрительных, в том числе и так называемых «инонационалов». Они расселялись в Кировске и Кандалакше, в поселках железнодорожников и лесозаготовителей. Многие устраивались учителями в школах, где главным иностранным языком был немецкий, а преподавать его было некому. Именно так появились немцы-учителя в школах Мончегорска, Умбы, Кировска, Мурманска.

Судьба немцев, высланных административно на Кольский полуостров или добровольно прибывших сюда в годы индустриализации СССР, оказалась незавидной. Значительная часть их была арестована «как германские шпионы» и расстреляна. Многие были осуждены на длительные сроки заключения.

Вот только несколько фамилий из длинного списка репрессированных: М.Я. Брувштейн из Мурманского бюро погоды, Рудольф Вольмар – путевой мастер Кировской железной дороги, Иосиф Эдуардович Вергель – изыскатель «Колэнерго», Федор Казимирович Бич – грузчик из Кировска, Адам Адамович Икерт – электромонтер и его брат Григорий Адамович – повар, их отец Икерт Адам Федорович – бухгалтер из Кировска, чернорабочий из Хибин Роо Федор Федорович, М. Д. Фарбер из Зашейка...

А два имени репрессированных обнаружены буквально только что. Это Гардер Эдвин Генрихович из Кандалакши, арестованный в 1938 г. в связи с «польским заговором» (дело Топольского и др.), и Вебер Яков Генрихович, 1908 г. рождения, выходец из немцев Поволжья, продавец мясного магазина в Мурманске, проживавший на пр. Ленина, д. 69, кв. 7 (расстрелян в Ленинграде).

Те же, кто чудом уцелел в ежовско-бериевской мясорубке 1936–1938 гг., перед войной были депортированы из области в глубь страны. Среди депортируемых «инонационалов» каждый десятый был немцем. Вот несколько имен преследуемых: Веткер Генрих Густавович – пекарь Кировской железной дороги, Бухгольд Густав Эдуардович – моторист Умбского рыбозавода, Гардинг Рихард Иогансович – штурман тралфлота.

В годы Второй мировой...

К началу 1941 г. представителей немецкой национальности на территории Мурманской области в числе ее жителей фактически не осталось. Часть выселена в восточные районы СССР, другая часть арестована и находилась в лагерях и тюрьмах, многие расстреляны как «враги народа». И хотя русские немцы продолжали служить в Красной Армии, им приходилось нелегко: именно тогда командир 260-й авиадивизии Г.А. Рейфшнейдер стал Калугиным.

Когда началась Великая Отечественная война и немецкая армия генерал-полковника Н. Фалькенхорста двинулась на Мурманск, Полярное, Кандалакшу, все немцы для мурманчан стали одноцветно «коричневыми»: извергами, убийцами и палачами.

Что касается гитлеровских вояк, то они такими и были. Считая себя «суперменами», русских они иначе не звали, как «варвары», «недочеловеки», «русиш швайн». Об отношении немцев к нашим военнопленным рассказал мурманчанин А.А. Синклинер: «Мученическую смерть принял разведчик Р.П. Козлов, в прошлом кандалакшский рабочий. В бою он был ранен в живот, истек кровью, силы оставили бойца. Немцы взяли его, когда он был еще жив. Его мучили, выламывали пальцы, резали тело ножами. Но и этого было мало "цивилизованным" людоедам. Они положили Козлова на зажженные термитные шашки и придавили бревном».

А вот что вспоминает другой наш земляк: «Ветераны дивизии (речь идет о 104-й стрелковой дивизии, воевавшей под Кандалакшей. – *А.К.*) рассказывали, что в первые месяцы войны фашистские военнопленные вели себя так, словно не они у нас в плену, а мы – у них. Уверенные в своей скорой победе, немцы были наглы, высокомерны и на свое пребывание в плену смотрели как на нечто противоестественное».

Но вот отгремели бои под Сталинградом, на Курской дуге – и настроение «завоевателей» в Заполярье изменилось. Воинственный дух и

уверенность в победе поколебались, чувство растерянности и усталость все чаще стали посещать души германских вояк. Угнетающе действовали на немцев и их оторванность от Германии, и суровые климатические условия Крайнего Севера.

Вот что писал, к примеру, немецкий солдат, отец которого погиб в России в Первую мировую войну, своей матери в Берлин из Заполярья в 1944 г.: «Дорогая мама! У нас очень нервная обстановка. Боюсь, что даже мой отец не переживал того, что предстоит нам... Русские не дают нам жизни. Я теряю голову от страха. Мне обещали отпуск. Но доживу ли я до этого дня? Мама, нас здесь очень плохо кормят. Я забыл вкус яиц...»

Но ни приехать в отпуск, ни попробовать домашних яиц этому солдату не пришлось: его убили в бою, а его документы и это неотправленное письмо попали в разведотдел штаба нашей дивизии.

С 1943 г. участились случаи добровольной сдачи немцев в плен, выросло число перебежчиков, но массового перехода на нашу сторону немцев в Заполярье не было до конца войны. Считалось большой удачей, когда 9–11 сентября 1944 г. перед Куолаярви было взято в плен сразу более сотни немецких вояк.

Мы не будем подробно останавливаться на теме «Немцы в плену», так как затронули ее в другой публикации. Скажем лишь: тем германским воякам, что оказались в русском плену, крупно повезло. Плохо ли, хорошо ли, но в лагерях военнопленных они не могли умереть от шальной пули или разрыва гранаты, от авиационной бомбы или артиллерийского снаряда. И нормы довольствия в лагерях были хоть и не роскошными, но не такими уж мизерными, как казалось самим пленным. Вот что получал по норме ежедневно пленный немец: 600 г ржаного хлеба, 90 г крупы, 40 г мяса, 120 г рыбы, 20 г сахара, 600 г овощей. Ежемесячно ему полагалось 5 пачек махорки, 5 коробков спичек, 200 г мыла.

Другое дело, что часто эта норма оставалась на бумаге. Многое разворовывалось на пути от склада до котелка. И с бельем в лагерях дело обстояло плохо. Как и с посудой...

Умирали пленные немцы не столько от голода, сколько от старых ран и болезней – последствий пятилетней войны начиная с 1939 г., а также от депрессии, сурового климата и тоски по родине.

К тому же надо иметь в виду, что различные категории немцев находились в плену в разных условиях: в штрафных ротах было совсем несладко, в общих лагерях – полегче, а расконвоированным еще легче. Часть немцев находилась вообще в рабочих батальонах и лагерях интернированных.

Вот что недавно написал в редакцию газеты председатель Кандалакшского патриотического объединения «Поиск» А. Макаров:

«Один из жителей города нам сообщил следующее. В первые послевоенные годы (1946-й или 1947-й) в одну из казарм военного городка в по-

селке Лупче-Савино (под Кандалакшей) осенью завезли группу гражданских немцев – мужчин и женщин. Они были одеты по-летнему легко. Казарму огородили колючей проволокой и превратили в лагерь или тюрьму. За зиму многие умерли. Их хоронили в общей могиле (яме) на территории тюрьмы, а некоторых – на одной из ближайших сопок».

Конечно, в этой информации больше вопросов, чем ответов. Но, на наш взгляд, речь идет как раз о РВ-460 или лагере интернированных № 513.

В первые послевоенные...

В конце 40-х гг. лагеря военнопленных и интернированных на территории Кольского полуострова ликвидировали. Те, кто «искупил» свою вину за войну с русскими, уехали домой. Кто умер в течение 1944–1949 гг., остались лежать в тундре. А за кем числились военные преступления, отбывали сроки заключения или ссылки, пока их не «выручил» канцлер Аденауэр.

Но была в Мурманской области еще одна группа ссыльных немцев – гражданских, российских. В 1952 г. их насчитывалось около 20 человек. Можно назвать их имена: А.И. Венинг, Г.П. Винц, О.В. Войтенукас, З.И. Гек, Ф.А. Грибель, А.А. Еккель, К.А. Кимеле, П.П. Кригер, Г.К. Кюн, Я.Я. Лауг, Т.П. Лоухман, А.Ф. Мартин, Ф.П. Мюллер, Д.К. Неб, В.Ф. Неер, И.И. Христиан, Э.Г. Шлюнд, А.Я. Шмирер, М.Я. Штеер, Г.К. Энс. Все они проживали в южной части Кольского полуострова.

В отношении осужденных на вечное поселение в Кандалакшском районе в 1952 г. было принято (не знаем, по чьей инициативе) решение о возможности их воссоединения с семьями, находящимися в других регионах страны. Несколько человек (З.И. Гек, Ф.А. Грибель, Э.Г. Шлюнд) дали согласие поехать на Алтай, другие (Д.К. Неб, Я.Я. Лауг) – в Казахстан, третьи (И.И. Христман, А.Я. Шмирер, П.П. Кригер, Т.П. Лоухман) воссоединились с семьями, жившими в центральной части России. Но несколько человек решили остаться на Севере. Это В.Ф. Неер, А.Ф. Мартин, Г.К. Энс, женщина с длинной фамилией Ф.П. Мюллер-Сендецкая-Слипенчук-Сущенкова.

Кстати говоря, все ссыльные немцы в Мурманской области были высококвалифицированными специалистами. Г.К. Кюн работал геодезистом, А.А. Еккель – бурильщиком, Г.П. Винц – машинистом экскаватора.

После смерти Сталина и ликвидации системы ГУЛАГа большинство немцев разъехались кто куда. И тем не менее управление МВД по Мурманской области, отчитываясь за 1955 г., сообщало, что среди ссыльных на Кольском полуострове были 12 немцев, 2 татарина из Крыма и по одному поляку и украинцу-оуновцу.

Приблизительно в то же время (во второй половине 50-х гг.) начался еще один процесс миграции немцев на Север. Обратно на Кольский полуостров вернулась часть тех, кто был депортирован в канун Второй мировой войны. Это были немцы, которым жизнь на Кольском полуострове казалась лучше, чем в местах высылки, и которым больше некуда было уехать из Сибири или Казахстана. Ехали на Мурман и немцы-специалисты, ведь тогда здесь развернулась огромная стройка. Вот так и получилось, что с 1959 по 1989 гг. численность немцев в нашей области увеличилась более чем в 4 раза. Это без учета тех, кто стал регистрироваться русским и украинцем, и тех, кто, женившись на русских девушках, взял их фамилию.

Наши дни

Прошли годы. Ушли в мир иной почти все, о ком упоминается в этом очерке. Лежат в разных – и чаще всего неизвестных – местах русской земли репрессированные при Сталине немцы. Сгнили в приполярной тундре останки погибших фашистов. В 90-е гг. на места боев 1941–1944 гг. приезжали горные егеря корпуса генерала Эдуарда Дитла. Время сгладило чувство ненависти к бывшим захватчикам. Да и многие из них тогда не ведали, что делали.

Жизнь продолжается. И русские, и немцы существуют, живут, работают, думают и... даже пишут. Так, в одной из наших газет в 1973 г. появилась сенсационная информация «Подземный пленник». В ней говорилось: «Как стало известно из неофициальных источников, в Мурманске при проведении взрывных работ на строительстве одного из новых микрорайонов обнаружен подземный ход, ведущий в бомбоубежище, построенное пленными немцами в годы минувшей войны.

Когда строители расчистили завалы и проникли в само бомбоубежище, их удивлению не было предела: в помещении, битком набитом консервами, концентратами, спиртным и другими продуктами, обмундированием, оказался человек примерно семидесяти лет от роду.

Как удалось выяснить, это, по всей видимости, один из строителей убежища, случайно оставшийся там и не сумевший выйти на поверхность в результате завала входа во время бомбардировки города.

Вентиляция, проведенная в бомбоубежище, а также избыток продуктов позволили жильцу подземелья все эти долгие годы жить, не нуждаясь ни в чем. Имелась тут и автономная дизельная электростанция.

Вот одичал он, правда, изрядно. Невозможность общаться с людьми привела к тому, что он почти утратил способность говорить и на все вопросы его спасателей лишь отвечал: "Vartranen sie nistandem hente".

Пока трудно сказать, сможет ли он вернуться к нормальной жизни. Но медики не исключают подобной возможности».

Но шутки шутками, а немцы на Кольском полуострове есть, и не одичавшие, о чем говорит другая заметка, опубликованная в «Полярной правде»: «Больше года жители Кировска немецкой национальности собираются в небольшой комнате городского Дворца культуры, чтобы пообщаться, вспомнить традиции предков. Оказывается, немногие хорошо знают родной язык. Поэтому члены клуба большое внимание уделяют практической речи. В планах общества – приобщение детей к культуре прародины, обмен визитами с германскими друзьями, возрождение национальных традиций».

То, что хибинские немцы объединились в гуманитарное общество, – это хорошо. Но помимо той практической работы на выживаемость, что проводится под эгидой ТОО «Надежда» «Эрикой», нужно и осмысление прошлого, необходимо написать историю кольских немцев, познакомить с ней не только кировчан, апатитцев, всех мурманчан, но и сородичей из Германии. Что для этого нужно бы сделать?

Первое: создать немецкие землячества во всех крупных городах и районах области. Собрать банк данных на всех немцев, безусловно, на добровольной основе и только для себя.

Надо составить списки репрессированных, депортированных, расстрелянных в годы культа личности Сталина. Возбудить ходатайство об их реабилитации, если такового еще не было.

Второе: следует попытаться проследить судьбу тех, кто выехал с Мурмана, может быть, помочь им каким-либо образом.

Третье: Гуманно было бы навести порядок на воинских немецких захоронениях времен Второй мировой войны (там, где они сохранились) и поставить памятные знаки на ликвидированных кладбищах военнопленных. И надо быть готовыми ответить на запросы немецких граждан о том, где похоронены в нашей области их деды, отцы, родственники.

Могут появиться и другие проблемы: изучение языка в школах, создание специальных библиотек, поездки в Германию.

Все они будут решаться легче, если немцы Кольского полуострова решат действовать сообща, в рамках конституционных законов, настоящей демократии и полной гласности.

Поляки на Русском Севере

Не очень давно у Мурманска появился еще один побратим – польский портовый город Щецин. Возможно, это выведет международные связи нашего областного центра на новый уровень, расширит их и укрепит. Но это – перспектива, будущее.

А что было в прошлом в истории русско-польских отношений? Думается, в этой связи небезынтересно будет полистать те страницы истории, на которых запечатлены события, связанные с появлением поляков на Русском Севере.

Итак...

...Казалось бы, далеко от Польши до приарктических районов России, но жизнь показывает всевозрастающую и всеобщую взаимосвязь цивилизованного мира и укрепление контактов разноудаленных друг от друга народов и стран.

Способствует взаимопроникновению культур и движение породненных городов. Налаживающиеся связи между русским Мурманском и польским Щецином заставили более детально вглядеться в русско-польские отношения. И не вообще – по линии Москва – Варшава, а в частном плане: Польша и Русский Север.

И первый вопрос, который возник у меня как автора, был такой: а много ли в Мурманской области поляков?

И вот что выяснилось...

По переписи населения СССР 1959 г., в нашей области проживало 1 804 поляка. Много это или мало, судить трудно, но поляков было больше, чем коренных жителей Кольского полуострова – саамов (их тогда было всего 1 687 человек).

По данным очередной всеобщей переписи, в 1979 г. поляков было чуть меньше – 1 762 человека. А по переписи населения 1989 г., на Кольском полуострове постоянно жили 1 836 поляков.

И тут же встал еще один вопрос: откуда взялись эти «мурманские» поляки? И вот что мы выяснили.

В начале века...

Первые поляки, появившиеся на Мурмане, были, по-видимому, из «племени ссыльных». Как известно, в канун русской революции 1905–1907 гг. в Архангельской губернии (куда тогда входил Мурман) содержалась $^1/_6$ часть всех политических ссыльных России (410 из 2 327). И среди них было немало поляков.

Это механик В.М. Пелко, сосланный за «пропаганду среди лодзинских рабочих революционных идей, а также за распространение подполь-

ных изданий и устройство тайных собраний рабочих»; это дамский портной Н.В. Цехановский, отправленный в поморскую Кузомень «за участие в противоправительственной демонстрации в городе Лодзи, «устроенной социал-демократическим сообществом "Бунд"».

Другая группа поляков, появившихся на Мурмане в период Первой мировой войны, была связана с флотилией Северного Ледовитого океана. Из них мы хорошо знаем двоих: контр-адмирала Казимира Филлиповича Кетлинского и судового механика Михаила Александровича Ляуданского.

Первый – выходец из мелкодворянской семьи южной Польши, прибыл на Мурман 17 июня 1917 г. на крейсере «Аскольд», которым он тогда командовал. Здесь на Севере Кетлинский получил адмиральское звание, а чуть позже был назначен Гланамуром – Главным начальником Мурманского укрепленного района.

Казимир Кетлинский прошел до этого хорошую военно-морскую выучку: в 1895 г. окончил морской кадетский корпус, служил по артиллерийской части на Черном море, в 1900 г. лейтенанта Кетлинского послали в Америку проследить за установкой артиллерийского вооружения на строящемся в США броненосце «Ретвизан». Затем – морской переход через Атлантику, потом еще один поход – Тихий океан.

В послужном списке К.Ф. Кетлинского записано: «Награжден золотою саблею с надписью "За храбрость" за проявление особого мужества во время внезапной минной атаки на эскадру Тихого океана 26-го и в бою 27 января 1904 года».

Казимир Филиппович был неоднократно ранен и получил контузию. После русско-японской войны служил старшим офицером на минном корабле «Иоанн Златоуст», преподавал в Морской академии. Перед Первой мировой войной продолжал службу на Черноморском флоте, откуда и был направлен на «Аскольд».

Служба на Мурмане выявила и другие таланты Кетлинского: он был хорошим организатором и «хозяином», прекрасным дипломатом (знал английский, немецкий, французский языки), ведь ему приходилось почти ежедневно общаться с военно-морскими миссиями стран Антанты. Казимир Филиппович ладил с общественными организациями бурного семнадцатого года – Советом, Совжелдором, Центромуром. Будучи беспартийным, находил общий язык и с большевиками, и с эсерами, и с представителями других партий. Во многом благодаря выдержке, тактичности и, по словам одного очевидца, «шляхетской мудрости» Кетлинского Октябрьская революция на Мурмане обошлась без крови.

А вот самому Казимиру Филиповичу выжить не удалось: какие-то подонки подло убили его 28 января 1918 г. Почему подло? Потому что целились в безоружного человека, стреляли в спину...

Другой представитель польской нации того же бурного времени был несколько иным человеком: и по положению, и по характеру. Унтер-

офицер машинной команды большого корабля, он был маленьким винтиком военно-морской машины. Да и характер Михаила Александровича Ляуданского был другой – веселый, компанейский, какой-то бесшабашный. Друзья его звали «Мишка-балагур», матросы эскадры – «Гусар с "Чесмы"». Но это было лишь первое впечатление. На самом деле это был вдумчивый человек, умный собеседник. Он стоял на позициях главной крестьянской партии того времени – социалистов-революционеров (эсеров). По национальному вопросу он отстаивал свободу и независимость Польши.

В начале 1918 г. М.А. Ляуданский (по некоторым документам проходил как Лявданский) возглавил главную матросскую организацию Мурмана – Центромур. Так сокращенно назывался Центральный комитет Мурманского укрепрайона (то было время разных ЦК, так же, как в Гражданскую войну настанет время ЧК – Чрезвычайных комиссий).

В этом качестве – как представитель Центромура – Ляуданский входил в Народную коллегию, созданную 1 февраля 1918 г., в Мурманский краевой Совет, во все другие организации того революционного периода.

После того как белогвардейцы разогнали Советы и Центромур, Ляуданский остался вне политики. Он вернулся в экипаж и прослужил до окончания Первой мировой войны.

Период Гражданской войны для всех поляков, в том числе и проживавших на Мурмане, был тяжелым испытанием. Это было время, когда по одну сторону фронта пели: «Пики к бою, сабли в ладонь, большевика гонь, гонь, гонь!» (гонь – означает «гони»), а по другую – «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки!».

Как только с Польшей был заключен мир, М.А. Ляуданский стал оформлять документы на выезд на родину. Где он жил и работал на родине, нам не известно. Но в год смерти М.А. Ляуданского в польском морском журнале был опубликован некролог о нем как о шефе яхтклуба.

Третий миграционный поток поляков на Север начался в годы социалистической индустриализации и коллективизации. Он состоял из двух течений: принудительного и добровольного. Среди поляков, насильно вывезенных на Мурман, были зажиточные крестьяне западных областей Белоруссии и Украины (т.н. акция очистки территории вдоль границы), интеллигенция режимных городов, выселяемая из них после убийства С.М. Кирова. Что же касается добровольно прибывающих на Кольский полуостров в те годы поляков, то это были либо инженеры и техники, направленные в Хибины, Монче-тундру и другие необжитые места по разнарядкам соответствующих ведомств (как, видите, добровольность тоже довольно условная), либо люди, искавшие дальние углы по каким-либо личным мотивам.

Когда же маховик сталинских репрессий стал набирать обороты, эти люди, перекати-поле (по официальной терминоологии – инонационалы), стали особым объектом в преследовании местных органов НКВД. Сколько было арестовано поляков на Кольском полуострове в 30-е гг., мы сказать

не можем: нет у нас такой цифры. Но мы назовем лишь некоторых из них, после кого остался след.

Летом 1938 г. был арестован как участник «контрреволюционной польской националистической шпионско-диверсионной группы» инспектор кадров локомотивного депо станции Кандалакша Казимир Иванович Топольский. В октябре того же года его расстреляли и только через 20 лет реабилитировали: не виновен, не шпион польской разведки, не диверсант на железной дороге.

В следственном деле № 5887, долго хранившемся в архивах КГБ, записано, что Казимир Иванович Топольский, 1895 г. рождения, поляк из Подольской губернии, машинист Кировской железной дороги (с 1923 г.), женатый и имевший двух сыновей и двух дочерей, арестован 11 июня 1938 г. Поначалу было предъявлено «небольшое обвинение»: «Занимался шпионажем в пользу Польши и вредительской деятельностью на производстве». Такой вывод был сделан на основании того, что в период польско-советской войны 1920 г. К.И. Топольский был в Киеве и якобы сотрудничал с белополяками.

Поначалу, в первые дни тюремного заключения, Казимир Топольский категорически отрицал предъявленные обвинения. Еще 6 июля 1938 г. он говорил, что «участником контрреволюционной организации я никогда не был и виновным себя не признаю». Но спустя несколько дней, по-видимому после избиений и издевательств, гордый поляк сдался: говорил, что занимался вредительством, докладывал о поступлении в Кандалакшу военных грузов, что в его шпионско-диверсионную группу входили 6 человек, что его завербовал другой поляк – Петр Антонович Кобяк, 1902 г. рождения, работавший в Кировске (у того в Польше осталась мать, и Кобяк с якобы полученными разведданными переходил советско-польскую границу).

В число участников «польского заговора» входили люди, работавшие на железной дороге от Хибин до Полярного круга. На полустанке Полярный круг были арестованы аж два польских «шпиона»: стрелочник Иван Никодимович Кирницкий (1919 г. рождения) и помощник машиниста Антон Тимофеевич Топольский (дальний родственник Казимира Топольского). Первого обвинили, что он занимается диверсионно-подрывной деятельностью, проводит «к.-р. (так в документе. – *А.К.*) польскую националистическую пропаганду». Второго заставили вспомнить, что он когда-то кому-то рассказал о голоде на Украине, что люди в Польше живут лучше, чем они. И первый, и второй якобы защищали М.Н. Тухачевского как поляка и говорили, что, если начнется война, они будут помогать Польше: организовывать крушения поездов, покушения на руководителей Советского государства, передавать польской стороне все имеющиеся сведения.

По этому же «польскому делу» на Мурмане был арестован Алексей Арнольдович Вургафт, 1912 г. рождения, сын потомственного почетного

гражданина Санкт-Петербурга, прибывший в Кандалакшу после окончания техникума. Здесь, на Севере, он получил квартиру (ул. Пролетарская, д. 27, кв. 9), работу нормировщика в электродепо, заимел друзей, в т.ч. поляка Николая Адамовича Григорика. Но за «свободные разговоры» и восхваление фашистского строя в Польше пошел в тюрьму и под расстрел.

За компанию с Топольскими, Кирницким, Кобяком и Вургафтом попал в тюрьму еще один кандалакшский поляк – Антон Францевич Коцкий, 1910 г. рождения, заведующий материальным складом железной дороги. Его тоже обвинили в диверсионно-подрывной деятельности и 2 августа 1938 г. судили в Ленинграде. За шпионаж, диверсии, вредительство, террор и контрреволюционную агитацию всех волей особой «тройки» осудили на расстрел с конфискацией имущества. 16 октября 1938 г. объявили приговор, а спустя 6 дней – расстреляли.

В «польском деле» промелькнули еще две фамилии: Владимир Игнатьевич Левицкий (1891 г. рождения) и Андрей Осипович Циток (1888 г. рождения). Но что стало с ними, мы пока не знаем.

Когда в 1958 г. «мурманских поляков» реабилитировали, мы пытались найти родственников погибших, но откликнулась лишь семья Коцких. Остальные пропали – может, в войну они вернулись на родину предков?

Кроме этого громкого «польского дела» поляки репрессировались и под другими предлогами. Среди этих загубленных поляков были Федор Константинович Мыспинский, 1887 г. рождения, житель Волыни, заведующий почтовым отделением станции Пулозеро; Станислав Карлович Левашкевич, агроном Кольской машинно-тракторной станции, а также Н.А. Коваль, И.Л. Зинский и много-много других.

От ареста по пресловутой 58-й статье не спасали ни возраст, ни состояние здоровья, ни удаленность от центров цивилизации. Так, в Сеть-Наволоке, у черта на куличках, был арестован Казимир Иосифович Урбанович, 1909 г. рождения, секретарь постройкома УНР-94 Северного флота (УНР – это управление начальника работ, своего рода строительная организация у военных). На судоремонтном заводе Главсевморпути были репрессированы мостовщик Михаил Феликсович Дочевский (48 лет), вахтеры Казимир Петрович Недзельский (33 года) и Григорий Антонович Ясницкий (30 лет).

Среди репрессированных поляков были и женщины: Станислава Эдмундовна Возняцкая, 1904 г. рождения, работала в бухгалтерии Мурманского областного отдела соцобеспечения; Аделия Фоминична Андрижевская-Словацкая, 1893 г. рождения, горничная Дома междурейсового отдыха Мурманского тралового флота.

Тех же поляков, что не попали в жернова репрессий в 1937–1938 гг., ожидали другие невзгоды: в 1940 г. их стали вновь переселять, теперь уже на восток. Так, из Умбы была выселена Ядвига Казимировна Козлова (фамилия мужа), работавшая возчиком в леспромхозе. Немало поляков вывозилось из Кировска и Мончегорска (их отправляли в Алтайский край).

Сообщая польской (да и русской тоже) общественности эти имена, автор хочет надеяться, что, может быть, кто-либо и откликнется – если не из репрессированных, то хотя бы из их близких и потомков. Это было бы лучшей наградой за тот поиск, что пришлось выполнить в ходе подготовки этого материала.

Катыньская трагедия и ее отголоски на Севере

Сначала несколько общих справок для молодого или далекого от истории читателя.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу: началась Вторая мировая война. Сталин, самолюбие которого до крайности было уязвлено поражением от поляков в 20-м году, решил воспользоваться моментом и вернуть земли, преимущественно населенные украинцами и белорусами. Поход Красной армии на помощь «западным братьям» был кратковременным – всего 12 дней, но «трофеи» были огромными.

По одним данным (книга «Катынь. 1940», изданная в Нью-Йорке в 1987 г.), было взято в плен 230 670 польских солдат и офицеров, по другим, более объективным источникам, в сентябре 1939 г. в советском плену оказалось от 130 тыс. (по русским данным) до 180 тыс. (по польским материалам) солдат и офицеров. Для их размещения потребовалось 138 пересылочных и 8 селекционных лагерей вблизи границы.

Есть также сообщение, что около 46 тыс. задержанных были вскоре освобождены и распущены по домам, а большая часть (в нью-йоркском источнике называли цифру 180 тыс. человек) была депортирована в глубь СССР.

Эти разночтения в цифрах есть и в русских публикациях. Так, газета «Правда» 23 сентября 1939 г. сообщала о 120 тыс. захваченных поляков, а НКВД подтверждал наличие лишь 88 901 человека (по состоянию на 8.10.1939 г.).

А в журнальной публикации («Новая и новейшая история», 1993, № 2) сообщалось, что на 2 ноября 1940 г. в лагерях НКВД находилось всего 18 297 военнопленных поляков, большая часть которых до 1939 г. проживала на территории, отошедшей к Германии. В то же время в другом документе утверждалось, что на 27 сентября 1941 г. в местах заключения, ссылке и высылке было 391 575 польских граждан. А их судьба была якобы такой: в начале Великой Отечественной войны были освобождены из тюрем и лагерей 50 295 человек; из лагерей военнопленных – 26 297 человек; из спецпоселков, мест ссылки и высылки – 265 248 человек.

Так что мы можем понять тревогу тех поляков, чьи близкие попали в мясорубку первого периода Второй мировой войны и оказались где-то в России. Вот именно они чаще всего и задают вопрос: «А у вас, на Севере, были поляки?»

Отвечаем: «Да, были».

Много спецпоселков бывших «осадников» и «лесников» было в Архангельской и Вологодской областях, Якутской и Коми АССР. Достаточно сказать, что когда в 1941 г. началась запись добровольцев в польскую армию, то из Коми АССР только в первые недели записалось около 9 тыс. человек. Кстати говоря, где-то на севере, то ли в Коми АССР, то ли в Вятке отбывал 8-летний срок ссылки польский профессор Станислав Свяневич, единственный уцелевший свидетель катыньской трагедии.

Как писали авторы сборника «Катынь. 1940», еще в войну «возникли предположения, что военнопленные содержатся где-то на Дальнем Севере, где их используют как рабочую силу, и поэтому-то местные власти не спешат с их освобождением. Поползли слухи о пребывании польских военнопленных на Колыме и даже на Земле Франца-Иосифа... Рассказывали о какой-то довольно большой группе офицеров, потопленных якобы на старых судах то ли в Белом море, то ли в Северном Ледовитом Океане».

Есть упоминания о поляках на Русском Севере и в отчете уполномоченного генерала Андерса по розыску пропавших на территории СССР польских офицеров (а их было более 10 тыс.) ротмистра Юзефа Чапского. Вот эти места из его отчета:

«Когда я заговорил о Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, он (речь идет об одном из руководителей НКВД. – *А.К.*) не только не был удивлен, но сам показал мне на карте порт Дудинку на Енисее, через который переправлялись на эти острова самые большие партии заключенных...

Я снова спросил генерала о Новой Земле, сказав, что у меня есть информация о находящихся там польских военнопленных... И опять Наседкин прореагировал иначе, чем накануне. «Не исключено, – буквально сказал он, – что подчиненные мне северные лагеря отправили некоторые немногочисленные группы на эти острова, однако там и речи нет о тех многих тысячах, о каких я услышал от вас...»

И, наконец, еще один отрывок из отчета Ю. Чапского: «До нас доходили лишь слухи о том, что в 1940 г. на Колыму через бухту Находка было переправлено от 6 до 12 тыс. офицерского и сержантского состава, что в шахтах на Земле Франца-Иосифа сконцентрировано более 5 тыс. офицеров, а множество их было выслано также на Новую Землю, на Камчатку, на Чукотку... что польские военнопленные офицеры были вывезены на огромных буксировавшихся баржах (по 1 700–2 000 на каждой) на северные острова и что баржи эти затонули... Ни один из этих слухов не был достоверно подтвержден...»

Прежде чем перейти к сугубо мурманскому материалу, хотелось бы пояснить кое-какие юридические и правовые нюансы проблемы польских граждан, попавших в СССР в 1939 г.

Во-первых, в силу того что вооруженные действия велись противоборствующими сторонами без объявления войны, поляки, попавшие в руки

Красной Армии и НКВД, были чем-то непонятным: то ли пленными, то ли интернированными, то ли заключенными.

С одной стороны, их вроде бы нельзя было считать военнопленными, так как СССР и Польша, как мы уже говорили, не находились в состоянии войны друг с другом; с другой стороны, их трудно было считать интернированными, поскольку их задержали на территории Польши еще до того, как она была включена в состав СССР. И тем не менее надзор за поляками стало осуществлять Управление по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР, созданное 19 сентября 1939 г., на третий день «освободительного похода».

Первоначально все задержанные поляки содержались вместе. Затем отсортировали офицеров и «аристократов». Что же касается гражданских, то их разделили на три группы. К первой принадлежали лица, проживавшие на территориях, отошедших от Польши к СССР; ко второй – проживавшие на землях, отошедших к Германии; к третьей – на территориях, отошедших к Литве.

Так вот и получилось, что уже в 1940 г. польские граждане находились в СССР либо в тюрьмах, либо в исправительно-трудовых лагерях, либо в лагерях для военнопленных, либо в спецпоселках и ссылке.

Только с началом Великой Отечественной войны, 12 августа 1941 г., была объявлена амнистия «всех польских граждан, содержащихся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других (как тогда утверждали) достаточных основаниях». К тому времени практически выжили лишь те, кто захотел остаться в СССР, либо те, за кого ходатайствовали из Лондона и Рима, а также осведомители и... герой русско-японской войны генерал Ежи Волковицкий.

Поляки на Советском Мурмане

Впервые я услышал о поляках периода 1940–1941 гг. на Кольской земле от ветерана Заполярья Георгия Викторовича Елисеева. Он рассказал мне, что, будучи секретарем Кандалакшского райкома партии большевиков, он занимался лагерными делами то ли пленных, то ли интернированных поляков. Затем я нашел железнодорожника, который помнил прибывавшие эшелоны с поляками (их было, кажется, 3 или 4).

Затем мне встретились более конкретные документы и выяснилось, что часть польских интернированных (бывшие полицейские, тюремщики, охранники лагерей, активные члены антисоветских политических партий, высоких рангов чиновники, осадники и т.д.), находившихся в фильтрационных лагерях на Украине, была отправлена в северные районы СССР для использования на военном и дорожном строительстве и сооружении аэродромов.

8 апреля 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия отдал распоряжение № 00358 послать большую группу поляков, в прошлом (в основном) полицейских, «в район Мурманска на работы по строительству аэродрома». Как писал профессор Ч. Мадайчак, «затем они были использованы на других работах за Полярным кругом, где часть из них не пережила тяжелых условий труда». Этот факт подтверждала и советская исследовательница этой проблемы В. Парсаданова: «Интернированные работали на строительстве дорог и аэродромов, в том числе... и в Мурманской области (Поной)».

Нашлись документы и о том, сколько их было. По справке управления НКВД по делам военнопленных и интернированных (УВПИ), на 22 июня 1941 г. на строительстве Северо-Печорской железной дороги находились 7 754 поляка и на строительстве аэродрома у Поноя – 4 000.

В этих северных лагерях была собрана в основном польская элита: видные общественные деятели, ученые, инженеры, журналисты, учителя, врачи. На каждого было заведено подробное досье. И во время разных вызовов к оперативнику, пленные и интернированные поляки поражались, как в НКВД хорошо знали их биографии да и всю подноготную.

Судя по всему, и в понойском лагере полякам было несладко: необустроенно, холодно (особенно донимали ветры с моря), голодновато и тоскливо. Весной 1941 г. все поляки выглядели «нефорсисто»: за две зимы обувь износилась, лица у большинства посерели, у многих были раздражения кожи в результате употребления бедной витаминами пищи. Были и болезни, случались и смерти. Международный Красный Крест в Заполярье, как и в других местах СССР, не признавали и игнорировали.

Когда в июне 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, район Поноя оказался вблизи зоны морских военных действий. Поляков пришлось срочно эвакуировать в среднюю полосу России. По одним данным, 2 тыс. человек попали в Суздальский лагерь, а 2 тыс. – в Южский. По другим, часть «понойцев» попала в Грязовец (крупный лагерь в Вологодской области). А уже оттуда многие попали в польскую армию Андерса, и их разбросало по всему белу свету.

Поляки и «экспедиция в Петсамо»

Есть еще одна страница польской истории периода начала Второй мировой войны, связанная с Севером. Это события времен т.н. «зимней», или «стопятидневной», войны СССР с Финляндией.

Европа, расценив действия Сталина против финнов как агрессию, стала думать, как помочь маленькой Финляндии. Вот так в декабре 1939 г. возникла идея «экспедиции в Петсамо». В этой военной акции должны были участвовать морские и сухопутные силы Англии и Франции, а также не сдавшейся на милость врага свободной Польши. Так появилась идея ис-

пользовать для экспедиции в Петсамо польские военно-морские силы (3 эсминца и 2 подводные лодки, находившиеся в английских портах). Уинстон Черчиль высказал тогда мнение, что действия польских военных кораблей в районе Петсамо и Мурманска принесли бы «немаловажные результаты».

Франция со своей стороны также планировала использовать польские воинские части (3–4 батальона), сформированные во Франции, при высадке десанта в Петсамо. Вместе с англичанами и французами они «должны были наступать в направлении Кандалакши, перерезать Мурманскую железную дорогу и окружить советские части, находившиеся на Севере».

Но этот план остался нереализованным, война СССР с Финляндией в марте 1940 г. закончилась, «западные» поляки на Мурмане не появились.

В горниле Второй мировой войны

В 1941–1945 гг. поляки на Мурманском Севере были в разных качествах: одни как союзники русских (в составе конвоев – знаменитый «Тобрук»), другие как враги (служившие в германской армии).

По амнистии от 12 августа 1941 г., в Мурманской области было освобождено от всяких уголовных наказаний около 200 польских подданных. Но, судя по двум сохранившимся в архиве спискам амнистированных (один на 131 человека, другой на 44), «чистых поляков» там было всего 17 человек. Все остальные были белорусы, украинцы, евреи (и даже один цыган).

Что же касается поляков, служивших Германии, то по этому поводу у нас есть несколько деталей.

Мурманчанин А.А. Синклинер, служивший переводчиком на Кандалакшском направлении, описывал допрос одного поляка-перебежчика следующим образом:

- «Как Вы оказались в немецкой армии?
- Немцы насильно забирают поляков по тотальной мобилизации.
- Почему перешли на нашу сторону?
- Не хотел воевать против русских. Немцы плохо обращаются с поляками, не доверяют нам. Наши родные в оккупации. Их притесняют, заставляют говорить только по-немецки.
- Как вам удалось бежать?
- Я был в секрете перед боевым охранением. При смене отстал от немцев и перебежал...»

Но многие поляки служили в германской армии (или в каких-то других ведомствах) до конца войны. Вот они-то в качестве военнопленных или интернированных и узнали Кольский полуостров.

После освобождения западных районов Белоруссии и Украины, а также восточной части Польши в 1944 г. только по линии ОКР «Смерш» 1-го Украинского фронта в Кандалакшский лагерь интернированных (№ 513) прибыло 113 поляков. После проверки и «фильтрации» их постепенно освобождали. Но те, кто был связан с гестапо, был полицейским, предавал сородичей, еще долго отбывали наказание.

Из лагеря интернированных в первую очередь освобождали поляков, ничем не запятнавших себя в годы немецкой оккупации; во-вторых, тех, кто был из среды рабочего класса (из Силезии, из Катовиц).

Первую большую партию «мурманских поляков» (102 человека) освободили в июле 1945 г. Но, к сожалению, часть поляков не дождалась свободы и «ушла в мир иной». На 1 декабря 1945 г. только в одном лагпункте умерло 147 поляков.

Интернированные граждане Польши содержались и в лагерном отделении 4-Б лагеря военнопленных № 448. По спискам 1946 г., там было 114 мужчин и 33 женщины. Как ни странно, но были среди этих интернированных и русские.

По отчету на 15 марта 1946 г. во всех лагерях Мурманской области для военнопленных и интернированных сидели и «ждали погоды» 216 польских граждан.

Ну а дальше все шло как обычно: работа на стройках Заполярья, освобождение и отъезд в Польшу.

...Мне в жизни пришлось столкнуться с двумя поляками. Адам Францевич Радзивилович возглавлял автотранспортную контору, а Тадеуш Фердинандович Сладкович (по основной профессии горный инженер) был моим начальником. И тогда я говорил, и сейчас скажу: «Хорошие мужики!».

Вот на этой ноте и закончу этот очерк...

И вновь об аборигенах Кольского полуострова

Перечитав очерк о саамах, я увидел, что ряд вопросов истории этого тундрового народа освещен неполно, и решил сделать два добавления: одно о войне 1941–1945 гг., другое по поводу Года коренных народов.

В суровые годы войны

Прежде всего, еще раз отметим, что саами всячески помогали фронту. Оленеводы горячо поддержали почин териберских колхозников о сборе средств на строительство авиаэскадрильи «Советский Мурман». Колхоз «Тундра» сразу внес в этот фонд 50 тыс. рублей. По тысяче рублей внесли тогда саамы К.А. Сорванов и Г.Ф. Кириллов.

К концу февраля 1943 г. на строительство эскадрильи самолетов «Советский Мурман» ловозерцы внесли 325 тыс. рублей. Кроме этого, только за первые полтора года войны оленеводы внесли в фонд обороны свыше 300 тыс. рублей. В 1941 г. жители Ловозерского района послали фронтовикам Заполярья 300 посылок, свыше 300 метров маскировочного полотна, свыше 400 теплых вещей. Колхоз «Тундра» в 1942 г. дал фронту свыше 1 тыс. центнеров мяса, а всего за годы Великой Отечественной войны ловозерцы передали фронту 15 тыс. оленей.

Десятки оленеводов принимали непосредственное участие в боевых действиях Советской Армии, в том числе в войсках Карельского фронта. Колхозница Прасковья Семеновна Данилова отправила в Красную Армию шестерых сыновей. Каждого из них она напутствовала: «Будь всегда впереди, бейся с врагом до победы, не жалей сил для разгрома врага». Вместе с саами сражались их товарищи по тундре – коми. В самом начале войны оленевод В.М. Канев писал: «Сейчас, когда фашисты снова протянули свою кровавую лапу к Советскому Союзу, мои сыновья, Иван и Михаил, ушли на фронт. Я тоже готов по зову Советского правительства пойти громить врага, не щадя своей жизни. Я уверен, что фашисты будут раздавлены: мы боремся за Родину, за свое счастье».

У колхозницы А.Ф. Поповой в армии служили четверо сыновей. Один из сыновей, Иван Попов, писал матери из маршевой роты: «Мама, ты должна гордиться, что твои сыновья защищают от врага священную землю. Отправляюсь на фронт бить фашистских гадов. Не беспокойтесь, родные, мы сметем с лица земли эту нечисть. Вернемся домой с победой».

Свое обещание жители тундры выполнили. На фронтах Великой Отечественной войны саамы показали себя как хорошие следопыты, лучшие стрелки и знатоки природы. Их наблюдательность, умение ориентироваться в любой обстановке, приноравливаться к сложным климатическим и географическим условиям, беспримерная выносливость закрепили за ними

славу лучших и стойких солдат. Этот характер воинов-оленеводов плюс ездовые качества северных оленей, которые были незаменимы на многих участках Карельского фронта, сказались как в финскую кампанию, так и в годы войны с фашистской Германией и ее сателлитами. На оленьих райдах осуществлялось на Кольском полуострове снабжение частей 14-й армии, переброска снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Саами помогали разыскивать в тундре вражеские десанты и отдельных лазутчиков, шли на помощь нашим сбитым летчикам и самолетам, вывозили с передовой линии и из партизанских отрядов раненых.

На фронте действовали специальные подразделения лыжников, передвигавшихся с помощью оленей. Из студентов Института народов Севера был сформирован отдельный батальон, во главе которого был преподаватель института офицер Базанов. Батальон принимал участие в военных действиях на северном участке Карельского фронта. Один из бойцов этого отряда саам Вячеслав Павлов писал родным: «Я горжусь тем, что стал красноармейцем и с оружием в руках вместе с русскими защищаю землю моих дедов и прадедов. Олени нашего колхоза помогают мне бить врага».

В разведывательном отряде Северного флота служили саамы Борис Юлин и Петр Лукин. На оленьих упряжках вывозили они раненых с поля боя, доставляли разведданные, продовольствие и вооружение. В полосе фронта, где нельзя было использовать автотранспорт, олени были незаменимым средством доставки военных грузов и людей.

За мужество, проявленное при эвакуации раненых с передовой линии фронта, бывший колхозник Юлин был награжден медалью «За боевые заслуги». Орденом Славы и медалью «За победу над фашистской Германией» был награжден саам учитель Лазарь Яковлев, орденом «Красной Звезды» – пастух Г.П. Галкин; Егор Матрехин, работавший до войны заместителем председателя колхоза «Красная тундра», за выполнение ответственного боевого задания был награжден медалью «За боевые заслуги». Орденами и медалями СССР были награждены сержант Рочев, красноармейцы В. Маягин, Ф. Семяшкин, А. Сорванов, Г. Дмитриев и др.

На фронте были и девушки-оленеводы. В 1944 г. председатель колхоза «Тундра» получил письмо от пограничников. В нем сообщалось: «Ваши девушки-комсомолки Матрехина, Галкина, Кобелева. Канева, работая в нашем отряде в качестве оленеводов, в боевой обстановке, во время частых налетов вражеской авиации на наш рубеж действовали смело, решительно, не обращая внимании на опасность».

Тяжелыми были военные годы для всех советских людей. Трудно было в тылу, тяжело было на фронте. Многие не вернулись после победы в родные погосты. Другие вернулись инвалидами. Но маленький саамский народ выполнил свой долг: его сыны вместе с русскими, коми и другими народами отстояли свободу и независимость своей великой Родины.

Кольские саамы выбирают будущее

Как известно, 1993 г. Организацией Объединенных Наций был объявлен Годом коренных народов. Делалось это с целью поддержки аборигенов – тех групп населения земного шара, которые в силу особенностей исторического развития оказались как бы в стороне от главной дороги цивилизации и стали «гостями в собственном доме».

У нас на Русском Севере в приблизительно таком положении оказались более 20 этнических групп – от саамов на западе до чукчей и эскимосов на востоке. Но в данном случае мы будем говорить только о Кольском полуострове и людях, населяющих его.

Необходимость порассуждать на эту тему появилась еще и в связи с вступлением Ассоциации кольских саамов в Союз саамов Скандинавии.

Начнем с понятий. Какой смысл вкладывается в словосочетание «коренной народ» в нашем случае? Одни считают, что на Кольском полуострове может идти речь только о лопарях-саамах (до XX в. их часто называли туземцами). Они, мол, тут живут тысячелетиями, именно они освоили тундру и т.д. и т.п. Другие думают, что и ненцы, и коми-ижемцы также являются коренными жителями (хотя они пришли с Печоры на Кольский полуостров в XIX в.). Третьи полагают, что и поморы имеют право называться аборигенами, особенно на Терском берегу. Мол, новгородцы пришли на свободные земли и не сгоняли лопарей с обжитых мест, а действовали по поговорке: «Свято место пусто не бывает».

И тем не менее Год коренных народов, на наш взгляд, отмечать должны в первую очередь саамы. Почему?

Эта маленькая народность (1 678 человек в нашей области, по переписи населения) находится сейчас на переломном этапе своего развития. Она как бы приходит в себя после долгой болезни (можно это состояние назвать и спячкой, и похмельным синдромом, и амнезией, и как угодно еще) и беспомощно озирается: где мы? что с нами? что делать?

Более того, проснулся пока только интеллект народности в лице ее интеллигенции и наиболее активной политически части общины. Проснулся с тревожными предчувствиями и желанием действовать. Но тело этноса, его руки, ноги пока связаны веревками времен административно-командной системы, коллективизации и индустриализации, реформирования и укрупнений погостов, оленьих стад и т.д. Веревки эти, правда, прогнили, и освободиться от них уже нетрудно. Сложнее будет восстановить работоспособность тундрового организма, его силу, взаимосвязь отдельных частей.

Многие из тех, кто ставит сейчас диагноз болезни саамской народности, сваливают все на Советскую власть: она, мол, виновата.

Но это слишком простое объяснение, однобокое и неправильное. Ведь нельзя сказать, что при Советской власти о саамах, особенно о бедняках, не заботились. И декларации публиковались, и постановления подпи-

сывались, и средства выделялись. Но зачастую все уходило в песок бюрократии: об обещаниях забывали, деньги уходили на латание какой-то очередной дыры на общем кафтане. И положение постепенно ухудшалось.

Правда, многое тут зависело от объективных факторов. Цивилизация XX в. принесла и в тундру все негативные приобретения человечества. Поколебала веру людей в природу как источник всех благ. Обычным делом стала нечестность в торговле и человеческих отношениях («не обманешь – не проживешь»). Широкое распространение получили алкоголизм, браконьерство и невиданные ранее болезни.

Все эти проблемы не чисто местные. Они характерны и для других малочисленных народов. И не только «на северах», но и в Африке, и в Австралии, и в Полинезии. Это флюс общечеловеческой цивилизации, это ее «шлаки».

В последнее время о саамах много пишут в газетах, нередки стали о тундре телепередачи. Но пишут и говорят больше о «внешней» стороне жизни оленеводов: о связях с заграницей, о деятельности Ассоциации Кольских саамов, о фольклорных коллективах и восстановлении прикладного искусства. Телевизионщики больше бьют на цветовой эффект: красочные костюмы, национальные танцы, гонки оленей.

А вот что касается будней саамских семей (работа, быт, жилье, питание, досуг, верования и т.д.), то все это остается за пределами газетных публикаций и экрана телевидения. За последние два-три года в нашей областной печати я помню всего два-три материала В.В. Сидорина, В.А. Смирнова и С.П. Шерстобитова, посвященных главному занятию саамов – оленеводству. А ведь в конце концов судьба народности в значительной степени зависит от этой отрасли хозяйствования да еще рыболовства во внутренних водах Русской Лапландии. А естественные природные связи «человек – олень – тундра» и «саам – река (озеро) – рыба» во многих местах подорваны бездумным хозяйственным и государственным вмешательством, различными пертурбациями, милитаризацией прибрежной части Кольского полуострова.

Во все времена – и при царе, и в послереволюционное 70-летие, и в настоящее время – у кольских саамов не было и нет нужного взаимопонимания с властями: как местными, так и центральными. Мужская часть саамской общины в большинстве случаев пассивна и равнодушна. Мол, плетью обуха не перешибешь. То же продолжается и сейчас. Администрация Ловозерского района вот уже несколько лет как заключала договоры с американской фирмой на аренду значительной части Поноя, самой крупной и богатой рыбой реки восточной части полуострова, большинство саамов возмущаются, но... про себя.

И вот здесь-то мы подходим к главному выводу: беда саамской народности до последнего времени заключалась как в физической, так и в духовной деградации значительной части общины. Небольшая числен-

ность саамского населения (во все времена менее двух тысяч человек), разбросанность его от финской границы до Поноя и от Мурманска до Ловозера и Ены, довольно частые смешанные браки усугубляли ассимиляцию, вели к потере национальных черт, языка, характера. Пассивность большинства саамов, их неумение и нежелание бороться за свои права и будущее привели к плачевному состоянию народа. Средняя продолжительность жизни саамов – чуть больше 40 лет (почти как в Гвинее, самой отсталой стране мира). Рождаемость из десятилетия к десятилетию снижается, смертность растет (особенно число самоубийств).

По свидетельству президента Ассоциации кольских саамов Н.Е. Афанасьевой (она сказала об этом по телевидению), половина взрослого саамского населения злоупотребляет алкоголем.

Статистика утверждает, что каждый десятый трудоспособный саам не работает. А из числа работающих саамов Ловозерского района только 16% трудятся в оленеводстве, тогда как 64% заняты малоквалифицированным трудом.

И все же дело небезнадежно, самосознание кольско-саамского этноса проснулось. Всего десять-пятнадцать лет назад можно было пересчитать представителей саамской интеллигенции на пальцах одной руки. Сейчас картина изменилась. Вот ряд новых имен: художник Иван Галкин, поэтессы Ираида Виноградова и Эльвира Галкина, научный сотрудник А.Г. Хворостухина.

А вот другие факты.

Ольгу Матрехину (племянницу О.В. Вороновой) послали на учебу в Международный центр подготовки национальных кадров в Петербурге. Элла Денисова, студентка Мурманского пединститута, едет осенью на стажировку в Лапландский университет в город Рованиеми (Финляндия). Светлана Данилова и Петр Попов учились весной 1993 г. в Карашйоке (Норвегия). 6 мурманских студентов-саамов ездили в этом году на международную конференцию в Тромсе.

Кольские саамы приняли активное участие в подготовке приуроченной к Году аборигенных народов художественной выставки народов Севера (проект «Арт-Арктика»). Она будет одновременно работать в Гренландии, Канаде, на Аляске, в Скандинавии и России. На ней должны экспонироваться и произведения кольских саамов Ивана Галкина, Анастасии Мозолевской, М. Поповой, Л. Авдеевой и др.

Так что говорить, как это сделала в 1992 г. норвежская газета «Афтенпостен», о кольских саамах как о вымирающем народе, конечно же, нельзя. Проблем у наших саамов много, но народ этот жив и будет жить. Об этом говорят и другие факты современного развития саамской общины.

Создано и работает акционерное общество закрытого типа «Валтялл» («Свободная жизнь») в Ловозере. Действует товарищество с ограниченной ответственностью «Саамь сыйт» («Саамская деревня») в Кольском районе,

оно ориентировано на охоту и рыболовство. Предпринимаются попытки восстановить старые погосты Иоканга и Варзино. Создаются рабочие места, чтобы занять безработных саамов, предпринимаются шаги по избавлению коренного населения от страшного порока – пьянства. Но все опять-таки упирается в проблему финансирования – нет денег... Как известно, сейчас российская казна пуста (не забывайте, речь шла о 1993 г. – *А.К.*).

И вот тут встает еще один «деликатный» вопрос – об иностранной помощи кольским саамам.

Насколько мы можем судить по газетным сообщениям, решение о финансовой помощи российским саамам принято правительством Норвегии (якобы выделен 1 млн крон), и обещаны, а может уже и выделены, 450 тыс. марок Финляндией. Уже сейчас ясно, что не все выделенные кроны и марки дойдут до кольских саамов. Например, на упомянутые финские государственные субсидии было подано 70 заявок, в т.ч. только 15 – из России (3 – на содержание фольклорных ансамблей, 1 – на издание книг, 1 – на строительство офиса). Остальные поданы, видимо, теми, кто хочет помогать нашим саамам и заработать на этом свой кусок пирога. И норвежский миллион будет наверняка поделен так же: для русских, но через норвежские каналы и проекты (обучение северосаамскому языку, командирование своих специалистов в Россию, стажировки и стипендии наших в Норвегии и т.д.). Боюсь, что саамы в натуре эту помощь так и не увидят. И реальной поддержки ни российское оленеводство, ни наши погосты не ощутят.

Размышляю об этом, и невольно приходит на память изречение древних: «Бойся данайцев, дары приносящих». Хотим мы или нет, но в связи с экономической помощью из-за границы надо рассматривать и политическую деятельность Союза саамов Скандинавии. Хотя тут завязаны разные направления деятельности, разные структуры, но, боюсь, их цели могут совпасть.

В чем заключается суть наших опасений?

Во-первых, не будет ли утрачен духовный суверенитет кольских саамов (хотя, конечно, и сейчас о суверенитете можно говорить лишь условно)? Не попадут ли они из огня да в полымя? Ведь это самая маленькая община из всех 4 саамских территорий (в Норвегии более 35 тыс. саамов, в Швеции – 10 тыс., в Финляндии – 5 тыс.).

Во-вторых, не грозит ли это гибелью саамскому языку, не утонут ли наши наречия в северосаамском языке?

В-третьих, не начнется ли эмиграция и так-то крохотного народа на Запад? А ведь такие побуждения и настроения уже есть. Причем у самой грамотной части саамов.

Наблюдая за «заботами» богатых соседей о русских саамах, я думаю: а где же наше родное правительство, где мурманские местные власти? Вот только что состоялась в Мурманске сессия Союза саамов (впервые в исто-

рии России!), а на приеме не было никого из «первых». Да и ученых, занимающихся проблемами саамов, не пригласили.

История, к сожалению, повторяется...

И тем не менее в Год коренных народов и в преддверии Дней Северного Калотта в Тромсе не можем мы говорить только о негативном в жизни наших саамов. Это было бы необъективно. Да, кстати, и в Скандинавских странах и Финляндии у саамов есть серьезные проблемы, есть и противоречия между основной нацией государства и лапландцами: из-за территорий, мест в парламенте, управления коммунами, из-за экологического дискомфорта и т.д. и т.п. И это никого не удивляет.

Мы не против международных саамских контактов, мы за усиление побратимских связей (Ловозеро – Карашийок, Ревда – Севеттярви), и в то же время мы за правдивое и объективное освещение саамских проблем. А то ловозерская жительница Любовь Ватонена справедливо возмущается: «Последнее время саамы буквально атакованы зарубежной прессой, не успеваешь отличить одного корреспондента от другого, некоторые ведут себя, как гангстеры...».

Так что же произошло позитивного в жизни аборигенов Кольского полуострова в течение XX в.?

Самое главное заключается в том, что этот маленький саамский народ не вымер, не исчез. Кольские саамы сохранились как определенная общность со своей культурой, языком, фольклором, характером и сферой занятий. Пусть их немного, но они живут, работают. А это немаловажно и потому, что на этот период пришлись две большие мировые войны и две «маленькие»: Гражданская 1918–1920 гг. и советско-финская 1939–1940 гг., около десятка голодных лет (1920–1924 гг., 1932–1938 гг., 1946–1947 гг.), ежовско-бериевские репрессии и прочие общественные катаклизмы.

Второй момент – сохранилось оленеводство как средство существования значительной части саамов. Слава богу, что индустриализация в основном охватила западную часть области и не добралась до дальних восточных районов. Там сохранились пастбища, лишайники, реки с рыбой. И владеть этой территорией должны саамы, коми, ненцы и русские поморы, проживающие там. И распоряжаться по-своему: хотят хозяйствовать индивидуально – пусть живут семьями; желают жить колхозом-совхозом, акционерным обществом – хозяйствуйте так.

Третий момент – саамы Кольского полуострова сохранили свой язык, для них создана письменность, родилась саамская литература, возрождаются прикладное искусство и народные ремесла. Как бы ни ругали Советскую власть, но она немало сделала для этого: тут и школы, и избы-читальни, и больницы, и кадры.

Нам надо быть справедливыми к прошлому, честными в оценке настоящего и осторожными в выборе путей в будущее.

Послесловие

Автор этой книги, доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Киселев, вот уже почти полвека работающий в Мурманском государственном педагогическом университете, хорошо известен в северном гуманитарном сообществе как специалист в области истории Кольского Заполярья. Опыт развития северного этноса заинтересовал ученого в начале 1960-х гг., в пору подготовки им кандидатской диссертации, посвященной социалистическим преобразованиям Кольского Севера в период второй пятилетки. Вышедшие тогда труды Алексея Алексеевича существенно обогатили этноисторические представления о коренных жителях края – саамах (лопарях), разработка которых начиналась в дореволюционные и первые послереволюционные годы усилиями таких исследователей, как Н.Н. Харузин, И.Н. Шмаков, А.Я. Ефименко, Д.А. Золотарев, В.К. Алымов и др. На основе разнообразных источников А.А. Киселевым был рассмотрен процесс развития советских саамов в условиях индустриальной модернизации и структурных изменений российского общества, чем положен конец сомнениям и предположениям некоторых исследователей (В.Л. Кушелев, Г.Ф. Гебель и др.) о том, что саамы якобы сокращаются численностью и «вымирают».

В 1979 г. А.А. Киселев в соавторстве с Т.А. Киселевой опубликовал монографию «Советские саамы: история, экономика, культура», получившую множество положительных откликов как в нашей стране, так и за рубежом. Со временем книга была переиздана не только в нашей стране, но и в Швеции.

В 1970–1990-е гг., работая над созданием очерков, учебных пособий и научно-популярных книг по истории Мурманской области, профессор А.А. Киселев естественно вышел за рамки традиционной, саамской проблематики: так стал накапливаться материал по истории диаспор, мигрировавших на Кольский Север (коми, ненцев, карелов, финнов, норвежцев, татар, китайцев, поляков и др.). Содержательные статьи мурманского ученого на эту тему время от времени появлялись в периодической печати и ныне уже ускользнули от взгляда заинтересованного читателя. Поэтому появилась идея переиздать эти рассеянные по газетным и журнальным подшивкам очерки, объединенные общей проблематикой и замыслом, под одной обложкой.

Новая книга специалиста-североведа Алексея Алексеевича Киселева свидетельствует о двух, на первый взгляд, противоположных, но при этом неразрывных свойствах Севера, представляющих известный социокультурный феномен: тогда как исконная, уводящая в глубокую древность северная традиция глубоко этнична, это само по себе не исключает интернациональность и полиэтническую вместимость Севера в наши дни.

С одной стороны, Север, в силу естественных природно-климатических особенностей, представляя собой неблагоприятную среду для миграций и колонизации, в рамках своей полярной полосы сформировал довольно четко структурированную систему разноэтнических ареалов, населенных аборигенами, или, как их еще называют, малыми народами. С другой стороны, чем дальше, тем сильнее разного рода причины усиливали фактор миграции: Север начал принимать переселенцев, принадлежащих разным народам и культурам, с Юга; усиливалась широтная миграция, в рамках которой северные аборигены уходили с родных мест в другие сегменты циркумполярного периметра. Так и на Кольском Севере появились все те народы, о которых рассказывает в своей новой книге профессор А.А. Киселев.

В связи с тем что роль этнического фактора в наши дни неуклонно растет (и даже в научных кругах появилось полуироничное предупреждение – дескать, либо XXI в. будет веком этнологии, либо его вообще не будет), значение толерантного, слабозаселенного Севера как своего рода земельного запаса, пространственного резерва нашей неспокойной планеты, готового принять беженцев и переселенцев с горячего, воюющего Юга, тоже будет только усиливаться. Поэтому наблюдения и выводы, которые делает профессор Алексей Алексеевич Киселев в своей новой книге, превосходят краеведческий или узконаучный интерес.

П.В. Федоров,
кандидат исторических наук,
доцент

Содержание

Предисловие 3

Этно-демографические процессы на Кольском Севере: история и современность 8

О прошлом и настоящем кольских аборигенов 18

Мурманские коми 26
Как и откуда пришли коми-ижемцы? 27
На стыке веков 29
Коми топонимы 30
В войну, революцию и интервенцию 32
Коми в годы нэпа 34
В тридцатые годы 37
В войну и после 39
Другие проблемы 41

Ненцы на Мурмане 43
Откуда пришли ненцы? 43
В двадцатые годы 44
В годы коллективизации 44
В войну 45
После войны 46
В конце XX века 48

Карелы на Кольском Севере 49
О чем говорят топонимы? 49
Из глубины веков 50
В годы революции и Гражданской войны 54
В двадцатые годы 56
В суровые тридцатые 60
В войну и после нее 64

Финны на Мурмане 67

Норвежцы на Мурмане 76

Татары на Севере 90
Начало 90
Вторая волна 91
В трудные тридцатые 91
В войну и после 93
Новейшее время 94

«Шанхай» на сопках Мурманска 97
Откуда прибыли? Как? И зачем? 98
Как жили китайцы на Мурмане? 101
Китайцы – жертвы сталинских репрессий 105
Еще раз о мурманских китайцах 108

Немцы на Мурмане 112
О, сколько немецких имен и названий! 114
В начале века 115
Война и мир 116
В годы репрессий 118
В годы Второй мировой 119
В первые послевоенные 121
Наши дни 122

Поляки на Русском Севере 124
В начале века 124
Катыньская трагедия и ее отголоски на Севере 129
Поляки на Советском Мурмане 131
Поляки и «экспедиция в Петсамо» 132
В горниле Второй мировой войны 133

И вновь об аборигенах Кольского полуострова 135
В суровые годы войны 135
Кольские саамы выбирают будущее 137

Послесловие (П.В. Федоров) 142